

Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям

Сборник статей
по итогам выставки
«Путешествие Ибн Фадлана:
Волжский путь от Багдада до Булгара»
Центр «Эрмитаж-Казань» • 2016

Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»

Центр «Эрмитаж-Казань»

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Материалы круглого стола,
посвященного книге Ибн Фадлана,
его эпохе и археологическим коллекциям

Сборник статей по итогам выставки
«Путешествие Ибн Фадлана:
Волжский путь от Багдада до Булгара»

Казань – 2016

УДК 94:903
ББК 63.3/63.4
М 34

Издание осуществлено при участии:

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург
Государственный историко-архитек-
турный и художественный музей-
заповедник «Казанский Кремль»
Институт археологии Российской
академии наук, Москва
Астраханский государственный
объединенный историко-архитек-
турный музей-заповедник
Волгоградский областной
краеведческий музей

Волгоградский государственный
университет
Самарский областной историко-
краеведческий музей
им. П.В. Алабина
Казанский государственный институт
культуры
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Институт истории им. А.А. Бакиха-
нова Национальной Академии наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан

Научные редакторы:

доктор исторических наук *Р.С. Хакимов*
кандидат философских наук *З.Р. Валеева*
кандидат исторических наук *М.Р. Гайнанова*

**Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фад-
лана, его эпохе и археологическим коллекциям.** Сборник статей /
под ред. Р.С. Хакимова, З.Р. Валеевой, М.Р. Гайнановой. Казань:
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 144 с.

В сборник включены материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям (18–20 сентября 2016 г.), организованного Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский Кремль», Центром «Эрмитаж-Казань», Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ. В качестве авторов статей выступили российские и зарубежные исследователи.

Сборник адресован специалистам-историкам, археологам и всем заинтересованным читателям.

ISBN 978-5-94981-237-2

© Авторы, 2016
© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Хакимов Р.С.</i> Приветственное слово	4
<i>Ахундова Н.Ф.</i> История хазар по материалам Ахмада Ибн Фадлана	6
<i>Ахмедов И.Р., Зеленцова О.В.</i> Мордва в эпоху Ибн Фадлана	17
<i>Бурханов А.А.</i> Города и поселения Хорасана, Хорезма и Волжской Болгарии на трассах средневековых торгово-караванных путей (из опыта проведения научных экспедиций по пути Ахмеда Ибн-Фадлана и изучения памятников на трассах «Великого шелкового пути» и «Серебряного пути»)	27
<i>Валеев Р.М.</i> Записки Ибн Фадлана как фактор обоснования Выдающейся универсальной ценности Болгарского историко-археологического комплекса в Татарстане	41
<i>Валеев Р.М.</i> Ибн Фадлан и булгарская монетно-весовая система IX–XI вв.	52
<i>Васильев Д.В.</i> Изображения хищников на крышке с Самосдельского городища	70
<i>Кияшко Я.А.</i> Памятники салтово-маяцкой археологической культуры на территории Волго-Донского междуречья	83
<i>Кочкина А.Ф.</i> Памятники Волжских болгар в Самарском Поволжье	94
<i>Манохина М.А.</i> Продвижение выставки «Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара» в социальной сети ВКонтакте	101
<i>Руденко К.А.</i> Ювелирное искусство волжских болгар до и после Ибн Фадлана (постановка проблемы)	109
<i>Сташенков Д.А.</i> Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье накануне прихода Ибн Фадлана	120
<i>Тихонова М.С.</i> Презентация археологического наследия в музейно-образовательных программах по выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара»	131
<i>Шарипова Р.Ш.</i> Популяризация музейных предметов на выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» в музейно-образовательных программах	139
Сведения об авторах	142

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Разрешите поздравить Вас с открытием значимого научного мероприятия, в организации которого совместно с нами участвовали Государственный Эрмитаж, Центр «Эрмитаж-Казань». Мы надеемся, что круглый стол станет удобной площадкой для обмена опытом и поможет по-иному взглянуть на историю Волжской Булгарии.

Круглый стол, посвященный книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям, приурочен к завершению работы выставки «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» в Центре «Эрмитаж-Казань». На ней были представлены памятники декоративно-прикладного и ювелирного искусства, керамические и стеклянные изделия, представляющие культуру и искусство народов, о которых упоминал в своих Записках Ибн Фадлан. Посетители выставки смогли познакомиться с историей древних государств – Волжская Булгария, Хазарский каганат, Древняя Русь.

В 2014 г. Болгарский историко-археологический комплекс был включен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. На территории Поволжья хранится немало артефактов, неизвестных широкой аудитории, но представляющих большую историческую и культурную ценность, и наша задача – все это изучать и публиковать.

Путешествие Ибн Фадлана – неисчерпаемая тема, а его Записки один из лучших источников, который достался нам благодаря Заки Валиди Тогану. По богатству этнографических наблюдений о племенах и народах, живших в древности на территории нашей страны, Записки Ибн Фадлана не имеют себе равных.

Осуществив проект по открытию данной выставки, мы сумели продемонстрировать нашу научную работу и показать широкой публике богатство коллекций Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Государственного музея Востока, Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш.Марджани, Волгоградского областного краеведческого

музея, Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина, Астраханского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. Круглый стол, завершающий работу выставки, надеюсь, станет хорошей традицией, благодаря которой мы сможем достичь нового уровня осмысления научных фактов и дискуссий.

Рафаэль Хакимов
доктор исторических наук,
директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

ИСТОРИЯ ХАЗАР ПО МАТЕРИАЛАМ АХМАДА ИБН ФАДЛАНА

Аннотация: Настоящая статья посвящается изучению истории хазар по материалам Ибн Фадлана. В связи с этим, в ней рассматриваются следующие вопросы: степень изученности проблемы, роль источника «Рисала» в исследовании истории хазар, а также политическая ситуация, на фоне которой происходила посольская миссия Багдада в Волжскую Булгарию; выясняется, что при всём богатстве выбора средневековой арабо-персидской базы, сочинения Ибн Фадлана в качестве первоисточника несут в себе особую ценность.

Ключевые слова: хазары, булгары, каганат, посольство, халифат, Волга.

N.F. Akhundova

THE HISTORY OF KHAZARS ON MATERIALS OF AKHMAD IBN FADLAN

Annotation: This article is dedicated to the research of the Khazars' history based on Ibn Fadlan's records. In this regard, it considers following questions: degree of this problem's knowlages, satisfactory of the source «Risala» in the research of the Khazars' history, also political situation, in which conditions Baghdad's embassy was organized to Volga Bulgaria; it's clearing up, that inspite of the wealth of alternatives in the medieval Persian-Arabic base, Ibn Fadlan's compositions carry a special value.

Keywords: khazars, bulgars, khaganate, embassy, caliphate, Volga.

Ахмад ибн Фадлан – известный арабский хронист I пол. X в., прославившийся описанием своего путешествия на Волгу. Он служил старшим писцом-чиновником в Багдадском халифате, а в 921–922 гг. в качестве секретаря аббасидского халифа аль-Муктадира (908–932 гг.) посетил Волжскую Булгарию и в ходе посольской миссии оставил описания русов, огузов, болгар, хазар, башкир и др. народов в виде путевых заметок «Рисала» (*Записка*). Эти заметки впоследствии сыграли выдающуюся роль в решении основных проблем этногенеза и истории указанных народов. Ценность их заключается в том, что в них автор сообщал о том, что видел и слышал собственноручно. Исследователь Б.Д. Греков отмечал: «Ибн Фадлан лично посетил Болгарию в 922 г... Его сооб-

шения, при этих условиях, приобретают особый интерес» [6, с.14]. Первоначально текст книги считался утерянным, а его фрагменты дошли преимущественно в «Географическом словаре» известного арабского энциклопедиста XIII в. Йакута аль-Хамави (1178/80–1229 гг.), пока в 20-х гг. XX в. в Мешхеде не был обнаружен манускрипт более или менее полного его текста¹.

Что касается хазар, то их историю можно назвать, как высказывался выдающийся учёный В.Минорский, «историей до сих пор таинственного, непостижимого народа» [13, с.122]. Хазары принадлежали тюркоязычной группе народов, который стал известен ещё во II в., но в мировой истории они фигурируют после гуннского нашествия IV в. Так, хазарский царь Иосиф в ответном послании еврею Хасдаю бен Шафруту (X в.), придворному кордовского халифа Абд ар-Рахмана Шан-Насира, причислял хазар к тюркам, родоначальником которых считается Тогарма, сын Йафета [8, с.42]. Шараф аз-Заман Марвази также относил хазар к тюркским народам [13, с.32–33], «К. Багрянородный, Байер и Лерберг также принимали их тюрками» [10, с.484–485]. Хотя на рубеже XIX–XX вв. выдвигались некоторые отличные версии, в частности: Френ относил их к финскому племени, Булыгин – к валугам, Ибн аль-Эфир – грузинам, но они не имели под собой достоверного научного обоснования. Налицо – язык, названия городов, титулов, правителей, которые употреблялись на этой земле (к примеру, «хакан»², «Ханбалык», «Сары» и т.д.). Как заключил Л.Гумилёв, «В VIII в. в Хазарии был уже распространён общий язык болгарско-печенежской группы тюркской семьи западно-хуннской ветви. Письменность была руни-

---

¹ На основе фрагментов «Географического словаря» произведение было впервые опубликовано в 1823 г. академиком-востоковедом Х.Д. Френом на немецком языке. В 1935 г. фотокопия мешхедского документа была передана правительством Ирана в дар Академии Наук СССР, на её основе был осуществлён перевод на русский язык в 1939 г.

² Хакан – царский титул, появившийся в северо-восточной Азии у народов тюркского племени; впервые его встречают в орхонских памятниках. Этот титул усвоили и монгольские императоры... Известен в Византии в VI в., ... существовал у хазар. По-видимому, постепенно сократился в хан и с течением времени уже присваивался губернаторам (в тюркских государствах – Н.А.) [9, с.956].

ческой тюркской. Грамотность получила широкое распространение» [5, с.53]. В VI в. хазары совместно с савирами часто вторгались на Южный Кавказ и далее в пределы Сасанидской и Византийской империй. В Азербайджане, через который хазары проходили на юг, до сих пор северный ветер именуют *хазри*, а Каспий и сегодня называют Хазарским морем; здесь сыграли роль и арабо-хазарские войны, основная часть баталий которых велась на территории Азербайджана³ (717, 723, 727, 728–731, 733, 763, 796 гг. и т.д.). В свою очередь, по мнению Н.В. Пигулевой, именно с Азербайджаном было связано проникновение христианства в Хазарский каганат. Одним из подтверждений служит то, что у хазар был распространён крест так называемой мальтийской формы, принятый в Албанской Апостольской Автокефальной церкви [8, с.69].

Что касается этимологии слова «хазар», то по этому поводу выдвигаются разные версии: большинство склоняются к происхождению от тюркской основы «каз» – «кочевать»; Махмуд Кашгари в “*Divanü lügät-it-Türk*” причисляет его к «одному из названий местности в тюркском мире» [14, с.411]; А.П. Новосельцев высказывается относительно персидского значения «тысяча»; Д.М. Данлоп же, к примеру, считает, что «его происхождение, так же как и *qaz-aq*, не относится ни к какому-либо эпониму, ни к племени, ни к местности, а означает скорее “*way of life*” («стиль, образ жизни») главных носителей этого слова» [11, с.30].

Несмотря на имеющийся материал из средневековых источников и достижения современной историографии, некоторые вопросы истории хазар до сих пор вызывают споры и дискуссии и представляют собой малоизученную проблему. О хазарах писали Ибн Кутайба, Ибн Фадлан, аль-Идриси, аль-Ма’суди, Шараф аз-Заман Марвази, Йакут аль-Хамави, упоминали аль-Бируни, аль-Байда и др. средневековые авторы, работы которых наряду с другими трудами той эпохи были собраны в единый колоссальный массив источниковой базы и исследованы доктором Д.М. Данлопом в его книге «*The history of the Jewish Khazars*», изданной в 1954 г. [11]. В свою очередь, в 1958 г. В.Минорским был проведён критичекий

---

³ Азербайджан в то время находился под властью сасанидской Персии, которая, в свою очередь, входила в состав арабского халифата.

анализ этого труда в работе «A New Book on the Khazars» [13]. По мнению Минорского, добавление слова «иудейские» в название книги ещё нуждается в дополнительном изучении. Распространение иудаизма среди хазар имело ограниченные масштабы и проводилось только определённой прослойкой социальной пирамиды. В целом же хазары проявляли достаточную толерантность по отношению к различным религиям и расам, окружавшим их. Кроме того, лишь одна треть книги Данлопа посвящается изучению причин принятия иудаизма частью хазар, большее внимание автор отводит общей истории хазар, отмечая при этом хорошо слаженную комплексную систему управления в хазарском каганате [13, с.122]. Истории хазар отводили место в своих исследованиях Л.Н. Гумилёв, М.И. Артамонов, С.А. Плетнёва, азербайджанские историки З.М. Буниатов, Н.Ч. Ахундова, Р.А. Гусейн-заде, С. Сулейманова и др. А.П. Ковалевский, тщательно исследовав описания Ибн Фадлана, а также добавив информацию из некоторых дополнительных источников, составил великолепное произведение «Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 922–923 гг.» [6]. Сочинения Ибн Фадлана, как указывалось, представляют для нас особый интерес и содержат немаловажный материал о хазарах.

Путешествию Ибн Фадлана на Волгу способствовали определённые политические обстоятельства. Характеризуя положение Хазарии в I пол. X в., необходимо указать, что географическое положение Хазарского и Булгарского царств было таково, что интересы их находились в непримиримом противоречии. Торговый путь по Волге был преграждён для булгар Хазарией, а Булгария, в свою очередь, преграждала путь, который был необходим хазарам для осуществления торговли с северными странами. Этой причиной и диктовалось стремление хазар подчинить Булгарию. На время им это удалось. По свидетельству Ибн Фадлана булгары и их царь были в порабощении у хазар: «На царе «славян» (булгар – Н.А.) лежит дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве – шкуру соболя... Сын царя «славян» (булгар – Н.А.) является заложником у царя хазар» [6, с.141].

«До царя хазар дошла весть о красоте дочери царя «славян» (булгар – Н.А.), так что он послал сватать её. А он ... отказал ему.

Тогда тот отправил экспедицию и взял её силой, хотя он иудей, а она мусульманка» [6, с.141].

Что касается взаимоотношений с арабским халифатом, то последний не мог одобрять принятие хазарским правителем иудаизма, поэтому из двух соперников ему больше импонировали болгары, тем более что хазары постепенно становились препятствием на пути к осуществлению некоторых торговых связей арабов. Хазары вели ожесточённые войны с огузами. Так что, и халифат, и огузов, и болгар едва ли можно было назвать «доброжелателями» хазар. И только Византия выступала в качестве союзника Хазарии ввиду непрерывных арабо-хазарских войн, да и то с укреплением у власти в Хазарии иудейства, это союзничество становилось номинальным.

Поэтому когда могущественный болгарский царь Алмуш ибн-Шилги направил своего посла к халифу с просьбой просветить его в мусульманскую веру, а также оказать более реальную поддержку – построить для него крепость (дабы защититься от Хазарского царства) – это предложение всерьёз заинтересовало халифа аль-Муктадира.

Здесь сыграли роль ещё некоторые обстоятельства. В Хазарии было много мусульман, которые стремились установить в стране исламское государство. По сообщениям Ковальского, ссылающегося на Ибн Фадлана, «посол болгарского царя, хоть и носил прозвище Хазарин, но был мусульманином. Абдаллах ибн Башту был политическим эмигрантом из Хазарии, представителем мусульманской партии» [6, с.15]. Более того, «выяснилось, что начальник войска огузов Этрек породнился путём брака с царём болгар» и он, как и все огузы не прочь принять ислам. В таком случае огузы, объединив силы с болгарями, могли бы привести к власти в Хазарии мусульман. Вместе с тем, Хазарское царство преграждало халифату самый приемлемый путь для торговли с Севером, поэтому будь то смена власти в Хазарии или её ослабление, в обоих случаях, играли на руку планам халифа. «Вот такие головокружительные перспективы рисовались перед группой политиков, собравшихся при дворе халифа для обсуждения просьбы болгарского царя» [6, с.16]. Взвесив все обстоятельства, было принято решение направить посольскую миссию в Волжскую Булгарию, в числе которой находился и Ибн Фадлан.

Весть о прибытии в Булгарию посольства халифата и окончательном принятии и утверждении там ислама вызвала большой резонанс, особенно, среди мусульман Хазарии. Хазарский царь приказал разрушить минарет в столице страны, Итиле, и казнить муэззинов⁴. Однако Ибн Фадлан проливает свет на данные события, отмечая, что реакция хакана была ответной на действия мусульман: «И вот, когда в 310 г. до царя дошла весть, что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет был разрушен и казнил муэззинов: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил и мечеть»» [6, с.148]⁵. Эти данные указывают на: а). немалое влияние мусульманского населения в Хазарии; б). в целом, толерантное к нему отношение; и в). в то же время, на факт разделения общества.

Описывая столичный город Итиль, Ибн Фадлан отмечал: «Он состоит из двух сторон, – в одной из этих двух сторон живут мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближённые. Над мусульманами начальствует муж из числа приближённых отроков царя, который называется хаз... У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней есть высокий минарет и несколько муэззинов» [6, с.147]. Подобные описания разделённой столицы встречаются во многих источниках [более подробно о них речь пойдёт далее на примере данных Марвази и Артамонова].

Помимо описания политических событий, Ибн Фадлан приводит весьма интересную информацию о нравах и обычаях «наибольшего царя», то есть хакана. По словам путешественника царь хазар, титул которого хакан, «не показывается иначе, как раз в каждые 4 месяца... Его называют большой хакан, а его заместителя назы-

---

⁴ Муэззин (муэдзин, муаззин) – в исламе служитель мечети, призывающий мусульман на намаз (обязательную молитву).

⁵ Отметим, что первой столицей Хазарского каганата был город Варачан, где ещё до создания каганата жили иудеи, попавшие суда из Азербайджана [8, с.68]. Именно там царь Булун принял иудаизм. Причем, по мнению Ахундовой и Гусейн-заде, принятие иудаизма верхушкой хазар носило политический характер, тем самым они дистанцировались от Византийской империи.

вают хакан-бех... И он входит каждый день к наибольшему хакану, смиренно проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова... Обычай наибольшего царя тот, что он не даёт аудиенции людям и не разговаривает с ними, ...а полномочия вершить дела, наказывать и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху» [6, с.146]. «Продолжительность правления их царя – сорок лет. Если он переживёт их, то подданные и его приближённые уволят его или убьют» [6, с.147]. Многие арабские источники X в. подтверждают, что хотя главная власть принадлежала хакану, но управлял не он, а бех. По поводу хакан-бега также существовал древний суровый хазарский обычай: когда новоназначенный наместник (бех), по традиции, являлся к кагану, последнему накидывали на шею шёлковую петлю и душили до беспамятства. Когда в этом полузадушенном состоянии ему задавали вопрос «сколько ты будешь править?», он должен был назвать любое число, которое и определяло срок его правления [10, с.484–485], но, как и в случае с хаканом, срок не должен был превышать 40 лет, в противном случае его также умерщвляли.

Следует отметить, что путешествие Ибн Фадлана пришлось на тот период существования хазарского государства, когда оно находилось скорее на стадии начала своего упадка, нежели расцвета. некогда сильная страна, укрепление которой приходилось на 650 г., в VIII–IX вв. представляла собой самое могущественное объединение Восточной Европы – Хазарский каганат [7, с.38]. Как отмечал М.И. Артамонов, «три века существования Хазарского государства не могли пройти бесследно, и умалять историческое значение хазар столь же неправильно, как и, наоборот, преувеличивать сыгранную ими роль» [1]. В его состав входило 25 падишахств. Основной доход каганат имел от торговли. Однако распределение торговых путей вызвало противоречия с арабами, которые вылились в длительные арабо-хазарские войны, продолжавшиеся около 100 лет и к середине X в. окончательно ослабили Хазарский каганат. Но, пожалуй, главная причина хазарского ослабления была заложена принятием иудаизма Буланом, затем Обадием в VIII в.⁶ Это событие оторвало итильскую

---

⁶ Известны 14 правителей Хазарского каганата, исповедовавшие иудаизм, начиная с Булана. 13 из них носили иудейские имена собственные:

знать от остальной хазарской аристократии, жившей в дальних провинциях [7, с.39]. Данное положение подтверждается и в вышеуказанных записях Ибн Фадлана [6, с.147]. Принятие иудаизма привело со временем к длительным междоусобицам, в результате которых погибли сам Обадия, и два его сына – Езекия и Манассия [7, с.40]. По этой же причине Византия, превратилась в злейшего и последовательного врага хазар, присоединив Крым. Как сообщает Ибн-Хаукаль, арабский географ-путешественник и, главное очевидец описываемых им событий, отмечал, что окончательный и смертельный удар по хазарам нанёс Святослав в 965 г. [13, с.123], а последнее указание на них сохранилось в русских летописях под 1079 г. [10, с.484–485]. С другой стороны, даже учитывая приведённые сложности, нельзя не согласиться, что Хазарский каганат был «крупнейшим и опаснейшим иудейским государством в истории» [8, с.66].

Позднее многие средневековые авторы использовали описания Ибн Фадлана в своих компендиумах (Закария Казвини, Наджиб Хамдани, Йакут Хамави, Амин Рази и др.). Причем, на примере Ибн Фадлана, обладающего подробной и доступной манерой повествования, явно чувствуется отличие его сведений от более обобщённых и местами неясных данных в компиляционных трудах. Здесь достойно упоминания и имя Шараф аз-Замана Марвази (1046–1124), придворного врача Мелик-шаха, путешественника, создателя интереснейшего и ценнейшего труда XI–XII вв. «Таба-и аль-хайаван» (Природа животных), одна из глав которой посвящена народам «Китая, Тюркам и Индии» [3, с.15–17]. Хотя, большая часть сочинений автора приводится на основе того, что он видел и слышал, но при обзоре более ранних событий автор использует сведения анонимных записей и др. более ранних хронистов, в том числе, как утверждает Новосельцев, Ибн Фадлана. Пожалуй, будет интересно познакомиться с описанием им в числе некоторых тюркских народов Восточной Европы и хазар. Повествование о тюрках Марвази начинается следующими словами: «1. Тюрки великий народ и состоят они из различного множества племён и подплемён. Одни из них проживали в городах и деревнях, другие – в степях и пустынях.

Обадия, Езекииль, Манассия, Ханукка, Исаак, Завулон, Моисей, Нисси, Аарон II, Иосиф.

2. Их самое крупное племя – гузы (огузы – Н.А.), которые объединяют 12 племён...» [12, с.29]. «Когда они стали контактировать с мусульманскими странами, некоторые из них приняли ислам и стали называться туркмены. В конечном итоге, мусульмане насчитывали уже многочисленную профессиональную армию, подавившую и изгнавшую неверных. Последние покинули Хорезм и рассеялись по территории Беджанака (Печенегов)» [2, с.141]. Затем автор пишет о печенегах: «10. Печенеги граничили со многими народами: на севере – кыпчаки, на юго-западе – хазары, на востоке – огузы, на западе – славяне. Народы эти совершали с печенегами набеги друг на друга, и разделяло их 10-дневное расстояние» [12, с.33]. И, наконец, о хазарах: «11. Территория хазар широкая, богатая могучим горным массивом»⁷. Далее Марвази повествует об обычае с тамариском, который встречается мало в каких источниках: «В самом конце этих гор обитают два тюркских подразделения (племени): Тулас и Лур (Эти названия не поясняются Минорским – Н.А.). Горы эти простираются вплоть до Тифлисской земли. Их главный город назывался Сар'с (Сарышин), а также у них имеется другой город – Ханбалык⁸. В этих двух городах они проводили зиму, а с наступлением зимы перебирались в степи, где и проводили всё лето. Их правитель передвигается в сопровождении 10-тысячной конницы, куда бы он ни направлялся. Их обычай таков, что отправляясь в путь, независимо от направления, каждый всадник несёт с собой 20 колышек тамариска длиной в два локтя. Достигнув своего лагеря, они сажают все эти колышки по линии окружающей их территории, об-

---

⁷ «Остаток народа хазарского некоторое время ещё держался между Каспийским морем и Кавказскими горами. В русских летописях последнее указание на хазар сохранилось под 1079 г.» [10, с.484–485].

⁸ Артамонов приводит содержание письма хазарского царя Иосифа к испанскому сановнику: «Я живу у р. Итиль... У меня есть в моём царстве три города. В одном живёт царица со своими прислужниками и евнухами... Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам со своими ... всеми приближёнными служителями». Сопоставляя данные в письме с описаниями аль Масуди, Гардизи и Ибн Русте, автор приходит к выводу, что скорее всего Сарышен и Ханбаллы и есть те два других города, составляющие столицу с Итилем [1, с.393–394].

разуя, таким образом, защитный буфер: подобным способом меньше чем за час они окружали свой лагерь непробиваемой стеной. 12. К ним же относятся бургасы, которые располагались на части хазарской территории, находящейся на 15-дневном расстоянии от 2 других племён. Они подчинялись хазарскому хакану и предоставляли ему 10.000 всадников. Они не имели вождя, управляющего над ними, но в каждом месте у них был старший, к которому они обращались в случае возникавших споров. Их территория широкая и, большей частью, лесная. Они совершают набеги на болгар и печенегов» [12, с.32–33]. «Булгары находились в северной части, между Западом и Востоком и имели 2 города: один звался Сувар, другой – Булгар. Булгары – мусульмане ...» [12, с.34]. Как видно, в труде содержится много полезной информации, хотя она не отличается таким чётким характером повествования, как «Рисала», и, к сожалению, выходит за рамки рассматриваемой нами темы. В свете же всего вышеизложенного, рассказы Ибн Фадлана о хазарах в «Рисала», в особенности, об их государственном строе и хазаро-булгарских отношениях, можно назвать памятником первоклассной ценности, пролившим свет на многие вопросы истории этого народа, как мы имели возможность убедиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. История хазар. Издание второе. СПб., 2001. 560 с.
2. Ахундова Н.Ф. Об истории азербайджанских государств Каракоюнлу и Аккоюнлу. Туркманские династии (выдержки из «Кембриджской истории Ирана»). Баку, 2016.
3. Ахундова Н.Ф. Об исторических соприкосновениях азербайджанской и китайской культур. Баку: ИПО Турхан, 2016. 84 с.
4. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Избранные сочинения. Т. 1 Баку, 1999.
5. Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1983.
6. Ковалевский А.П. Книга Ахмада Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского гос. университета им. А. М. Горького, 1956. 345 с.
7. Сулейманова С. История тюркских народов. Баку: Тэксил, 2009. 323 с.
8. Ахундова Н.Ч., Гусейн-заде Р.А. Кавказ и великие тюркские империи. Баку, 2012. 293 с.

9. Энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 36. СПб., 1902.
10. Энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 37. СПб., 1908.
11. Danlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton University Press, 1954.
12. Marvazi Sharaf Al-Zaman on China, the Turks and India. Trans. by Minorsky V. London, 1942.
13. Minorsky V. A New Book on the Khazars. Cambridge, 1958.
14. «Divanü lügət-it-Türk». Çeviren Besim Atalay. C. 1. Ankara, 1985.

И.Р. Ахмедов, О.В. Зеленцова

МОРДВА В ЭПОХУ ИБН ФАДЛАНА

Аннотация: *Статья посвящена отдельным аспектам древней и средневековой истории мордвы в контексте этнокультурной и политической истории Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. Особое географическое положение групп древнемордовского населения стало причиной его взаимодействия с различными народами Восточной Европы, населявшими районы Среднего Поднепровья, Верхнего и Среднего Поволжья, а так же с кочевниками степной зоны. В результате этих процессов мордва оказывается в сфере политического влияния Хазарского каганата, контактирует с древними венграми на их пути к обретению родины, а позднее участвует в событиях сопровождавшие образование и взаимодействие Волжской Булгарии и Киевской Руси.*

Ключевые слова: *Среднее Поволжье, мордва, хазары, болгары, древние венгры, древняя Русь, межкультурные контакты и взаимодействия.*

I.R. Akhmedov, O.V. Zelentsova

MORDVA IN THE ERA OF IBN FADLAN

Annotation: *The article is devoted to certain aspects of ancient and medieval history of the Mordvians in the context of ethnic, cultural and political history of Eastern Europe in the first Millennium AD. Due to the geographical location of the Mordvian groups, they interacted with different peoples of Eastern Europe (in the Middle Dnieper, Upper and Middle Volga regions), and nomads of the steppe zone. As a result, the Mordvians appeared to be in the sphere of the Khazar khanate political influence, and in contacts with ancient Hungarians on "their way to finding homeland". Later the Mordvians were involved in the events associated with the formation of the Volga Bulgaria state and Kievan Rus' and their interactions.*

Keywords: *Middle Volga region, the Mordvians, the Khazars, the Bulgars, the ancient Hungarians, ancient Rus', intercultural communication and cooperation.*

Мордва является одним из древнейших народов Поволжья. История сложения мордовских субэтнотосов и этнографических групп – эрзы, мокши, шокши, терюхан, каратаев, начинается на рубеже эр, с появлением в западной части среднего Поволжья нового населения оставившего древности андреевско-писеральского облика. Пришельцы, связанные по происхождению с Закамьем, резко отли-

чались от обитавших здесь ранее носителей городецкой культуры. Это были конные воины, с многочисленными степными элементами в оружии и вооружении, вещами римского происхождения, ярким самобытным женским костюмом, устойчивым погребальным обрядом, наиболее ярко проявившимся в знаменитом Андреевском кургане, где в одном большом погребальном кургане изучены два горизонта захоронений: подкурганые и впускные в насыпь. Среди последних выделяется центральное захоронение вождя и его сподвижников в погребальной камере, с богатым набором оружия, которых сопровождали человек со следами насильственной смерти и остатки принесенной в жертву лошади [28, с.12]. В первые века нашей эры это население заняло всю западную часть лесной зоны среднего Поволжья, образовав несколько «древнемордовских» группировок на основных правых притоках Оки и Волги. Результатом этих событий стало кардинальное изменение облика региона, затронувшее и сопредельные районы Москворечья и верхней Оки. Это стало первой вехой в истории поволжских финнов, сравнимой по значимости с эпохой Великого обретения Родины для венгров.

На протяжении всего I тысячелетия предки мордвы доминировали в регионе. В III–V вв. они оказались вовлечены в события изменившими облик Восточной Европы: образование черняховской культурно-исторической общности, миграции «славянского» населения на восток и гуннское вторжение. Участие древнемордовского населения в этих событиях отражено и в первом упоминании о них в европейских источниках – «Меренс» и «Морденс» в труде Иордана «О происхождении и деяниях гетов» [1, с.111, § 116].

В VI–VII вв. рязанские финны вступают в тесные контакты со славянским населением колочинской и пеньковской культур, появляющимся в верховьях р.Дон [19, с.3]. Прослеживаются и связи со степным населением. Драматическая история гибели Великой Болгарии и сложения Хазарского каганата изменила и судьбу этих западных родственников предков мордвы. Рязанские финны исчезают почти полностью, они сохраняются лишь в северной части прежнего ареала, в Мещере, в Касимовском Поочье и в Примокшанье. Катастрофа затронула и славянское население. Исчезают и колочинская и пеньковская раннеславянские культуры. Есть основания связывать это с вторжениями кочевников [2]. Изменилась ситуация и в

восточной части ареала древней мордвы. На рубеже VII–VIII вв. часть мордвы заселяет районы среднего течения р. Цны и вступает в тесные взаимодействия с хазарами, становясь его надежным партнером на северо-восточной периферии каганата. Значительное мордовское население фиксируется и на среднем течении р. Мокши и на ее левом притоке р. Вад. Севернее сохраняется крупная мордовская группировка на р. Теше. Отдельные памятники известны и в волжском правобережье на границе Нижегородской области и Чувашии. В это время формируются устойчивые территории мордвы-мокши на юге и мордвы-эрзи на севере, что предопределило их место в системе взаимоотношений Киевской Руси, Волжской Булгарии и Хазарского каганата. [29, с.9].

Древности мордвы на Цне изучаются уже более столетия. Первыми публикацией случайных находок стал атлас И.Р. Аспелина, первые регулярные раскопки были проведены В.Н. Ястребовым на Лядинском и Ново-Томниковском могильниках, а издание полученных материалов в 1893 г. в серии «Материалы по археологии России» стала классическим. Такое же значение имеют и издания материалов Крюково-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского могильников в 50–60-е годы XX в. Они демонстрируют не только чрезвычайно богатую бытовую культуру мордвы, но и разнообразие инокультурных находок, указывающих на обширный спектр межкультурных контактов этого населения [33, с.181–188; 32; 16; 26; 10].

Так, комплекс вооружения и снаряжения воина в VIII–IX вв. чрезвычайно близок салтовскому. Устойчивое сочетание оружия, конского убора и поясных гарнитур, как местного происхождения, так и привозных, демонстрирует облик их обладателей, конных воинов. Среди них выделяются представители местной «элиты», обладающие такими престижными предметами, как серебряные и бронзовые серьги «салтовского типа» – знаками принадлежности к воинскому сословию, поясные наборы, изготовленные из серебра, клинковое оружие, уздечные наборы, в Серповском могильнике найдена сбруя, украшенная византийскими золотыми монетами. В традиционно богатом женском уборе, так же использовались импорты, кроме обычных многочисленных привозных бус и раковин «*сиреа монета*», найдены и инокультурные амулеты–различные

подвески в виде всадников, зооморфных изображений, «самоварчиков» – коробочек для хранения ароматических веществ. Известна находка салтовской подвески – печати. Следует указать, что тесное взаимодействие с населением каганата подтверждается и находками характерных мордовских женских украшений в салтовских памятниках Подонья. Видимо, кроме военно-политических, торговых, имели место и матримониальные связи этих сообществ. Можно предположить, что мордовское население на р. Цне и соседних территориях состояло в союзнических отношениях с Хазарским каганатом, прикрывая его северо-восточные границы. Тесные связи цнинской мордвы с населением северных территорий каганата бассейне р. Дон могут быть одним из аргументов в пользу версий некоторых исследователей, предполагающих, что аланский по происхождению этноним «буртасы», возможно первоначально обозначавший алано-болгарское население лесостепного Подонья, был позже перенесен на среднецнинскую мордву [27].

Отдельную страницу в истории мордвы составляют взаимоотношения с венграми. Они фиксируются по находкам характерных поясных наборов, поясных сумок и некоторых форм оружия – кассетных ножей в богато украшенных ножнах и предметов конского убора. Наиболее «богатые» образцы встречены в погребениях «элиты», например поясной набор с позолотой в п. 505 и богатый пояс с кассетным ножом в ножнах с серебряными обкладками в п. 206 Крюково-Кужновского могильника. Они аналогичны находкам в древневенгерских захоронениях с престижным инвентарем. Состав находок в среднецнинских погребениях позволяет предполагать особый статус обладателей таких вещей. На площади Крюково-Кужновского могильника их захоронения занимали центральное место [14; 15, с.89]. «Венгерские» вещи в мордовских могильниках свидетельствуют о распространении престижной воинской моды, а большой процент (60%) вооруженных мужчин в могильниках на Цне, отражает ту роль, которую цнинская мордва в это время выполняла на восточных рубежах Хазарии. Во «внутренних» землях мордвы – на Мокше, Ваде и Теше в это время процент «воинских» погребений несколько ниже [13].

Ситуация меняется в X веке, когда влияние Хазарского каганата практически исчезает, а мордва оказывается в зоне интересов

Волжской Булгарии и Киевской Руси. По предположениям некоторых специалистов к XI веку верхние течения рек Суры и Мокши могли попасть в зону влияния Волжской Булгарии. В это же время на соседней территории формируется Муромско-Рязанское княжество, чуть позднее на северную границу мордвы выходит Ростовско-Суздальское княжество.

Это хорошо видно в древностях как цнинской мордвы – мокши, так и других групп – шокши и эрзи. Видимо от славянского населения верхнего Подонья попадают и такие украшения женского убора как лунницы, лучевые височные кольца. Возможно, это свидетельствует и о присутствии славянок в местных коллективах. Так, в женском погребении 507 Крюковско-Кужновского могильника найдены лучевые височные кольца и славянский горшок. Известны и другие славянские и древнерусские находки – широкосрединные перстни, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, керамическая посуда с волнистым и линейным орнаментом [21, с.27–128]. Распространяются элементы древнерусской дружинной культуры. Наиболее показательны п. 281 Шокшинского могильника. В составе инвентаря этого мужского захоронения по обряду кремации, вместе с обычными мордовскими вещами найдены ритуально деформированный меч типа V по Я.Петерсену с клеймом ULFBERT, бронзовый прорезной наконечник ножен меча с изображением птицы, касетный нож с серебряными обкладками ножен, наконечник дротика, боевой топор, поясной набор, калачевидное кресало, широкосрединный «усатый» перстень, а так же три саманидских дирхема. Известны также серия каролингских мечей, ланцетовидный наконечник копья, для чуть более позднего времени известен и романский меч. В п.26 Елизавет-Михайловского могильника найдена застежка, возможно, переделанная из навершия скандинавской булавки с зооморфным декором [26; 28, с.3; 29, с.21–24; 30, с.44–49; 20, с.400–403]. Важными являются и находки в Кельгининском могильнике двух подвесок со знаками Рюриковичей, на которых помещены знаки Владимира Святославовича и, его старшего сына Вышеслава(?), правившего в Новгороде [4, с.447–450; 5, №51–52; 6, с.443–444].

Устойчивые контакты прослеживаются и с Волжской Булгарией, откуда импортируются украшения, высококачественные земледельческие орудия (плужные резаки, серпы), некоторые виды ме-

таллической и гончарной посуды и пр. [22, с.93]. Видимо, они поступали сюда, в том числе, и по сухопутному пути из Болгара в Киев, проходившего по реконструкциям Б.А.Рыбакова и ряда других исследователей через верховья Суры и Цны. На этой трассе располагается и Армиевский могильник IX–X веков, который некоторые специалисты отождествляют с буртасами, другие считают, что он оставлен степняками ассимилировавшие остатки мордвы на верхнем Посурье. О сложном этническом составе этого населения свидетельствует присутствие наряду с подкурганными погребениями по обряду кремации с инвентарем кочевнического облика, так же нескольких мордовских захоронений, древнененгерского погребения, а так же безинвентарных могил, возможно мусульманских. В последующее время здесь возникает большое количество поселений, порой достаточно значительных, например, городища Юловское, Садовское II, Селиксенское, Золотаревское. На них найдены свидетельства оживленной торговли: весы, гирьки, серебряные и свинцовые слитки, близкие по весу восточному мискалю, множество привозных вещей древнерусского, болгарского и даже южносибирского происхождения. На Золотаревском городище реконструируется крупный центр ювелирного производства [7, с.89–97; 8, с.3–5; 25, с.23–32].

В контексте международной торговле особое значение имеют и находки кладов куфических монет. В конце IX – начале X вв. они поступают по донскому пути, через Закавказье и Хазарский каганат. После изменения в начале X в. политической ситуации, арабское серебро начинает поступать в регион через Волжскую Булгарию. Окский регион входит в число трех самых крупных скоплений находок дирхамов в Восточной Европе, наряду с Волжской Булгарией и роменским ареалом на курском течении реки Сейм. Один из крупнейших кладов найден в Муроме. В ареале расселения мордвы наибольшая выборка содержится в материалах Лядинского могильника, известен клад дирхамов в Крюково-Кужново. Характер кладов, найденных на территориях муромы, мордвы и носителей роменской культуры позволяет исследователям выдвигать предположения о том, что в середине X века Поочье представляло собой единый ареал использования и обращения восточного серебра. На памятниках известны находки складных весов и гирек. Этот «ры-

нок» чутко реагировал на изменения политической обстановки. Так отсутствие кладов 960-х годов связывают с походом Святослава на Хазарский каганат, Волжскую Булгарию, и обложение данью вятичей (964–966 гг.). Следующий перерыв наступает в 80-е годы X в. что может быть вызвано походами на вятичей Владимира [11, с.19–23]. Дирхемы у мордвы используются и как подвески или нашивки, известны и их имитации. Дирхамы использовались так же ювелирами при изготовлении цветных сплавов.

Найдены и другие вещи восточного происхождения. В п. 90 Лядинского могильника было обнаружено бронзовое ведро с арабскими надписями, а в Крюково-Кужновском могильнике найдены перстни с арабскими надписями, в п. 462 такая надпись была выполнена на сердоликовой вставке. Возможно, восточными импортами следует считать и шелковые ленты, найденные в п. 472 Крюково-Кужновского и п. 31 Второго Журавкинского могильников [32, с.14, 45–47; 16, с.50; 23, с.20].

В сохранившейся части сочинения Ибн Фадлана нет сведений о мордве. Однако в X в. упоминания о мордве все чаще появляются в письменных источниках. «Мордию», и, в том числе, и в связи со сведениями о руссах, упоминает Константин Багрянородный [18, с.37, 42]. Существуют предположения о соответствии народов Ари-су и Ц-р-мис, в составе служащих и платящих дань хазарам, описанным в пространной версии письма кагана Иосифа, эрзе и черемисам [17, с.84–103]. Хрестоматийно и упоминание мордвы среди других поволжских народов в Повести временных лет [24, с.3].

Втягивание мордвы в русско-булгарское противоборство способствовало формированию у мордвы групп воинов-дружинников, возглавляемых харизматичными предводителями. Для более позднего времени нам известны имена вождя мокши «каназора» Пуреша, союзника Юрия Всеволодовича, Великого князя Владимирского, и его непримиримого противника эрзянского «инязора» Пургаса, союзника булгарского хана Алмуша.

Таким образом, важная роль мордвы в событиях эпохи сложения Древнерусского государства и Волжской Булгарии не подлежит сомнению. В то же время следует отметить, что значительная часть реконструкций основана лишь на отдельных, пусть и очень ярких, находках на мордовских памятниках. Пока отсутствуют обобщаю-

шие разработки по изучению большинства инокультурных импортов. Во многом, это связано с тем, что значительное количество памятников остается неопубликованным. Это касается и недавно исследованных памятников, например, обширной коллекции из раскопок В.Н. Шитова на Шокшинском могильнике, хранящаяся в нескольких музеях Саранска и Москвы, но и найденных более века назад, таких как материалы Ново-Томниковского могильника из раскопок Н.Е. Макаренко в 1909 г. (фонды Государственного Эрмитажа). Не способствует этому и качество многих прежних публикаций. Только тщательное изучение и максимально полные публикации музейных коллекций и новых материалов позволят более полно и предметно изучать различные аспекты раннесредневековой истории мордвы. Авторы надеются, что экспонирование мордовских древностей на выставке посвященной «эпохе ибн Фадлана», привлечет внимание исследователей к этим проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М.: Восточная литература, 1994. Т. 1. С. 98–169.
2. Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М., 2010. С.7–34.
3. Ахмедов И.Р. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Сборник в честь 60-летия В.В.Судакова. М.-Рязань, 2016. В печати.
4. Беговаткин А.А. Погребения с геральдическими подвесками из Кельгининского могильника в Мордовии // Stratum Plus. 2003–2004. №6. С.447–450.
5. Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.
6. Белецкий С.В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 431–506.
7. Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 89–97.

8. Белорыбкин Г.Н. Исследования Армиевского археологического района в конце XX в. // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: Традиции и инновации. Саранск, 2004. С.3–5.

9. Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 162–170.

10. Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы – мокши. М.: Наука, 2007. 164 с.

11. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в среднем и нижнем Поочье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 28 с.

12. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

13. Зеленцова О.В. Вещи венгерского круга из мордовских памятников: вопросы хронологии и интерпретации // Материалы III Международного мадьярского симпозиума по археологии. Будапешт, 2016 г. В печати.

14. Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Сапрыкина И.А., Поясной набор с позолотой из Крюково-Кужновского могильника Средневековой мордвы // Российская археология. 2012. №2. С. 52–61.

15. Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. По материалам мордовских могильников // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2013. Вып. 229. С.84–90.

16. Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск, 1952. 231 с.

17. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Типография АН СССР, 1932. 173 с.

18. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М: Наука, 1991. 496 с.

19. Обломский А.М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета, 2012. С. 172–229.

20. Павлихин А.В. Романский меч из Кельгинского могильника в Республике Мордовия // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза: ПИРО, 2013. С.400–406.

21. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 408 с.

22. Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2006. 148 с.

23. Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. Саранск: Красный Октябрь, 2010. 132 с.

24. Повесть временных лет. Часть I. Текст и перевод. М.-Л., 1950. 407 с.

25. Сафронов П.И., Ставицкий В.В. Курганы №2–3 Армиевского курганно-грунтового могильника (по материалам раскопок М.Р.Полесских в 1969 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2014. №3 (31). С. 23–32.

26. Среднецнинская мордва VIII–XI вв. Археологический сборник, том III. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. 175 с.

27. Ставицкий В.В. Историография буртасской проблемы второй половины XX – начала XXI в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. №1. С.84–91.

28. Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. 108 с.

29. Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья: Труды МНИИЯЛИЭ. Вып.99. Саранск, 1990. С.21–31.

30. Шитов В.Н. Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1994. С.44–49.

31. Шитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 52–60.

32. Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. Исследование В.Н. Ястребова. С XV таблицами рисунков и с 51 полнотипажем в тексте // Материалы по археологии России. №10. С.-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1893. 88 с.

33. Aspelin J.-R. Muinaisjaannoksia Suomen suvun asumus-aloilta. Antiquites du Nord Finno-ougrien. III. L'age du fer. 3, L'age du fer : antiquités Morduines, Mériennes et Tschoudes Helsingfors: G.W Edlund, 1878. 73 p.

А.А. Бурханов

**ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ХОРАСАНА, ХОРЕЗМА
И ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ НА ТРАССАХ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРГОВО-КАРАВАННЫХ ПУТЕЙ
(из опыта проведения научных экспедиций по пути
Ахмеда Ибн-Фадлана и изучения памятников на трассах
«Великого шелкового пути» и «Серебряного пути»)**

Аннотация: В публикации характеризуются некоторые итоги изучения археологических и архитектурных памятников, сохранившихся на месте средневековых городов и поселений Хорасана, Средней Амударьи, Хорезма и Волжской Болгарии, расположенных на трассах международных торгово-караванных путей. Подводятся итоги проведения международных научных экспедиций «Великий шелковый путь» (по линии ЮНЕСКО) и поездок по древним и средневековым памятникам участниками проекта «САФИР» (по пути Ахмеда ибн-Фадлана). Автор при этом отмечает основные трассы торгово-караванных путей между средневековыми городами Средней Азии и Волжской Болгарии.

Ключевые слова: памятники, экспедиция, проект, Средняя Азия, торгово-караванный путь, Волжская Болгария, серебряный путь, Великий шелковый путь, Амударья, Волга.

A.A. Burkhanov

**THE CITIES AND THE SETTLEMENTS OF KHORASAN,
KHORESM AND THE VOLGA BULGARIA ON ROUTES
OF MEDIEVAL TRADE CARAVAN TRACKS
(From Experience of Carrying out Scientific Expeditions
on the Way of Akhmed Ibn-Fadlan and Studying the Monuments
on Routes of «The Great Silk Way» and «The Silver Way»)**

Annotation: In the publication some results of studying of the archaeological and architectural monuments which have remained on the place of the medieval cities and the settlements of Khorasan, Central Amu-Darya, Khoresm and the Volga Bulgaria located on routes of the international trade caravan tracks are characterized. The results of carrying out the international scientific expeditions "the Great silk way" (through UNESCO) and trips on ancient and medieval monuments are summed up by project participants of "SAFIR" (on the way of Ahmed ibn-Fadlan). The author at the same time

notes the main routes of trade caravan tracks between the medieval cities of Central Asia and the Volga Bulgaria.

Keywords: *Monuments, expedition, project, Central Asia, trade caravan track, Volga Bulgaria, silver way, Great silk way, Amu-Darya, Volga.*

Археологические и историко-архитектурные памятники, расположенные вдоль древних и средневековых торгово-караванных дорог между Востоком и Западом всегда представляли огромной интерес и их активно продолжают изучать исследователи разных стран [3; 4; 7; 9; 11, с.27–32; 25, с.135–141]. Немаловажное место в научной и гуманитарной сфере занимают проблемы изучения жизни и традиций народов, проживающих в прошлом и настоящее время в тех регионах, которые являлись контактными зонами и ретрансляторами культурно-экономических традиций Евразии.

В этнокультурном развитии тюркоязычных народов Евразии и их историко-культурных контактов с другими этносами и государственными образованиями важное место в историческом развитии занимали Волго-Уральский регион и Арало-Сырдарьинско-Амударьинский бассейн Центральной (Средней) Азии [4; 9; 13, с.16–48; 16; 21].

Наличие водных ресурсов и путей (Волга (Идель), Кама (Чулман), Белая (Ак Идел) и Урал (Яик, Жаек) –Амударья (Джейхун) и Сырдарья (Сейхун), связующие эти регионы Каспий и Арал, близость и контактность территорий, постоянные и регулярные продвижения кочевых племен с юга на север и северо-запад и наоборот, региональные особенности вмещающего историко-культурного географического ландшафта (лес-степь в Волго-Уралье, степь и оседло-земледельческие оазисы в Центральной (Средней) Азии и связанная с ними историко-культурная проблема «Туран-Иран»), наличие коммуникационных связей и прохождение трасс торговых путей («Великий шелковый путь», «Серебряный путь», «Лазуритовый путь», «Великий Волжско-Камский путь»), высокий уровень урбанизации бассейна Амударья, Сырдарья, Яика, Волги и Камы – все эти природно-географические, социально-экономические и историко-культурные факторы предопределили эти два рассматриваемых региона как контактные зоны, с широкими историко-куль-

турными связями, и как ретрансляторы культурных традиций Евразии [14, с.211–227; 16, с.35].

* * *

И не случайно, что в своей деятельности и международных гуманитарных проектах ЮНЕСКО особое внимание уделяет изучению и сохранению природного и историко-культурного наследия народов и регионов Средней (Центральной) Азии и Волго-Уральского региона.

В частности, в 1989–1993 гг. ЮНЕСКО осуществило комплексную проект-программу «Великий шелковый путь – путь диалога», посвященную изучению истории и древних коммуникаций. В рамках этого проекта большая группа ученых 52 стран при участии японской телекомпании «Асахи» весной-осенью 1989 и 1991 гг., в два этапа, через Северное Причерноморье – Закавказье и Среднюю Азию и Казахстан – Китай осуществляли две Международные (рекогносцировочную и основную) экспедиции по торгово-караванным путям древности и средневековья [6; 7; 8; 25, с.135–141].

По результатам этих поездок, в дальнейшем, благодаря активной деятельности политических элит и научно-культурной общественности целого ряда государств и регионов, стало возможным включение в «Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО» наиболее важных объектов природы и, истории, в том числе в Средней Азии и Волго-Уральском регионе, в частности, в Узбекистане – Самарканда, Бухары, Шахрисябза и Хивы (Ичан-Кала), Туркменистане – Древнего Мерва, Куня-Ургенча и Нисы, Таджикистане – Саразма, Кыргызстане – горы Сулейман-Тоо, Казахстане – Туркестана (мавзолей Х.А. Яссави) и петроглифы археологического ландшафта Тамгалы, Республике Татарстан (Российская Федерация) – Казанского Кремля и Болгара.

Кроме того, около 20 объектов природы и истории названных государств и регионов названы в числе кандидатов на включение в «Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО» в ближайшие годы.

Одновременно и параллельно первой (вышеназванной) рекогносцировочной экспедиции ЮНЕСКО в туркменском портовом городе Красноводске (ныне Туркменбаши) высадились Всесоюзная гуманитарная комплексная историко-этнографическая экспедиция

«Сафир–89», которая в августе-октябре 1989 года совершила путешествие по значительной части пути арабского путешественника Ахмеда ибн-Фадлана.

Маршрут экспедиции: Болгар – Казань – Астрахань – Махачкала – Баку – Красноводск – Мадау – Ашгабат – Серахс – Мары – Чарджоу (Туркменабат) – Бухара – вниз по левобережью Амударьи – Куния-Ургенч – Бейнау – Уральск – Куйбышев (Самара) – Болгар – Казань.

Экспедиция «Сафир–89» взяла старт из Болгара – Казани 2 августа и вернулась в Татарстан 5 октября [6, с.23–26; 8, с.121–126]. Ее осуществил Проект гуманитарных экспедиций в рамках Инновационного фонда «Развитие» (г. Ленинград, ныне Санкт-Петербург) при участии и содействии вузов и академических институтов столицы Республики Татарстан и города на Неве, Казанского мусульманского объединения (ныне ДУМ РТ) и мечети Ш.Марджани. Спонсорами стали крупнейшие предприятия Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска и Ленинграда (Санкт-Петербурга), которые оказали финансовую и практическую помощь, обеспечивали оборудованием и автотранспортом (автомобили «КамАЗ»). Руководил экспедицией тогда еще молодой путешественник, ныне известный петербургский ученый-историк А.Г. Юрченко. В составе экспедиции он собрал 19 молодых ученых и специалистов из Ленинграда, Казани, Уфы, Чебоксар и Ашгабата: этнографов, археологов, арабиста, имам-хатиба мечети Ш.Марджани, киносьемочную группу «Кадр» Гостелерадио Республики Татарстан, фотографа, водителей двух КамАЗов.

В центре внимания участников экспедиции «Сафир–89» – история мировых коммуникаций, движение людей и товаров по торгово-караванным трассам и в древности, и в средневековье, превратившихся в основные каналы распространения культурных достижений, обычаев и традиций разных этнических групп Востока и Запада. Положительной стороной контактов между представителями разных цивилизаций и культур был обмен опытом и идеями, знакомыми системами и письменностью, научной и технической информацией, духовными ценностями.

Научные путешествия современных ученых по древним маршрутам, о которых сохранились подробные записи древних и средневековых авторов, дают возможность увидеть и сравнить жизнь

сегодняшних жителей Евразии с жизнью их далеких земляков-предков. Путешествия с научными целями дает возможность знакомства со странами и народами, проникновения в многосторонний мир народной культуры и, наконец, приобщение к традициям и навыкам путешествий.

Поэтому не случайно в составе экспедиции «Сафир–89» работали в основном (кроме многоопытного археолога из ЛОИА АН СССР профессора Ю.А. Заднепровского) молодые исследователи.

Экспедиция названа «Сафир» (Сафар), это не случайно, что в переводе с арабского это означает «посол», «путешественник» и «посредник». Наша экспедиция «Сафир–89» повторила значительную (в пределах бывшего СССР) часть пути, описанного путешественником, писателем и секретарем арабского посольства X века Ахмедом ибн Фадланом ибн-аль Аббасом ибн-Рашидом ибн Хаммадом [6, с.23–26; 8, с.121–125; 9; 26].

В 2016–2017 гг. исполняется ровно 1095 лет с того момента, когда в 921–922 гг. из столицы Багдадского халифата через Иран и Среднюю Азию – к царю волжских болгар Алмушу сыну Шилки-эльтабара – совершило путешествие посольство халифа Джафара аль-Муктадира-би-ллаха. Официально его возглавил евнух халифа Сусан ар-Рассин, но главную и ведущую роль в нем играл секретарь Ахмед Ибн-Фадлан [8, с.56–60; 9].

Это был «Караван мира», который выполнил дипломатическую цель и задачи религиозно-культурного и политического характера. В его составе было пять тысяч человек и три тысячи коней, не считая верблюдов, а также сопровождающие вооруженные отряды.

Большая часть пути посольства пролегла по территории республик бывшего СССР: из Серакса в Мерв, затем из Амуля в Бухару, далее по реке Джейхун-Амударья через Хорезм в плато Устюрт, по Западному Казахстану на север – Волго-Камское междуречье.

Сохранился подробный отчет Ахмеда Ибн-Фадлана об этом путешествии, который позволяет реконструировать средневековый торгово-караванный путь, обычаи племен и народов, участвующих во взаимном общении и обмене посредством караванной торговли.

В те времена, в X веке, была активно развита торговля Мавераннахра и Хорасана с Болгарским царством на Волге [9; 10, с.478–479; 12, с.79–82; 26, с.68–70]. Ибн-Фадлан подробно описал путь, связывающий Среднюю Азию с Восточной Европой. Прежде путь

из Багдада и Ирана в Волго-Камскую Болгарию шел через Закавказье и Хазарский каганат. Однако, в начале X в., при халифе Муктадире, отношения между Багдадским халифатом и Хазарским каганатом резко ухудшились, и торговые пути переместились в Мавераннахр. Ибн-Фадлан сообщает, что из Бухары караваны шли к Джейхуну (Амударья), а затем вдоль реки в г. Кят – центр Южного Хорезма, и далее в Джурджанию (Гургандж), а оттуда через Эмбу в Болгарское царство.

Таким образом, торговый путь огибал территорию Хазарского каганата и шел по левобережью Итиля (Волги). По пути было построено множество караван-сараев, развалины которых сохранились до наших дней [4; 15; 21].

Об интенсивности торговых связей Средней Азии с Восточной Европой свидетельствует обилие саманидских монет, найденных в различных местностях современной Российской Федерации вплоть до Балтийских стран и Скандинавии.

Из Волжской Болгарии через Хорезм вывозили меха, кожи, кору для дубления кож, скот, рабов, мёд, орехи и многое другое. Из Средней Азии в Восточную Европу везли рис, перец, изюм и сухофрукты, ткани, но более всего серебряные дирхемы – саманидские-исмаили, которые играли ведущую роль в торговом обороте. Поэтому не зря среднеазиатско-волжский путь принято называть «серебряным путём».

* * *

Археологические исследования на территории Средней Азии и Поволжья показали, что на трассах торгово-караванных путей в рамках «Великого шелкового пути» (ВШП) и других маршрутов располагались многочисленные крупные и средние городские центры, караван-сарай и поселения, которые подтверждают высокий уровень развития экономики, торговли и культуры Хорасана, Мавераннахра, приамударьинских земель Лебапа и Хорезма, а также Волжской Болгарии. По сообщениям средневековых авторов и результатам археологических исследований, это время расцвета таких центров: Тебриза, Дехистана, Нисы, Нишапура, Герата, Серахса, Абиверда, Мерва, Земма, Амуля, Кята, Гурганджа, Болгара и других.

В краткой форме охарактеризуем основные города и караван-сарай, расположенные на трассе ВШП на участках из Ирана через

Дехистан – Шехр-Ислам – Нису – Серахс-Мерв к Амударье, а оттуда через Хорезм в Поволжье и Восточную Европу.

Крупнейшим центром в Хорасане, в зоне юго-восточного Прикаспия, в IX–XIV вв. был Дехистан (городище Мешхеда-Мисриана). О высоком уровне развития города говорят архитектурные объекты и археологические находки. Город, находясь на стыке оседлого оазиса и кочевой степи, являлся контактными центром; здесь шла интенсивная торговля в рамках ВШП Каспийского торгового пути. Караванные пути через Дехистан связывали Хорезм с арабскими странами, другие – Иран и Азербайджан со странами Востока.

К востоку торговый путь приводит к укрепленному району Фергана (городище Пиран), который по данным археологии и письменным источникам существовал в IX–XIV вв. [3, с.7].

Важным центром на торгово-караванных путях через Хорасан с запада на восток и с юга на север в IX–XIV вв. являлся город Шехр-Ислам или Так-Языр – столица огузского племени языр. Шехр-Ислам играл важную роль в системе ВШП и в жизни средневекового оседло-земледельческого населения подгорной полосы Копетдагов, а также кочевых скотоводов в округе [1, с.5]. Значительным центром Северного Хорасана являлся город Дуран, пока изученный слабо в археологическом отношении.

В жизни культурного оазиса подгорной полосы Копетдагов в средневековье важную роль играл город Ниса (городище Новая Ниса). Археологические исследования и данные источников свидетельствуют о богатстве и важности этого города как важнейшего ремесленно-торгового центра Северного Хорасана в XI–XIII вв. [2, с.108]. Остатки средневекового города Багабада (городище Анау у Ашгабата) имеют слои XI–XII и XIII–XVI вв. [18, с.358–359].

Одним из значительных городов области Абиверда в VIII–XII вв. был Куфен (городище Чугондор), упоминаемый ал-Макдиси [19, с.201]. Развалины средневекового города Абиверд, ныне именуются как городище Пештак, где сохранилась мечеть XII в. [24].

Далее к востоку от Абиверда располагался небольшой город Мейхене.

Между Нишапуром и Мервом, находился крупный пункт на ВШП и центр оазиса город Серахс. Археологические исследования показали, что своего наивысшего расцвета город достигает в XI–XII вв. [22].

Далее по пути к Мерву по караванной трассе сохранились руины городища Даш-Рабат – остатки средневекового Данданакана (IX–XIV вв.). Около Данданакана 24 мая 1040 года сельджукиды победили газневида Масуда [19].

Отсюда на восток следуют земли и поселения Мервского оазиса. Это одна из древнейших культурных областей Средней Азии. В разные периоды истории оазис и его центр г. Мерв назывались Маргуш – Маргиана – Мерв-Мару. На огромной территории Древнего Мерва располагаются развалины древних, средневековых и позднесредневековых городищ.

Наивысшего расцвета Мерв достигает как столица государства сельджуков при султানে Санджаре (1118–1157 гг.). По археологическим данным время наибольшего развития Мерва – XI – первая половина XII вв. [2, с.105–106; 3, с.18–20; 20, с.15].

При сельджуках в Мерве разворачивается грандиозное строительство монументальных сооружений, площадь города достигает 1800 га, а население до 150 тыс. человек [5, с.265].

Мерв являлся не только крупным узловым пунктом в ВШП и местом сосредоточения иноземных торговцев, но и формировал и отправлял в различные страны торговые караваны, в том числе в Поволжье, Китай, Иран и Европу.

Амуль-Чарджуй – один из главных центров Хорасана на трассе ВШП [11, с.27–32; 15, с.153; 21]. Амуль становится крупным торгово-ремесленным центром на перекрестке торгово-караванных путей из Хорасана на Восток – через переправу в города Мавераннахра в Китай, через Балх – в Индию, а также на север по берегу Джейхуна в столицу Хорезма Гургандж, отсюда в Поволжье и Восточную Европу.

Распространение и победа ислама в Среднем Поволжье и Приуралье было предопределено контактами с мусульманскими странами и народами Средней Азии и Ирана, а также наличием в Волжской Болгарии выходцев из Хорезма, Бухары и Хорасана.

В X в., в период Саманидов, активно развивается торговля Мавераннахра, Хорезма и Хорасана с Волжской Болгарией. Из Бухары, столицы Саманидского государства караваны шли к Джейхуну, а затем вдоль реки через Амуль, Одей-депе, Барагизкент, Ших-Билаловлия, Мардусу подходили к рабату аль-Тахирия (караван-сарай Дая-Хатын). Затем дорога, через мелкие станции и караван-сарай, проходила в Дарган, Джигербент, отсюда в г. Кят – центр Южного

Хорезма, далее в Джурджанию (Гургандж). Затем из столицы Хорезма через пустынно-степные территории через Эмбу по левому берегу Итиля-Волги дорога шла в Волжскую Болгарию. На этом пути было множество караван-сараев, развалины которых сохранились до наших дней [4; 16; 17; 21; 23].

Об интенсивности связей Хорезма и Средней Азии с Восточной Европой свидетельствуют саманидские монеты, найденные в регионах РФ вплоть до Балтики и Скандинавии. Раскопки болгарских городов в Поволжье (Болгаре, Биляре, Суваре, Джукетау и др.) выявляют различные изделия из Средней Азии, Ирана и других стран Востока.

* * *

В ходе путешествия через тысячелетие после Ахмеда Ибн-Фадлана перед участниками экспедиции «Сафир–89» стояли ниже-названные научные и гуманитарные цели и задачи:

- изучение археологических и историко-архитектурных памятников вдоль трасс торгово-караванных путей прошлого из Средней Азии в Восточную Европу;
- этнографическое исследование современных этнических групп, по территориям которых проходила экспедиция;
- попытка реконструкции части пути и моделирование путешествия по «Записке» Ахмеда Ибн-Фадлана;
- углубление и дальнейшее обогащение межнациональных связей между народами и научно-образовательных контактов между учеными специалистами научных центров и вузов различных стран и регионов Евразии;
- возрождение и поддержка древних культурных традиций и обычаев.

Программа проекта «Сафир–89» включала 3 основных этапа исследований, связанных с путешествиями по трем различным природным и историко-культурным зонам. Эта зона орошаемого земледелия в Центральной (Средней) Азии, степи Казахстана и лесостепи Поволжья. В каждом из названных трех регионов исторически сложились и сохранились до наших дней особенности семейно-бытового уклада, организации мужского и женского труда, народных праздников.

Все, что относилось к сфере выживания (жилье, одежда и пища), также четко различается по трем историко-культурным зонам. В частности, жилище в среднеазиатском регионе в основном представлено в виде глиняного дома, в степях Казахстана как войлочная юрта, а в Волго-Уральском регионе в виде деревянной избы (дома).

В ходе работы экспедиция «Сафир–89» сумела решить задачи следующего характера:

1. Повторила значительную (в пределах бывшего СССР, на участке Серахс – Болгар) часть пути арабского дипломатического посольства из Багдада в Болгар в 921 –922 гг.

2. Создала научный и научно-популярные кино – и видеofilмы, в том числе на историко-этнографические сюжеты.

3. Собрала научные сведения по различным аспектам традиционной и современной культуры туркмен, узбеков, каракалпаков, белуджей, иранцев, казахов, калмыков, народов Дагестана, азербайджанцев, русских, казаков, татар, башкир и других народов Средней Азии, Казахстана и Волго-Уральского региона.

4. Собрала некоторые материалы для «Энциклопедии Ибн-Фадлана», а некоторые участники экспедиции позже занялись разработкой тем, связанных с традиционным и современным этикетом у народов Средней Азии и Поволжья.

5. Организовала встречи с представителями региональной власти, научной общественности, средств массовой информации и местным населением в столицах республик, областных и районных центрах по ходу следования экспедиции.

6. Проводила просветительскую работу путем лекционной пропаганды и встреч по широкому кругу вопросов традиционной и современной культуры, в том числе по истории ислама и культуре тюрко-мусульманских народов.

* * *

Самой результативной и протяженной частью пути экспедиции явилась Средняя Азия, в частности Туркменистан. «Сафир–89» работала в Туркменистане с 7 по 25 сентября 1989 года. Здесь были проведены работы научно-исследовательского характера и съемки фильмов на объектах государственных историко-культурных заповедников «Ниса», «Древний Мерв» и «Куния-Ургенч», историко-культурных комплексах Мисриана, Анау, Меаны, Серахса, Дая-

Хатына, а также на городищах Абиверд-Пештак, Амунль-Чарджуй, Дарган-Кала [6; 8, с.121–126; 9; 15, с.150–163]. В 1991–1994 гг. многие из них стали действовать как музеи-заповедники и в настоящее время в них успешно продолжаются реставрационно-консервационные работы.

После завершения работ экспедиции «Сафир–89» автор этих строк активно занялся проведением новых крупномасштабных археологических исследований в Средней Амударье, Хорезме и Южном Туркменистане. По итогам этих исследований были проведены международные и региональные конференции, изданы научно-популярные и научные статьи и монографии, а также в 1992 г. мною была защищена кандидатская диссертация на тему «Область Амуля в древности и раннем средневековье».

Участники экспедиции «Сафир–89» совместно с Международной экспедицией ЮНЕСКО «Великий шелковый путь–89» участвовали в этнографическо-культурных и фольклорных праздниках, представленных в Дая-Хатыне и Куня-Ургенче. Проводились также историко-этнографические исследования в селениях Кызыл-Атрекского, Серахского, Иолотанского, Дейнауского и Куня-Ургенчского районов Туркменистана. Здесь были собраны интересные материалы по традиционной и современной культуре туркмен-йомудов, текинцев, сарыков, салоров, эрсаринцев, а также белуджей, иранцев (персов), узбеков и казахов.

После проведения экспедиции «Сафир–89» были проведены несколько научных и организационных экспедиций по пути древних путешественников из Средней Азии в Поволжье, а также в других регионах Евразии.

В сентябре 2009 года была проведена экспедиция – авторами «Великий шелковый путь – 2009 – Русский Дакар», которая началась из асфальтовых джунглей Татарстана и финишировала в туркменской пустыне. В восьми этапах автомобильной гонки участвовали автомобили марки КАМАЗ, Фольксваген, Татра, БМВ. Маршрут: Казань-Бугуруслан, Бугуруслан-Уральск, Уральск-Бейнау, Бейнау-Жанаозен (плато Устюрт), Жанаозен-Туркменбаши, Туркменбаши-Балканабат, Балканабат-Дарваза, Дарваза-Ашхабад. Это автомобильная гонка из Казани в Ашхабад проходила под эгидой президентов Татарстана, Казахстана и Туркменистана – М.Ш. Шаймиева, С.А. Назарбаева и Г.М. Бердымухамедова.

В заключении, хотелось бы высказать мысль о необходимости более тщательной подготовки и повторного проведения новой комплексной экспедиции по пути Ахмеда Ибн-Фадлана с привлечением ученых и специалистов, а также энтузиастов по маршруту Багдад – Хамадан – Мешхед – Серахс – Мерв – Амуль – Бухара – Куния-Ургенч – Бейнау – Болгар.

Она должна пройти под эгидой и флагами ЮНЕСКО, ИРСИКА и ТЮРКСОЙ, государственными флагами и при поддержке тех государств, по территории которых проходит маршрут экспедиции. На наш взгляд она должна иметь статус Международной научной и гуманитарной и пройти в 2022 году, когда исполнится 1100 лет со дня прибытия арабского посольства в 922 году в Волжскую Болгарию и официального принятия в Волго-Уральском регионе ислама.

При подготовке названной экспедиции необходимо мобилизовать и эффективно использовать все потенциальные, финансовые и материальные возможности международных и государственных структур и общественности, а также профессиональные и кадровые потенциалы участников. При этом необходимо использовать материальную и духовную помощь и поддержку организаций и специалистов из республик и областей Волго-Уральского региона Российской Федерации, Казахстана, государств Средней (Центральной) Азии, Ирана и других мусульманских стран Азии и Африки, а также гуманитарных структур европейских стран.

Проведение Международной научной экспедиции позволило бы всем нам по новому подойти к изучению древних и средневековых торговых путей и контактов между народами Востока и Запада, оживлению их в современных реалиях (проект «Север-Юг», «Западная Европа – Западный Китай»), осмыслению исторического значения дипломатического посольства 921–922 гг. для народов Волго-Уралья, России и Евразии в целом, а также дало бы новый толчок в деле укрепления авторитета и престижа Татарстана и Российской Федерации в международной арене и сближению между народами Евразии: арабских стран, Ирана, Средней Азии, Казахстана, Российской Федерации. Это очень важно и актуально для нашей страны в современных международных реалиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атагарриев Е.А. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад: Ылым, 1973.
2. Атагарриев Е.А. Средневековые города Южного Туркменистана (к вопросу изучения) // Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 102–117.
3. Атагарриев Е.А. Ходжаниязов Т. Туркменистан на Великом шелковом пути. Ашхабад: Ылым, 1990. 30 с.
4. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.
5. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
6. Бурханов А.А. Что такое «серебряный путь» // Агитатор Туркменистана. 1989. №3. С. 23–26.
7. Бурханов А.А. Симпозиум, посвященный проблемам «Великого шелкового пути» // Известия Академии наук Туркменистана. Серия гуманитарных наук. Ашхабад, 1990. №4. С. 96.
8. Бурханов А.А. По «серебряному пути» (по маршруту Ахмеда ибн-Фадлана через 1000 лет) // Заказанье: проблемы истории и культуры, материалы и тезисы I Региональной научно-практической конференции. Казань: Заман, 1995. С.121–126.
9. Бурханов А.А. Татарстан – Египет: прошлое и настоящее // Татарстан. 1996. №1. С 56–60.
10. Бурханов А.А. Историко-культурные и торгово-экономические связи и контакты Волжской Болгарии с Хорезмом и регионами Центральной Азии в эпоху жизни и творчества Махмыта Замахшары // Махмыт Замахшары и научно-литературное возрождение Востока. Материалы Международной научной конференции. Ашгабат, Дашогуз, 2007. С. 478–479.
11. Бурханов А.А. Амуль – Чарджуй на трассе Великого шелкового пути // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, политология». Барнаул, 2008. №4/3. С. 27–32.
12. Бурханов А.А. Краткий очерк истории сотрудничества Татарстана и Туркменистана // Махтумкули и его эпоха Материалы Международной научной конференции. Казань, 2008. С. 74–78.
13. Бурханов А.А. Лебапот кушан до наших дней // Miras. Ашгабат. 2010. №1. С. 16–48 (на туркмен., русск., англ. яз.).
14. Бурханов А.А. Контактные зоны Евразии как ретрансляторы культурно-экономических традиций: древность и средневековые (на примере Амударьинско-Сырдарьинского и Волго-Уральского регионов) // Геополитика и экономическая динамика Евразии: история, современность,

перспективы. Материалы II евразийского научного форума (1–3 июля 2009 года). Т. 1. Казань: Interpress, 2010. С. 211–227.

15. Бурханов А.А. Археологические памятники Чарджоуского оазиса Лебапского региона на трассе древних и средневековых торгово-караванных путей (Восточный Туркменистан) // Вестник НГУ. Серия «История, филология». Т. 12. Выпуск 7. Новосибирск, 2013. С. 150–163.

16. Бурханов А.А. Сырдарьинско-Амударьинский и Волго-Уральский регионы как контактные зоны и ретрансляторы культурно-экономических традиций Евразии. Препринт доклада IV Бакинского Международного гуманитарного форума. Баку-Казань, 2014. 36 с.

17. Бурханов А.А. Города и поселения Дарганского оазиса левобережья Амударьи в системе древних и средневековых торгово-караванных путей (по материалам археологических исследований в Лебапском велаяте Туркменистана). // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Том 14. Вып. 7. Археология и этнография. 2015. С. 172–183.

18. Левина В.А. Позднее городище Анау // Труды ЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад, 1953.

19. Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). М.-Л., 1939.

20. Массон М.Е. К изучению прошлого Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. 12. Ашхабад, 1953.

21. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // Труды ЮТАКЭ. Т. 13. Ашхабад: Туркменистан, 1966. 516 с.

22. Оразов О. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад: Туркменистан, 1973.

23. Пилипко В.Н. Средневековые памятники северной части Чарджоуской области // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 70–97.

24. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: АН СССР, 1956.

25. Ставицкий Б.Я. Великий шелковый путь. // Культурные ценности. Международный ежегодник Ашгабат, 1995. № 1. С. 135–141.

26. Burkhanov A. Along the itinerary of Akhmed ibn-Fadlan after 1000 years // ORIENTAL STUDIES in the 20th century. Achievements and Prospects. Vol.1. Moscow, Oriental Society of the RAS, 1997. P. 68–70.

**ЗАПИСКИ ИБН ФАДЛАНА КАК ФАКТОР ОБОСНОВАНИЯ
ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ
БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА В ТАТАРСТАНЕ**

Аннотация: *Раскрыта роль Записок Ибн Фадлана в обосновании и доказательстве Выдающейся универсальной ценности Болгарского историко-археологического комплекса, в 2014 г. включенного в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, а также опыт, накопленный учеными Татарстана в раскрытии роли Болгара как важного памятника татарского народа, Республики Татарстан, Российской Федерации, а самое главное его значение в мировой истории и культуре. Работа, начавшаяся ещё в 1998 г., ускорилась в 2010 г. после создания Фонда Возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан под патронажем Первого Президента РТ М.Ш. Шаймиева. В 2013 г. в г.Пномпень (Камбоджа) на заседании КВН была доказана Выдающаяся универсальная ценность Болгара, а в г. Доха (Катар) в 2014 г. он был признан мировой ценностью.*

Ключевые слова: *Выдающаяся универсальная ценность Болгарского историко-археологического комплекса, Ибн Фадлан, ИКОМОС, Комитет Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, фактические ошибки, критерии, страны-члены, ратификация, Конвенция ЮНЕСКО «О Всемирном культурном и природном наследии ЮНЕСКО».*

R.M. Valeev

**NOTES BY IBN FADLAN AS A FACTOR OF JUSTIFICATION
OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF BULGARIAN HISTORICAL
AND ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN TATARSTAN**

Annotation: *Showed the role of Notes of Ibn Fadlan in definition of Universal cultural value of Bolgar historical and archaeological complex which became part of the UNESCO List of world cultural and natural heritage in 2014. Showed the experience gained by scientists of Tatarstan in proving that Bolgar is important monument of Tatar people, Republic of Tatarstan, Russian Federation and monument of important value in world history and culture. The task of proving the Universal cultural value of Bolgar started in 1998 from scientific work of the group of scientists then it was accelerated in 2010 after creation of «Vozrozhdenie» fund under patronage of the first President of Republic*

of Tatarstan – Mintimer Shaimiev. In the year of 2013 in Cambodia's capital – Phnom Penh was finally proved Universal cultural value of Bolgar and in the city of Doha, Qatar, Bolgar accepted as monument of world cultural value.

Keywords: *Outstanding universal value of the Bolgar historical and archaeological complex, Ibn Fadlan, ICOMOS, the Committee of the world cultural and natural heritage, the actual error criteria, member countries, ratification of the UNESCO Convention «On the world cultural and natural heritage of UNESCO».*

Памятники Казани Болгар и Свияжск занимают особое место в истории и культуре Татарстана и Российской Федерации. До середины XX в. объекты культурного наследия этих городов считались в повседневном сознании жителей республики чуть ли не единственно значимыми памятниками. В 70–90-ые гг. XX в. была проведена огромная работа по выявлению, обследованию, фотофиксации и паспортизации памятников на территории районов и городов Татарстана. Министерством культуры РТ совместно с Академией наук Татарстана был создан отдел Свода памятников истории и культуры, куда входили специалисты разных профилей – историки, археологи, архитекторы, искусствоведы, реставраторы. В результате было выявлено более 7 тыс. памятников археологии, истории, архитектуры и искусства, подготовлен и издан Свод памятников истории и культуры РТ, поставлено на государственную охрану более 2 600 памятников, и в данной ситуации стало понятно, что эти три комплекса – только вершина айсберга.

Автор данной статьи в 1997 г. стал работать Заместителем министра культуры РТ, а в 1998 г. по предложению Министерства культуры РТ, Президент РТ М.Ш. Шаймиев обратился в Министерство иностранных дел РФ, Министерство культуры РФ, Комиссию по делам ЮНЕСКО, Российский Комитет Всемирного культурного и природного наследия с предложением о внесении данных объектов в список ЮНЕСКО. В дальнейшем, на основе этого обращения, была составлена заявка Российской Федерации в ЮНЕСКО о включении этих трех объектов в Предварительный список Всемирного культурного и природного наследия («Лист ожидания») [1].

В 2000 г. на заседании Комитета Всемирного культурного и природного наследия в г. Кернсе (Австралия) Казанский Кремль был включен в список Всемирного культурного и природного на-

следования. Организация в 2010 году Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ под патронажем первого президента РТ М.Ш.Шаймиева и принятие правительством РТ комплексной Программы «Культурное наследие РТ: Древний город Болгар и остров-град Свияжск» создали уникальную возможность не только для организации огромного объема научно-исследовательских, реставрационных реконструктивных и благоустроительных работ в Болгарах и Свияжске, но и системно, последовательно позволили продолжить деятельность по подготовке номинаций и продвижения этих объектов в список ЮНЕСКО, а самое главное, способствовали их духовному, социально-экономическому и культурному возрождению.

Интересна уже ставшая историей подготовка номинации по Болгарам. В заявке от Татарстана и Российской Федерации в ЮНЕСКО объект был заявлен как Болгарский историко-архитектурный комплекс, во многом исходя из единственных сохранившихся архитектурных памятников XIII-XIV вв. – Болгарского городища, относящегося к периоду Золотой Орды и от названия управляющего учреждения – Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Одновременно с номинацией по Казанскому Кремлю в 1999 г. была направлена заявка на номинацию по Болгару в Париж – в Центр Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, полностью соответствующая конвенции ЮНЕСКО о Всемирном культурном и природном наследии ЮНЕСКО. Представителем от ИКОМОС для проведения экспертизы в 2000 г. в Казань и Болгары прибыл представитель из Германии – профессор Ханс Каспари.

По результатам этой миссии и положительного заключения эксперта, Болгарский комплекс был рекомендован Президиумом ИКОМОС к включению в список объектов Всемирного культурного и природного наследия по критерию (iii), как уникальное свидетельство истории и культуры волжских болгар и их потомков татар, а также средневековых государств Восточной Европы: Волжской Болгарии и Золотой Орды (Улуса Джучи).

На 24-сессии комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в г. Кернсе (Австралия) Казанский Кремль был включен в список объектов Всемирного наследия. Учитывая тот факт, что от страны

можно было представить только одну номинацию, рассмотрение заявки по Болгару было отложено, чтобы дать возможность государству-заявителю предоставить более детальную информацию о реконструкции одного из важных объектов Болгар – Большого Минарета, а также подтвердить отказ от проекта промышленного строительства. На заседании 25 сессии комитета в Хельсинки (Финляндия) вопрос о Болгарском комплексе был рассмотрен. И принято следующее решение: комитет всесторонне обсудил подлинность материалов, используемых при реконструкции на объекте. Несколько делегатов поставили под сомнение достаточность типа ранней документации, представленной XIX веком, для гаранта подлинности реконструкции Большого Минарета.

Комитет отметил важность объекта как исторического свидетельства кочевого периода и попросил страну-заявителя предоставить пересмотренное досье номинации, в котором бы подробнее описывалась история передвижения народов, а также предложил организовать семинар по вопросу подлинности и реконструкции объекта.

Вновь удалось вернуться к этому вопросу только в 2010 г., когда в республике развернулись большие работы по осуществлению комплексного проекта по Болгарам и Свияжску. В соответствии с замечаниями членов комитета и учитывая те изменения, которые произошли в форме номинации, Болгары были представлены как историко-археологический комплекс с определением выдающейся универсальной ценности (ВУЦ).

Эта работа была осуществлена татарстанскими специалистами, принята Центром Всемирного наследия ЮНЕСКО, прошла апробацию экспертов ИКОМОСа и ИКРОМа. ВУЦ означает культурную или природную ценность, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества (Конвенция п. 49). Кстати, следует заметить, что это определение является предметом широкой критики. В 1998 г. совещание по глобальной стратегии в Амстердаме предложило следующее определение ВУЦ: «Особый отклик на вопросы универсального характера, общий для всех культур или разделяющийся всеми культурами». Безусловно, следует отметить важность и значимость того,

что в 2005 г. в г. Казани состоялось специальное совещание экспертов ЮНЕСКО, посвященное концепции ВУЦ, где было заявлено, что «определение и использование ВУЦ устанавливается людьми и будет эволюционировать со временем». И с этого момента для всех номинируемых объектов стали формулировать принципы ВУЦ, в которых в сжатой форме разъясняется, почему данный объект считается имеющим ВУЦ, дается обоснование критериев, целостности и аутентичности, оценка его соответствия требованиям сохранения и управления для поддержания ВУЦ в долгосрочной перспективе.

В плане реализации научного обеспечения и производства работ главным сегодня является поддержание выдающейся универсальной ценности Болгарского комплекса в долгосрочной перспективе, консервация и музеефикация выявленных объектов – важных элементов планировки средневекового города Болгара X–XV вв., регенерация территории и активная музеефикация, а также сохранение целостности и аутентичности комплексов.

Работа по подготовке и обоснованию номинации в 2011–2013 гг. и её апробация на международном уровне – в ИКРОМе (Римский центр по реставрации культурных ценностей) и ИКОМОСе (Международный Совет по охране памятников и достопримечательных мест) дала очень ценный опыт для автора этой статьи. Причем, если в ИКРОМе особых сомнений не возникало, то ИКОМОС в своем заключении подчеркнул, что Болгар является одним из ключевых свидетельств существования Волжской Болгарии и ранней столицей Золотой Орды, признал Болгар важным символом ислама в Татарстане и регионе Восточной Европы, Центральной Азии. Данный объект признавался историческим местом, в котором ислам был принят народом Волжской Болгарии, откуда он распространился по всему региону, также было отмечено, что Болгар является важной достопримечательностью и отличительной особенностью Республики Татарстан. Вместе с тем ИКОМОС указал на недостаточность материальных археологических и архитектурных останков, на необходимость дальнейших исследований и сравнений для того, чтобы доказать, что Болгар является выдающимся среди других столиц и ключевых городов Волжской Болгарии и Золотой Орды. При изучении заключения республиканскими учеными было отмечено, что в анализе со стороны ИКОМОС преобладает европо-центристский подход, и допущены

значительные фактические ошибки в понимании и, возможно, незнании многих исторических процессов на этой территории Евразии.

Анализ заключения ИКОМОС выявил большое количество фактических ошибок, субъективизм в оценке, неточности восприятия и понимания материалов номинации по Болгару. Было выявлено более двадцати ошибок. Не вдаваясь в подробности, можно назвать следующие серьезные недостатки в оценке исторических фактов. Так, в заключении ИКОМОС отмечалось, что «во второй половине V в. к северу от Балкан они основали государство Великая Болгария», хотя общеизвестно, что Великая Болгария сформировалась в первой половине VII в. в Приазовье, а на Балканы болгары переселяются в конце VII в. и основывают «первое Болгарское царство» во главе с ханом Аспарухом. Неверно был указан и исторический процесс распада Золотой Орды. Как было изложено в заключении ИКОМОС, «...в 1431 г. Василий II положил конец Орде». Известно, что поход 1431 г. был направлен на разграбление некоторых городов Поволжья, в том числе Болгара. После этого разграбления он сохраняется в виде небольшого поселения, которое существует и в более позднее время как культовый мусульманский паломнический центр и место сохранения памяти предков. А окончательный распад Золотой Орды датируется 1502 г., в результате походов крымских ханов и их союзников. Состоялся международный семинар со специалистами ИКОМОС, на котором автор этой статьи и делегация Татарстана выступили с анализом этих ошибок и разъяснением концептуальных и практических подходов при сохранении, консервации и музеефикации памятников Болгара и нашли их понимание.

Результаты анализа, проведенного были распространены среди делегаций стран – участников Конвенции ЮНЕСКО «О всемирном культурном и природном наследии» (1972), объединяющем более 190 стран на 37 заседании Комитета Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО в г. Пномпень (Камбоджа).

Тема фактических ошибок при рассмотрении номинаций разных государств в 2012–2013 гг. была весьма актуальной и породила целую дискуссию в кулуарах заседаний Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, постоянных представительств стран при ЮНЕСКО, Центре Всемирного наследия, ИКОМОС и других консультативных органах. Ряд государств выразили обеспокоенность в

связи с существенным количеством фактических ошибок, отмеченных в прошлом в ходе обсуждения номинаций и, очевидно, повлиявших на принятие решений о включении данного объекта в список Всемирного наследия.

Значительная доля фактических ошибок в реальности может являться отражением недостаточного понимания специфики отдельных объектов или окружающего их контекста, угла восприятия, значения и отличительных свойств. Для многих в ходе сессии стало очевидно, что методология обнаружения и признания ошибок, оказывающая существенное влияние на решение КВН (Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, включающего 21 страну), далека от совершенства. По сути, речь идет о том, что многие объекты, которые, безусловно, заслуживают занесения во Всемирное наследие, наталкиваются подчас на искусственные препятствия со стороны консультативных органов в лице ИКОМОС. Было предложено при выдвижении номинаций для рассмотрения на сессии Комитета Всемирного наследия публиковать полный список фактических ошибок, выявленных странами-членами, который передается в Комитет, а также обоснования отказа для каждого случая, когда фактическая ошибка, установленная заинтересованной страной-членом, не принимается. Указанные меры служили бы ясности и прозрачности, их реализация способствовала бы повышению эффективности и доверия к Конвенции о Всемирном наследии. При этом никаких очевидных препятствий для осуществления этих мер с точки зрения руководства по выполнению Конвенции 1972 года или Правил процедуры не имеется.

В этой связи было предложено рекомендовать Центру Всемирного наследия ввести эти меры в действие уже на предстоящей 37-й сессии КВН в Камбодже в июне 2013 года.

Таблица фактических ошибок по Болгарам, направленная через Комиссию по делам Юнеско Министерством иностранных дел РФ и представительством РФ в ЮНЕСКО, была принята ИКОМОС, и мы получили право рассмотрения номинации Болгарского историко-археологического комплекса на заседании 37 сессии Комитета Всемирного наследия в г. Пномпень (Камбоджа). На нем среди факторов обоснования Выдающейся универсальной ценности Болгарского историко-археологического комплекса четко было обозначено произведение Ибн-Фадлана, как свидетеля событий начала X в.,

приведшего в 922 г. к официальному принятию Ислама в Волжской Булгарии и определившего формирование цивилизации и мусульманской культуры на тысячелетие, а также развитие этого культурного региона, где они сохраняются и в настоящее время, составляя важный обмен ценностями, идеями, порожденными различными культурами. Посольство багдадского халифа ал-Муктадира было весьма значительным и это путешествие от Багдада до Болгара на 2,5 тысячи километров было уникальным явлением для того периода средневековья, когда границы, разные народы и их культуры разъединяли территориальное пространство Евразии. Оно привело к закреплению устойчивого сухопутного трансевроазиатского торгово-экономического маршрута, составившего один из важных отрезков Великого шелкового пути и ставшего в науке известным как «путь Ибн Фадлана».

Мунир Бушенки, специальный советник Генерального директора ЮНЕСКО, выступая в 2013 г. в здании представительства Российской Федерации в г. Париже перед послами стран-членов Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО отметил: «Достаточно посмотреть на карту – представьте себе – в 922 г. послы халифа, Ибн Фадлан, выехавшие из Багдада, пройдя 2430 км достигли Болгар. Это само по себе являлось исключительным путешествием. Об этом сохранился подтверждающий документ – записки Ибн Фадлана. В нём впервые на арабском языке было описано население, которое обитало далеко на севере от Багдада и впервые в арабском документе встречаются название Булгара, Русь. Что же произошло в результате этого путешествия? Оно повлекло за собой появление исламской веры так далеко на севере от центра исламской цивилизации. Ислам легко распространялся во всех направлениях – на запад, на восток и на юг – в Малайзию, Индию, Египет и Испанию. Но то, что ислам проник так далеко на Север – уже является исключительным фактором и в самом деле, Болгар стал на тот период самой северной точкой исламского мира. Волжская Булгария в 922 г. добровольно приняла ислам в качестве государственной религии, что определило её международное положение и влияние на Восточную Европу и Северо-Восток Евразии, наряду с Хазарским каганатом и Киевской Русью. Добровольность принятия ислама повлияла на её толерантную природу в тюрко-татарском мире.

Интересны ещё два факта, которые я хотел бы отметить. При обсуждении Болгара на заседании комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО понятно то, что роль и значение Ибн Фадлана положительно оценивали такие страны-члены Комитета как Ирак, Алжир, Малайзия, Ливан и ряд других мусульманских стран, но эта роль была высоко оценена и такими странами как Индия, Сербия, Мексика и ряд других. Посол Палестины при ЮНЕСКО, в начале XXI в. переводивший на французский язык записки Ибн Фадлана, подошел к нам и предложил выступить и поддержать нашу номинацию. Но по регламенту заседания это не было положено. В результате длительного и обстоятельного обсуждения номинации на заседании Комитета большинство стран поддержало включение Болгар в список Всемирного наследия, и кроме критерия (iii) предложило критерий (vi) и, таким образом, была подчеркнута историко-культурная, цивилизационная и духовная роль Болгара как центра мусульманской культуры периода средневековья [2].

В конце августа – начале сентября 2013 г. в Татарстане побывала консультационная миссия ИКОМОС. Состоялся всесторонний обмен мнениями приехавших представителей с татарскими специалистами и коллегами. Результатом этих обсуждений стала подготовка дополнительных материалов, в которых были обоснованы проблемы целостности, аутентичности (подлинности), плана защиты и управления объектом. Консультационная миссия рекомендовала пересмотреть концепцию номинации на основе критериев (ii) и (vi), выдвинуть на первый план огромный потенциал не выкопанных археологических остатков с точки зрения их потенциального вклада в имеющийся объем знаний об исторических эпохах, идентифицировать особые признаки и информационные источники, которые представляют собой ключевые аспекты религиозного использования и почитания данного объекта.

Таким образом, применение критерия (ii) позволило расширить хронологические рамки Болгара до 1500 лет, в рамках этого периода более 500 лет болгаро-татарской цивилизации, роль мусульманской культуры стали исключительным явлением для культурной традиции, развивавшейся на этой территории. Важным также стала характеристика Болгара как исключительного свидетельства исторической преемственности и культурного разнообразия в

течение 1500 лет, которое имело результатом важный взаимообмен ценностями, порожденными различными культурами.

На заседании 38 сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в г. Доха (Катар) Болгар был включен в список Всемирного наследия по критериям (ii) и (vi). И конечно, роль записок Ибн Фадлана в этом была одним из главных факторов.

Формулировка ВУЦ, предложенная нами, была определена следующим образом: Болгар – уникальный символ геополитических и исторических преобразований Евразии в V – начале XXI века, сыгравших ключевую роль в процессах формирования государств и цивилизаций, распространения мусульманства и православия, взаимодействия обычаев и культурных традиций современного татарского и других народов евразийского континента.

Болгарский историко-археологический комплекс является исключительным свидетельством исторической преемственности и культурного разнообразия, взаимовлияния культурных традиций тюркских, финно-угорских, славянских и других народов Евразии в составе Волжской Болгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и Российского государства, толерантности и взаимообмена общечеловеческими ценностями в течение длительного периода времени.

Болгарский комплекс, расположенный на пересечении торгово-экономических, культурных и политических коммуникаций, раскрывает уникальное взаимодействие кочевых и городских культур [1].

В решениях 38 сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО она была определена так: Болгар был местом активных процессов историко-культурного обмена и преобразований в Евразии на протяжении нескольких веков, которые сыграли ключевую роль в формировании цивилизаций, обычаев и культурных традиций. В Болгарском историко-археологическом комплексе имеются весомые доказательства исторической преемственности и культурного разнообразия, взаимного влияния культурных традиций, в частности в период Волжской Болгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и Русского государства. Кроме того, Болгар всегда находился на перекрестке торговых путей. Являясь крупным центром экономических, культурных и политических взаимоотношений, он представляет собой яркий пример взаимодействия кочевых и городских культур. Болгарский историко-археологический комплекс – символичное напоминание о принятии ислама волжскими булгарами в 922 году. Для

татар-мусульман Болгар сохраняет свое священное значение и по-прежнему является местом регулярного паломничества.

Критерий (ii): Болгарский историко-археологический комплекс служит примером обмена и реинтеграции культурных традиций последующих поколений и деятельности правителей, что находит отражение во влиянии этих процессов на архитектуру, градостроительные традиции и планирование ландшафта. Процесс культурного обмена тюркских, финно-угорских, славянских и других традиций также проявляется в характерных чертах комплекса. Доказательством обмена архитектурных стилей служат деревянные конструкции, которые появились в регионе богатым лесом, элементы степной культуры тюркоязычных племен, влияние восточных традиций, связанные с принятием ислама, и европейско-российские стили, которые доминировали здесь после того как Болгар стал частью Российского государства.

Критерий (vi): Болгар по-прежнему является важным религиозным центром в регионе для татар-мусульман и, вероятно, для других мусульман, проживающих в целом в Евразии. Он является носителем религиозных и духовных ценностей, что подтверждается, преимущественно, во время ежегодного паломничества. Болгар служит доказательством существования самого северного района, где издревле проживали мусульмане, что связано с официальным принятием ислама волжскими болгарами в качестве государственной религии в 922 году – событие, которое оказало большое влияние на культурное и архитектурное развитие более обширного географического региона [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валеев Р.М.* Великий Болгар в мусульманском и мировом историко-культурном наследии. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2015. 308 с.
2. Сайт UNESCO <http://whc.unesco.org/> [Электронный ресурс] Whc-13/37.com/8B;Whc-13Z3.7/com/inf/8.B.1 и Whc-13/37.com/inf.8B43
3. Сайт UNESCO <http://whc.unesco.org/> [Электронный ресурс] Whc-14/38.com/8B.Add и Whc-14/38.com/inf.8B.1.Add

ИБН ФАДЛАН И БУЛГАРСКАЯ МОНЕТНО-ВЕСОВАЯ СИСТЕМА IX–XI вв.

Аннотация: *Ибн Фадлан в своих Записках излагает достаточно много подробных сведений о денежном характере торговли в Волжской Булгарии причем они больше носят презентационную форму. Нумизматические находки кладов и отдельных находок монет широко иллюстрируют объемы монетного серебра в IX – нач. XI вв. и четко свидетельствуют о том, что денежная форма перешла к благородным металлам, выполняющим общественные функции всеобщего эквивалента. Монетная система как исторически сложившаяся форма и практика организация обращения монет формируется в Волжской Булгарии на завершающемся этапе эпохи Великого переселения народов (IV–IX вв.) в раннем средневековье. Она определялась правилами, законодательными актами, традиционными условностями и потребностями расширяющего рынка. Фиксированный вес монет и их заменителей равнялся металлическому содержанию денежной единицы в виде дирхема (ярмака) Волжской Булгарии в рамках которых происходило развитие товарно-денежных отношений. В монетном обращении участвовали монеты болгарского чекана (902 г. – конец X в.), «варварские» подражания, иностранные монеты – куфические сасанидские, византийские, хорезмийские (туранские) и западноевропейские. Эта звонкая чеканная монета обеспечивала процесс обмена на рынках Волжской Булгарии и выполняла иные функции. Монеты выполняли функцию товара и были широко распространены в Восточной, Северной и Западной Европе по сухопутным торговым путям и Великому Волжскому пути, являющемуся отрезком Великого шелкового пути.*

Ключевые слова: *Ибн Русте, Ибн Фадлан, Волжская Булгария, Булгарский чекан, «варварские» подражания (имитации), древнерусский чекан, болгарские эмиры, топография кладов и находок монет, Русь, Финляндия, Швеция, Дания, о. Готланд, Эстония, Польша, Норвегия, сасанидские, византийские, хорезмийские (туранские), западно-европейские монеты, этапы обращения куфического дирхема в Восточной Европе и Волжской Булгарии, монеты омейядские, аббасидские, саманидские и других мусульманских династий, объем серебряных монет.*

R.M. Valeev

IBN FADLAN AND BULGARIAN COINAGE AND WEIGHING SYSTEM OF THE IX–XI CENTURIES

Annotation: *Ibn Fadlan in his famous Notes tells a lot of detailed information about trade in Volga Bulgaria. His information has representative form. Numismatic*

treasures and isolated finds are widely illustrate volume of silver used to make coins in IX – early XI century. This volume shows that status of money transferred to noble metals instead of fur and other such entities. Monetary system as historically formed practice of using metal coins forms in Volga Bulgaria during the end of Great Migration period (IV–IX century) in early Medieval Ages. Monetary system was defined by rules, laws traditions and needs of growing market. Fixed weight of coins and their replacements was connected to the quality of metal contents in currency unit in form of dirham (ermac) of Volga Bulgaria. Within this currency happened development of trade relations. In use were coins of Bulgar origin (902 A.D. – the end of X), «barbaric» imitations and foreign coins: Kufic, Sassanid, Byzantine, Khwarezmian (Turan) and Western. Bulgarian dirham was in charge of trade in Volga Bulgaria and widely spread throughout Eastern, Northern and Western Europe by land trade routes and Great Volga route – part of Silk route.

Keywords: *Ibn Ruste, Ibn Fadlan, Volga Bulgaria, Bulgarian stamp, «barbaric» imitations, Ancient Russian stamp, Bulgarian amirs, topography of treasures and finds of coins, Rus', Finland, Sweden, Denmark, Gotland island, Estonia, Poland, Norway, Sassanid, Byzantine, Khwarezmian (Turan), Western Europe coins, stages of use of Kufic dirham in Eastern Europe and Volga Bulgaria, Umayyad coins, Abbasid coins, coins of muslim dynasties, volume of silver coins.*

Ибн Русте, автор начала X в., описывающий события IX в. сообщает, что у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, который равен двум с половиной дирхемам [4, с.34]. Хотя находки иноземных монет на этой территории были. К концу VIII – IX вв. принадлежит пять кладов и более десяти находок монет, а в X–XI вв. уже более 20 кладов и несколько сотен монет, известных науке [3, с.217–218].

Удобное положение Булгарии на одном из важных торговых путей привело к созданию экономических предпосылок и к проникновению на ее территорию серебряных иноземных монет. Источники подтверждают, что одновременно с появлением металлических монет зарождается и купечество. Ибн Фадлан в 922 г. пишет, что у болгар много купцов [6, с.138]. Он же приводит много данных, свидетельствующих о наличии чеканной монеты: «Когда же мы были от него (речь идет об Алмуше – болгарском правителе) на (расстоянии) двух фарсахов, он встретил нас сам... В рукаве у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас... Когда же я окончил его (чтение Корана), спутники его рассыпали на него многочисленные дирхемы... Когда же я облек ее (в почетный халат) (жену болгарского ца-

ря) женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились» [6, с.131–132].

Любопытным является следующее сообщение Ибн Фадлана: «Однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно, (денежные) средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя (багдадский халиф-ал-Муктадир), чтобы он построил крепость на (доставленные) от него деньги, которым нет числа?» Он же сказал: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их (денежные) средства берутся из дозволенных (религиозным законом) источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности» [6, с.141].

Особенно интересную группу монет составляет болгарский чекан. Исследователей, занимающихся изучением торговых связей Восточной Европы с Востоком, давно интересовали монеты, чеканенные булгарами в X в. Академик Х.Д. Френ в 1807–1817 гг. профессор Казанского университета в своей работе на немецком языке «Три монеты волжских болгар X века» специально выделяет эту группу монет: «...со всей возможной в куфическом шрифте ясностью и, к моему великому удивлению, прочитал на ней, что этот дирхем отчеканен в Булгаре в году 976» [35, с.171]. С этого времени начинается их систематическое и серьезное научное исследование.

Имея на практике обращение куфических монет и чеканя подражания саманидским дирхемам, болгары были вполне готовы к началу чеканки собственных монет. Этому способствовал быстро идущий процесс феодализации болгарского общества и образование государства. Появление нового государства могло быть передано и через монеты, потому что «...в мусульманском мире монета играла двойную роль, будучи не только средством денежного обращения, но и средством политической агитации» [34, с.185]. Г.А. Федоров-Давыдов также подчеркивает, что собственный чекан болгар преследовал в основном престижные, политические цели [26, с.158]. Монеты от имени болгарских эмиров свидетельствовали о появлении нового государства.

Когда же начинается серебряный монетный чекан в Булгарии? В середине XX в. в связи с недостаточной изученностью болгарских

монет считалось, что их производство началось в 918 г. Во втором Неревском кладе куфических монет X в., найденном в 1956 г. в Новгороде, содержались 4 монеты волжских болгар [32, с.291–292]. Наиболее интересным в кладе является обломок дирхема с именем Джафара ибн Абдаллаха, то есть с мусульманским именем первого царя Болгарии Алмуша, сына Шилки. По мнению С.А. Яниной, эта монета представляет наиболее ранний тип болгарской чеканки и относится к 902–908 гг. [34, с.179–205]. Этот вывод приняли все исследователи-нумизматы СССР, Российской Федерации и мира. Следовательно, такой анализ, позволил говорить о том, что с начала монетного серебряного чекана в Болгарском государстве прошло более 1100 лет.

И если мы отметили в 2005 г. тысячелетний юбилей столицы Татарстана – г. Казани, то болгарский чекан свидетельствует о более древнем начале государственности и активном развитии городов, число которых известных по археологическим памятникам составляет более 190. Недаром скандинавские саги называют территорию Восточной Европы «гардарика» – страна городов. Интересно и то, что древнерусский чекан начался после 988 г. – официального принятия христианства на Руси и известно более трех сотен златников (золотых) и сребренников (серебряных) монет, чеканенных от имени русских князей Владимира Святославича (980–1015 г.) в Киеве, Ярослава Мудрого (1015–1054 гг.) в Новгороде и тмутараканского князя Олега (в христианстве) Михаила (70-х гг. XI в.). Если монеты первых двух князей имели общерусское значение, то монеты Михаила найдены только на территории Таманского полуострова. Больше древнерусских монет не известно и XII–XIV вв. наступает так называемый «безмонетный» период и возобновление монетного чекана на Руси происходит в конце XIV в.

Известно несколько монет, чеканенных в период правления Джафара ибн Абдаллаха. Р.Р. Фасмер, С.А. Янина к раннему этапу болгарского чекана относили также подражательные монеты с полностью пока не установленным титулом Барман (Барсал) и с неясным именем одного из сыновей Джафара [24, с.39–40; 34, с.186–189]. Монеты Микаила ибн Джафара знаменуют дальнейшее развитие чеканки монет у болгар. В кладах они составляют наибольшее количество. Они тоже подражают саманидским дирхемам, но более

удачны. Некоторые из них имеют название Булгар, а остальные чеканены с названиями наиболее крупных городов саманидского государства [24, с.41–44].

Возникает правомерный вопрос. Почему чеканились имена городов этого крупнейшего восточного среднеазиатского государства X в.? Есть несколько объяснений этому. Во-первых, с этим государством Волжская Булгария установила тесные торгово-экономические, политические, культурные и духовные связи в этот период. Как мы увидим позже именно отсюда через Волжскую Булгарию в Восточную, Северную и Западную Европу по Великому Волжскому пути проникали в X в. тонны серебра в виде куфической монеты. Во-вторых, ислам и мусульманская культура проникала через это государство. В-третьих, в первой половине X в., Волжская Булгария находилась под протекторатом Хазарского каганата – мощного государственного образования Юго-Восточной Европы VII–X вв. Булгарский правитель был вынужден отдавать хазарскому кагану в заложники своего сына или дочь. А чекан могли осуществлять только суверенные правители. Поэтому Булгарскому государству приходилось действовать с оглядкой на хазарского Кагана и осуществлять дипломатические миссии.

Последующее развитие чеканки монет волжских болгар прослеживается на монетах – Абдаллаха ибн Микаила, чеканенных в Булгаре в 336 г.х. (947–948 гг.), Талиба ибн Ахмеда, чеканенных в Суваре в 337 г.х. (948–949 гг.) и 347 г.х. (958–959 гг.), Мумина ибн Ахмеда, чеканенных в Суваре в 366 г.х. (976–977 гг.), Мумина ибн ал-Хасана, чеканенных в 366 г.х. (976–977 гг.) и одной монете, чеканенной в 980 г. в Булгаре [34, с.189–193]. Монет, чеканенных после 376 г.х. (986–987 гг.) и 387 г.х., мы пока не имеем и чекан в Булгарии заканчивается, а в XI–XII вв. наступает «безмонетный» период, связанный с мировым серебряным кризисом этого времени.

Интересны еще 2 сюжета, связанных с болгарским монетным чеканом. Во многом благодаря монетам стали известны имена 11 болгарских правителей X в. и два города, где осуществлялась чеканка монет-Булгар и Сувар. Причем в XIX в. известно было три хана, в I четверти XX в. – четыре, к концу 80-х гг. XX в. – десять правителей. А.Г. Мухамадиев, известный татарский учёный-нумизмат, называет следующих правителей – Абдуллах ибн Тегин, Джа-

фар ибн Абдуллах, Насир ибн Ахмед, Эмир Биляр (Барман), Мектай ибн Джафар, Михаил ибн Джафар, Абдулла ибн Михаил, Мумин ибн ал-Хасан. Правда монеты от имени Насир ибн Ахмеда чеканились в г.Суваре, но А.Г. Мухамадиев считает их подражанием саманидскому эмиру Насиру ибн Ахмеду [15]. В 1999 г. благодаря работам А.А. Молчанова [14, с.73–75] и Д.Г. Мухаметшина [16, с.71–73] стало известно ещё одно имя болгарского эмира Волжской Булгарии Абд-ар-Рахмана ибн Мумина. В последние годы при раскопках Болгар было найдено ещё несколько серебряных болгарских дирхемов X в., так что исследования и новые находки нас ждут ещё впереди.

Топография находок монет болгарской чеканки свидетельствует о тесных торговых связях Среднего Поволжья с другими областями Восточной Европы, Северной и Западной Европы. Болгарские дирхемы прочно и безболезненно влились в ту массу куфических дирхемов, которая была в обращении на территории Европы в X в. Это подтверждается тем, что отдельных кладов болгарских монет не найдено. Включившись в X в. в общий поток куфических дирхемов, они участвовали в товарно-денежном обращении на территории Восточной, Северной и Западной Европы. Они обменивались на различные продукты. В этих условиях монеты теряли свойство денег и сами превращались в товар, являясь предметом купли-продажи.

На самой территории Булгарии монеты болгарской чеканки обнаружены в двух кладах куфических монет. Один из кладов был найден в с. Ст. Альметьево (ныне Чистопольский район РТ) в 1906 г. и содержал 167 монет, из них два дирхема Волжской Булгарии с именем Мумина ибн ал-Хасана. Младшая монета 984–985 гг. Второй клад найден у деревни Татарский Толкиш (Чистопольский район РТ) в 1907 г. и содержал 957 монет, из них 3 монеты волжских болгар. Отдельные находки болгарских монет найдено в Камском Устье, Болгарах и ряде других мест [8, с.87–88].

К монетам болгарской чеканки относились и так называемые в нумизматической литературе «варварские» подражания или имитации. Это весьма интересная группа монет известная ещё с периода античности. Многие народы, жившие рядом с греками, чеканили «варварские» подражания греческим монетам, число типов которых составляет более 2 тысяч.

Вопрос о подражаниях куфическим дирхемам является одним из наиболее интересных, но малоизученных в области товарно-денежного обращения Восточной Европы в целом и Волжской Булгарии, в частности. До сих пор не установлено, кто занимался чеканкой этих монет. Это затрудняется тем обстоятельством, что «...провести определенную границу между дирхемами варварского чекана и плохого саманидского очень трудно, именно в виду того, что степень совершенства чеканки в разных саманидских городах была различна» [24, с.39–40]. Х.Д. Френ, В.В. Григорьев, А.К. Марков, П.С. Савельев, Р.Р. Фасмер, Б.А. Романов, В.Л. Янин считали, что чеканкой таких монет занимались болгары [24, с.44–45; 12, с.10, №52: 11, №59: 21, №121: 24, №137: 38, №212: 20, с.118; 19, с.383; 31, с.116–117]. Э. Цамбур, Т.И. Арне, В.В. Кропоткин, А.А. Быков относят эти подражания к чекану хазар [9, с.118–123; 1, с.26–69].

Состав кладов, находимых на территории Булгарии, убедительно свидетельствует о большом количестве «варварских» подражаний. Из 52 дирхемов Чистопольского клада 1885 г. – 2 брактеата (односторонняя монета), на 167 монет Старо-Альметьевского клада – 8 подражаний. В 1890 г. был найден клад около деревни Кокрять, который, по словам находчика, состоял из 300 монет. Сорок монет этого клада были рассмотрены В.Г. Тизенгаузенем, все оказались подражаниями; такими же были 10 других, приобретенные Л.Ф. Лихачевым. Впоследствии А.К. Маркову было показано еще 14 дирхемов из этого клада, из них подражаниями оказались двенадцать. В кладе, найденном в 1858 г. близ Билярска, из состава которого в руки исследователей попала 31 монета, находилось 6 подражаний. В кладе, найденном у с. Булгар в 1895 г. 9 дирхемов из 70 оказались подражаниями, а 6 «брактеатами», т. е. тоже подражаниями. В Даниловском кладе 1902 года из 137 дирхемов 117 монет было чеканено только с одной стороны. В Булгарах в 1900 г. были найдены 3 подражания куфическим дирхемам, в 1890 г. в Спасском уезде нашли 5 дирхемов, среди которых было одно подражание. В кладе, найденном в 1907 г. в д. Татарский Толкиш, из 957 экземпляров было 21 подражание. В 1957 г. на территории Булгарского городища было найдено 8 куфических монет и среди них одно болгарское подражание. В 1972 г. на территории Суварского городища найдено 20 серебряных дирхемов, в т.ч. 2 подражания [12, с.10,

№52: 11, №59: 137, №10: 8, с.87, №118, №120; 88, №122; 24, с.46–47; 25, с.289, №7, №11; 33, с.224; 30: №5311]. В 1974 г. на Суварском городище найден клад серебряных монет, в т.ч. два подражания. На Семеновском селище вместе с куфическими монетами часто встречаются и подражания [27, с.45–46].

На болгарское происхождение этих монет указывает место находки латунного штемпеля, служившего для чеканки «варварских» подражаний дирхемам Мансура ибн Нуха. Этот штемпель несомненно варварский, но все-таки довольно хорошей работы [24, с.40–45]. Причем интересно, что над первой строкой надписи штемпеля имеется знак V, который встречается на всех известных дирхемах болгарского царя Мумина ибн ал-Хасана. И этот знак имеется на керамических изделиях Билярского городища. Существование вышеупомянутого штемпеля с именем Мансура доказывает, что болгары продолжали чеканить подражания саманидским дирхемам даже после того, как они приступили к выпуску монет с именем своего государя.

Находки подражаний куфическим дирхемам, чеканенных булгарами, отмечаются на территории Руси, Финляндии, Швеции, Дании и на острове Готланд. Интересно и то, что рост количества подражаний в Восточной, Северной и Западной Европе приходится на X в. [31, с.122]. Не свидетельствует ли это в пользу того, что болгары чеканили подражания куфическим дирхемам, восполняя ту нехватку ввозимой монеты, которая появилась с начала второй четверти X в. и изготавливалась по мере роста потребности в монете [31, с.116].

Важным свидетельством значительной торговли между Средним Поволжьем, Русью и Скандинавией являются находки подражаний и монет болгарского чекана. Шведский нумизмат Г. Рисплинг в 1985, 1987 и 1999 гг. провел детальное изучение состава металла куфических дирхемов в скандинавском материале и сделал вывод, что в IX в. 5% монет были имитацией. Из них одна группа, датированная второй четвертью IX в., относилась к хазарам. В X в. уже 10% арабских монет являются имитацией, большинство из них (около 80%) было с определенной точностью произведено в Волжской Булгарии [3, с.265].

На территории Руси найдено 34 клада, где встречаются болгарские монеты, а также монеты болгарской чеканки найдены в 8 кладах в Эстонии, в 10 кладах в Польше, в 3 кладах в Финляндии, в 2 кладах в Дании, в одном кладе в Норвегии. Самое большое количество болгарских дирхемов найдено в Швеции – в 39 кладах, из них в 33 кладах на о. Готланд [7, с.38–57]. Примечательно, что болгарские монеты X в. находились в обращении вместе с куфическими дирхемами X – начала XI вв., а во второй половине XI – XII вв. – с западноевропейскими и византийскими монетами. Так, в Лунде (Швеция) найден клад 958–959 гг. из 235 куфических и 22 западноевропейских монет, а также 9-ти определенных болгарских монет Микаила ибн Джафара, Бармана, Абдаллаха ибн Тегина, Талиба ибн Ахмеда. Дата зарытия клада 965 г. В Ботельсе (остров Готланд) найден клад 948–949 гг. из 220 целых, 2046 обломков куфических, западноевропейских монет и 30 болгарских дирхемов Микаила ибн Джафара, Абдаллаха ибн Микаила. В Хэффиндсе (остров Готланд) в составе клада куфических монет (1452 экз.) и вещей находились 25 болгарских монет Микаила ибн Джафара, Талиба ибн Ахмеда (949–950 гг.), Абдаллаха ибн Микаила (957–958 гг.). В кладе у г. Кохтла-Ярве (Эстония) найдено 777 монет, в том числе одна, чеканенная от имени Мумина ибн Ахмеда (975–976 гг.) в Суваре. В этом кладе, зарытом в 1130 г., находилось большое количество западноевропейских монет. Совместное нахождение в кладе куфических, болгарских дирхемов, западноевропейских денариев и монетовидных пластин свидетельствует о том, что на территории Прибалтики они обращались в один и тот же период, то есть в XI–XII в. болгарские монеты были в обращении [3, с.265–266].

У болгар в качестве средств обращения кроме монеты собственно болгарского чекана использовались основные группы иноземных монет. Это сасанидские, византийские, хорезмийские (туранские) западноевропейские и куфические. Остановимся подробнее на последних.

Куфические монеты. Наиболее многочисленную группу составляют куфические серебряные дирхемы. Их проникновение на территорию Восточной Европы начинается в 70–80-е гг. VIII в. [31, с.84]. Эти годы вовсе не случайны. В этот период на территорию Средней Волги пришли болгарские племена. Вероятно, с их прихо-

дом проникновение монет в Восточную Европу усилилось, ибо болгары были более развитыми, у них уже был опыт создания государства и они стали промежуточным звеном в связях Востока с Западом, Юга с Севером. В.Л. Янин и И.Г. Спасский считают, что с конца VIII до начала XI вв. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком и через которые проходил основной поток куфических дирхемов, был Булгар [31, с.105; 22, с.40]. Но роль Булгарии этим не ограничивается. Дело в том, что подражания саманидским дирхемам и монеты собственной чеканки вливались в общий поток куфических дирхемов и удовлетворяли все более растущую потребность Восточной и Северной Европы в металлических монетах.

Обращение куфических монет на территории Волжской Булгарии засвидетельствовано письменными сообщениями и топографией находок куфических дирхемов. Так, Ибн Русте (903 г.) сообщает, что дирхемы привозят из мусульманских стран, об этом же сообщает и ал-Гардизи (XI в.) [4, с.34], подчеркивая при этом, что куфические дирхемы через Булгарию поступали на Русь. Русские купцы согласно сообщению ибн Фадлана за свои товары хотели иметь дирхемы.

Куфические монеты, участвовавшие в товарно-денежном обращении болгар, условно можно разделить на два типа: арабские монеты, обращавшиеся в основном в конце VIII – IX вв., и саманидские монеты, обращение которых зафиксировано в X в.

В.Л. Янин, основываясь на данных Р.Р.Фасмера, предлагает следующую периодизацию обращения восточных монет в Восточной Европе:

I этап – конец VIII – первая треть IX вв.;

II этап – 833–900 гг.;

III этап – 900–938 гг.;

IV этап – 938 г. – конец X в. [31, с.86–136].

В отношении Булгарии данная периодизация также правильна, но ввиду того, что кладов и отдельных находок монет здесь найдено меньше (по сравнению с Восточной Европой), представляется более целесообразным объединить первый и второй этапы в единый, когда преобладали аббасидские монеты (конец VIII – конец IX вв.). Этот период связан с раннебулгарским периодом истории страны и

представлен такими могильниками, как Кайбельский, Больше-Тарханский, Танкеевский, Тетюшский, Больше-Тиганский. Начало функционирования этих могильников относится к концу VIII – IX вв. В них найдены как сасанидские, так и арабские монеты, а в Больше-Тарханском – и хорезмийские [29, с.177; 28, с.9; 3, с.276].

По династиям, хронологически и по весовой норме арабские монеты делятся на две группы:

1. Омейядские монеты. Чеканились в период правления династии Омейядов (661–750 гг.). По-видимому, на территории Болгарии омейядские дирхемы были в обращении вместе с аббасидскими монетами. Свидетельством тому являются клады, где омейядские дирхемы встречаются вместе с аббасидскими монетами. Так, в 1853 г. близ Билярска найден омейядский дирхем 121 г.х. (738–739 гг.) и 11 аббасидских дирхемов 146–263 г.х. (763–877 гг.) [12, с.10, №62]. То же самое наблюдается на всей территории Восточной Европы. Не исключено, что омейядские дирхемы могли поступать и раньше, но в кладах они, как правило, находятся вместе с аббасидскими. Весовая норма омейядских монет отмечается в пределах 2,7–2,9 г. [31, с.96].

2. Аббасидские монеты. Начали чеканиться после прихода к власти Аббасидов. В этот период усиливается приток куфических монет. Весовая норма аббасидских монет заключена в пределах 2,8–2,9 г. [31, с.94]. Итак, в весовой норме омейядских и аббасидских дирхемов особой разницы не было, что, естественно, вело к одновременному их обращению на территории Болгарии.

Одним из наиболее древних кладов, найденных на территории Болгарии, является клад у с. Альметьево (Элмедский), в 20 км от Билярска. В нем было найдено 150 дирхемов VIII–IX вв. [13, с.133; 8, с.8; №123], а также четыре клада на территории Приуралья. Клады, относящихся к IX в., больше не найдено, но отдельные находки монет этого периода встречаются [2].

Часть куфических монет конца VIII – IX вв. населением Болгарии использовалась как украшения и обладала особой потребительной стоимостью. Найденные в Больше-Тарханском, Танкеевском, Больше-Тиганском могильниках монеты с отверстием или ушком

подтверждают, что использование монетного серебра в эстетических целях имело место. Но о массовом характере этого явления говорить не приходится. По всей видимости, в конце IX в. куфические монеты начинают использоваться в качестве средства обращения. Об этом говорит и Альметьевский клад, найденный недалеко от Билярска.

3. Саманидские монеты. В X в. наиболее сильным государством в Средней Азии становится Саманидское государство. Оно оказывало серьезное влияние на болгар. Некоторые ученые, в частности, А.П. Смирнов, С.А. Янина и Е.А. Халикова, считают, что саму идею ислама следует связывать с активным влиянием Саманидского Хорасана [34, с.184–185; 29, с.14–15]. Этот вывод подкрепляется тем, что основную массу дирхемов составляли саманидские. Преобладание этих монет характерно для второго периода денежного обращения (3 и 4 этапы). Принятие ислама, сближение с культурой Арабского Востока и Средней Азии привели к резкому увеличению количества монет. Ко второму периоду относятся более 20 кладов и сотен отдельных находок монет [2; 15, с.10].

По весовой норме саманидские монеты несколько отличаются от монет аббасидских. В их чекане наблюдается все более усиливающаяся небрежность, и это выражается в расширении амплитуды весовых колебаний. Так, дирхемы периода правления Исмаила имеют в среднем вес от 2,7 до 3,1 г. Небрежность чеканки саманидских монет несколько усиливается во времена правления Ахмеда ибн Исмаила (907–914 гг.). Вес монет, чеканенных от его имени, колеблется в пределах 2,7–3,2 г [31, с.122–123].

Саманидские дирхемы четко показывают время, когда Волжская Булгария становится определяющим звеном в торговле между исламским Востоком и Европой. В VIII–IX вв. дирхемы ввозились в Северную Европу с Ближнего Востока через Хазарию, и этот период американский нумизмат Т. Нунан называет хазарской фазой. Саманидские же дирхемы появились в самом начале X в. К 910 г. аббасидские монеты почти полностью исчезают из обращения и клады преимущественно состоят из саманидских дирхемов (от 76 до 100% в некоторых кладах). По сути, с 900 г. большая часть торговли

с исламским миром перешла к Волжской Булгарии и наступила болгарская фаза [18, с.260–261]. Огромную роль в этом сыграли Хорезм и караванный маршрут из Хорезма в Волжскую Булгарию, известный в науке под названием «путь ибн Фадлана», благодаря чему болгары стали получать огромные прибыли от торговли со Средней Азией [18, с.268].

Ибн Фадлан так сообщает нам о торговле серебряными дирхемами в отношении русов в Среднем Поволжье: «А что касается их женщин, то на каждой их груди прикреплен коробочка или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами (денежных) средств их мужей... На шеях у них мониста из золота и серебра, так что если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене один (ряд) монист, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два (ряда) мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним (дирхемам), прибавляют (ряд) монист его жене, так что на шее иной из них бывает много (рядов) монист» [6, с.141].

Торговля саманидскими дирхемами через Волжскую Булгарию была связана с огромной потребностью населения Европы в серебре из Средней Азии и Афганистана. Там находились значительные по объемам рудники Панджера, Джарьяна, Шама, Кухи Сима (Лашке-река, Канмансура или Канджола), Джеркамара и Шельджи [11, с.41–47]. Саманидские серебряные дирхемы были одновременно и товаром и средством платежа. Ими хорезмские купцы обеспечивали Волжскую Булгарию, а через них – население Восточной, Северной и Западной Европы. Серебро, по подсчетам Т. Нунана – более 125 млн. исламских серебряных дирхемов, было импортировано в Европу из Средней Азии [18, с.287] и до тех пор, пока во второй половине X-начале XI вв. не были открыты немецкие серебряные рудники в Гарце, Раммельсберге [18, с.48–54], исламский мир владел монополией на серебро. Его использовали для вербовки и найма сторонников правителей, купечества, наемников, для торговли, а также для переплавки и изготовления серебряных предметов, украшений, изделий для конской сбруи [11, с.288].

Американский нумизмат Т. Нунан на основе анализа кладов саманидских дирхемов X века и учета их утери выделяет 4 периода в торговле Саманидов с Волжской Булгарией:

1 период – 900–910 гг., когда около 29 млн. дирхемов было импортировано в Европу;

2 период – 910–930 гг., когда соответственно этим 3 десятилетиям 18,9 млн., 12,6 млн. и 17 млн., или 48 млн. дирхемов в общем было импортировано в Европу. Именно в 900–940 гг. торговля Саманидского государства с Волжской Булгарией достигла наивысшей активности.

3 период – 940–970 гг., когда объем торговли составлял лишь 63% от того количества, которое было раньше.

4 период – 980–990 гг., когда с исчезновением Саманидского государства прекратилась и торговля. Торговля составляла лишь 5,4% от общего объема торговли за все столетие и в 980-ые годы составляла 57,3 % от объема 970-х гг. В количественном отношении число дирхемов уменьшилось с 11,2 млн. до 6,4 млн. В 990-ые годы объем упал до мизерной цифры – 375 тысяч монет. При этом 75% импорта дирхемов приходится на первую половину X в., а всю вторую половину столетия он составил немногим более 25%.

Для нас очень важен вывод, который делает Т. Нунан: «Нужно признать, что торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. была **гигантской** (выделено нами – Р.В.). Эта коммерция была, возможно, самой большой из всех в Западной Евразии X в. ... Ежегодно миллион или более серебряных дирхемов перевозилось на Север для уплаты за товары, которыми снабжалась Средняя Азия. Количество серебра было таким большим, что в Средней Азии уже в середине X в. начался его кризис, так как богатые серебряные рудники интенсивно эксплуатировались для того, чтобы оплатить ту огромную массу товаров, которые поступали из Северной Европы. Волжская Булгария тоже стала исключительно богатой в этот же период и превратилась из хазарского придатка в одно из самых больших государств Европейской России» [18, с.299].

В X в. наряду с саманидскими в обращении были и монеты других династий, такие как Зияриды, Джуландиды, Саллариды, Аб-

басиды, что достаточно ясно видно из состава кладов. Во второй половине X в. выделяется такая группа, как монеты Бувейхидов. Известно 6 кладов с монетами Бувейхидов [3]. В XI в. появляются монеты Караханидов. Особую группу в кладах второго периода составляют, как мы видели выше, подражания куфическим дирхемам. Эти подражания восполняли нехватку в металлических монетах. Они свидетельствуют о достижении булгарами значительного развития внутреннего товарно-денежного обращения. По сути в VIII – нач. XI вв. куфические дирхемы выполняли такую же роль как доллар в конце XX – нач. XXI вв.

Весовые нормы монет двух периодов, в том числе и подражаний куфическим дирхемам, на территории Булгарии составляли 2,97 и 2,82 г. В основе чеканки этих монет лежал вес иракского ратля в 409,512 г. На территории Волжской Булгарии он получил местное название кадак, мискаль в 4,26 г, или 1/96 часть кадака.

Следовательно, в IX – нач. XI вв. в Волжской Булгарии сложилась своя монетно-весовая система, включившаяся в формировавшуюся денежную систему на огромных пространствах Евразии, в значительной степени связанных с мусульманских Арабским Востоком и Средней Азией. Дирхем в Булгарском государстве получил местное название ярмак и вместе с весовыми нормами – мискаль, кадак пришедшими сюда также с Востока определял развитие товарно-денежных отношений. Сообщения Ибн Фадлана о наличии серебряных монет подтверждается значительным обращением монет из серебра, как иноземных, так и собственного булгарского чекана.

Таким образом, подтверждение сообщений Ибн Фадлана о существовании монет в Волжской Булгарии можно проследить по нумизматическим источникам-находкам кладов и отдельных находок серебряных монет именно серебро стало основным благородным металлом использовавшимся в денежном обращении в э том государстве и монеты выполняли разные функции. В обращении были монеты булгарского чекана и иностранные монеты. Хотелось также отметить ещё одно обстоятельство. От X в. не сохранилось ни одного письменного источника булгарского происхождения, известны только отдельные работы арабских и персидских географов и путе-

шественников – Ибн Русте, Ибн Фадлана и др. поэтому благодаря именно находкам болгарских и серебряных монет удалось установить не только имена этих эмиров, но изучить также политическую, экономическую и культурную историю этого государства Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII–IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Вып. 3. С. 26–71.
2. Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII вв. Казань: Фест, 1995. 159 с.
3. Валеев Р.М. Развитие торговли Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2012. 479 с.
4. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
5. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 94–155.
6. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 345 с.
7. Кропоткин В.В. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 38 –62.
8. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Т. 9. С. 76 – 97.
9. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М.: Наука, 1967. 135 с.
10. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969. 237 с.
11. Максимов М.М. Очерк о серебре. М.: Недра, 1981. 204 с.
12. Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. 148 с.
13. Материалы по истории Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1948. 487 с.
14. Молчанов А.А. О монетном чекане Волжской Булгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г.х.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар: МК РТ, 1999. С. 73–75.

15. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 200 с.

16. Мухаметшин Д.Г. Источниковедческая база к истории денежного обращения в Поволжье VI–XI вв. // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар: МК РТ, 1999. С. 71–73.

17. Мухаметшин И.Д. Нумизматический материал Болгарской округи // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.: тр. Междунар. нумизматической конф. М., 2008. С. 20–22.

18. Нунав Т. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

19. Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси (домонгольский период). М., Л., 1948. Т. I. С. 370–396.

20. Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846. 280 с.

21. Салахов Д.Д. К вопросу об историографии изучения монетного дела Волжской Булгарии в трудах исследователей XIX–XX вв. // Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. Вып. 3. С. 69–73.

22. Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л.: Аврора, 1970. 256 с.

23. Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском 1 городище в 1973 году // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 31–41.

24. Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1925. Т. 3. Вып. 1. С. 29–60.

25. Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщ. Гос. Акад. истории материальной культуры. 1926. Т. 1. С. 287–308.

26. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 158–204.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока. Л.: Наука, 1985. Вып. 23. С. 44–47.

28. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. № 2. С. 158–179.

29. Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 18 с.

30. Хлебникова Т.А. Отчет о раскопках на городище Сувар в 1974 году // Архив Ин-та археологии АН СССР, ф. Р–1, д. 5311.
31. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. До-монгольский период. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 204 с.
32. Янина С.А. II Неревский клад куфических монет X века // Матер. и исслед. по археологии СССР. 1963. № 117. С. 287 – 331.
33. Янина С.А. Куфические серебряные монеты с Болгарского городища // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 80. С. 224–225.
34. Янина С.А. Новые данные о монетном чекана Волжской Болгарии // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 111. С. 179–205.
35. Fraehn Ch.M. Drei Muenzen der Wolga-Bulgarien aus dem X. Jahrhundert // Memoires de L'Academie Imper. Des. Sciences. VI serie, t. I, SPb., 1832. S. 171–173.

Д.В. Васильев

ИЗОБРАЖЕНИЯ ХИЩНИКОВ НА КРЫШКЕ С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Аннотация: *Статья посвящена публикации и поиску аналогий изображению на лепной крышке X–XI вв., найденной на Самосдельском городище в дельте Волги. На ней изображены две пары кошачьих хищников в позе противостояния. Автор находит аналогии данному сюжету на фрагментах сосуда из Саркела, на серебряном ковше из коллекции Фонда Марджани, на аланском каменном мавзолее с городища Кяфар, отдалённые аналогии имеются в материалах золотоордынской эпохи – на могильнике Маячный бугор и среди Кубачинских рельефов. Выдвигается предположение, что сюжет о противостоянии кошачьих хищников зародился в сармато-аланской среде и символизирует борьбу жизни и смерти, вечное возрождение.*

Ключевые слова: *Самосдельское городище, кошачий хищник, гепард, сюжет о борьбе животных, кочевники Евразии, изобразительное искусство.*

D.V. Vasilyev

THE IMAGES OF PREDATORS ON THE COVER FROM SAMOSDELKA SETTLEMENT

Annotation: *The article is devoted to the publication and to the searching of analogies for the picture on the clay-made cover from Samosdelka settlement in the Volga delta dated by X–XI centuries. It shows two pairs of feline predators in confrontation pose. The author finds the close analogies to this plot on the fragments of the vessel from Sarkel, on a silver ladle from the collection of Marjani Foundation, on Alanian stone mausoleum from Kyafar settlement. Two distant analogies we can find in the materials of the Golden Horde epoch – at the Mayachny Bugor burial ground and among Kubachi reliefs. The author suggests that the plot of the confrontation between two feline predators originated in the Sarmatian-Alan environment and symbolizes the struggle of life and death and the eternal rebirth.*

Keywords: *Samosdelka settlement, feline predator, the cheetah, the plot of the struggle of animals, the nomads of Eurasia, art.*

В 2010 году на Самосдельском городище были найдены фрагменты красноглиняной лепной крышки с высокой пестовидной ручкой и с изображением кошачьих хищников, вписанным в круг основной плоскости крышки. Крышка найдена в слоях, относящихся к

периоду X–XI вв. На поверхность крышки нанесено изображение двух пар хищников, которые спокойно идут навстречу друг другу попарно. У животных вытянутые морды, похожие на собачьи, стоячие треугольные уши, щелевидные глаза, поджарые тела с поджатыми животами, напоминающие тела собак или волков, а также мощные лапы с длинными когтями. Хвосты у хищников совсем не похожи на собачьи – они длинные, S-образно изогнутые, как хвосты больших кошачьих хищников. Обращают на себя внимание языки хищников – длинные и узкие, выступающие вперёд из пастей. Сами пасти изображены раскрытыми, напоминающими пасти змей. Таким образом, можно констатировать слияние в данных образах характерных черт изображений кошачьих, собачьих хищников и змей. Между мордами и смыкающимися хвостами пар хищников располагаются волнообразные парные завитки, обращённые кверху – в этих завитках легко угадываются бараньи рога (рис. 1).

Слои второй половины X – начала XI века на Самосдельском городище связываются с культурой полукочевых огузов, пришедших в Нижнее Поволжье непосредственно после падения Хазарского каганата [2, с.24–36].

Практически полная аналогия данному изображению обнаружена в Саркеле на орнаментированном красноглиняном круговом сосуде с ангобом. В книге С.А. Плетнёвой «Древнерусский город в кочевой степи» опубликованы четыре фрагмента этого сосуда [8, с.257–258, 164, 350]. Это обломки большого столового котла XI–XII вв. (рис. 2, 1–4). Сохранилась одна массивная ручка с двумя сосцевидными налепами под ней. Между налепами помещен прочерченный рисунок дерева – ствола с косо отходящими от него вверх ветвями. По мнению С.А. Плетнёвой, композиция символически изображает жизненные силы, дающиеся нам природой [18, с.257]. Совсем иной смысл имеют изображения на остальных трёх обломках – сцены борьбы за жизнь. Здесь изображены разделённые «древом жизни», аналогичном древу на вышеописанном обломке, два хищника. Хищники обращены мордами друг к другу и их изображения зеркально симметричны. Полностью сохранилась лишь левая фигура. Хищник изображён слегка присевшим на лапы перед прыжком с поднятым хвостом и гривой, с оскаленной мордой. От второго хищника остались только оскаленная пасть и часть когтистой лапы. Под мордами

помещены кружки, возможно, как и налепы на первом обломке, обозначающие символ жизни. Вдоль древа небрежно прочерчены извилистые линии. Над спиной хищника прочерчено ещё одно древо. Фон в целом и тело волка заполнены насечками разной конфигурации: завитками, полукружиями, простыми насечками.

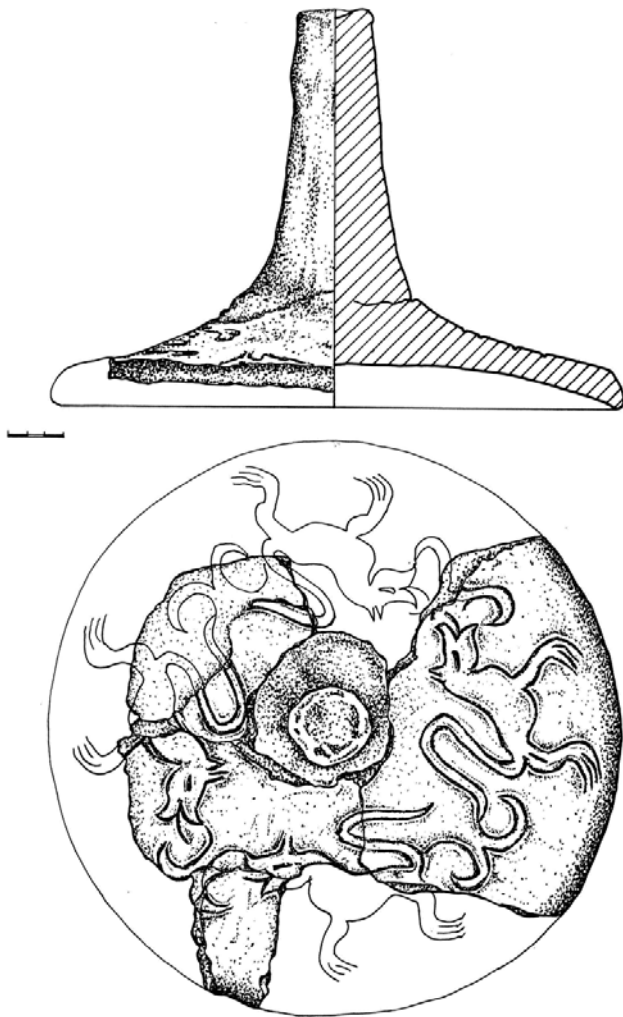

Рис. 1. Прорисовка крышки с Самосдельского городища

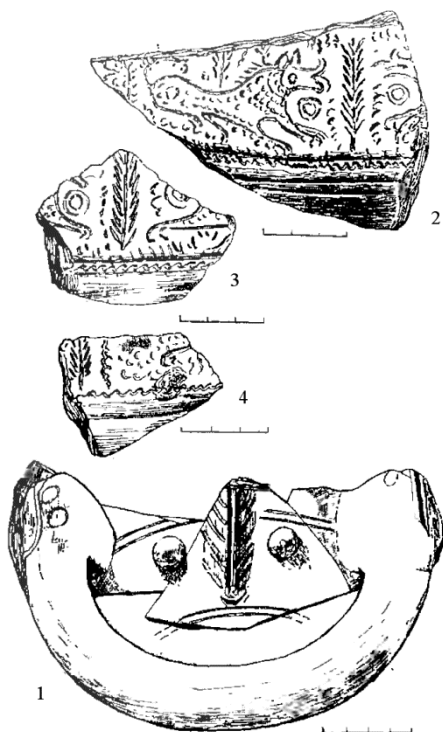

Рис. 2. Фрагменты котла из Саркела (по С.А. Плетнёвой)

Сцена на втором обломке сохранилась частично (рис. 2, 3). Она изображает мировое древо, обрамлённое насечками – веточками. По обеим сторонам древа были изображены, видимо, аналогичные звери. От них остались только концы когтистых лап и у левого зверя – часть нижней челюсти явно раскрытой пасти. Под мордами обоих зверей, как и в первом случае, помещены кружки. Тела животных также покрыты насечками острой палочкой. Имеется ещё один небольшой фрагмент того же сосуда с прочерченный «мировым деревом» и еле различимой лапой правого зверя с когтём (рис. 2, 4).

Следует отметить, что характерное изображение дерева с поднятыми вверх ветвями было распространено на керамических штампованных сосудах-кюпах Востока и Закавказья [1, с.188, 379; 4, с.330]. Однако, на беловежском сосуде орнамент не штампован-

ный, а нанесённый по сырой глине. Кроме того, сюжет и стилистика изображения сильно отличаются от изображений на сосудах-кюпах. С.А. Плетнёва констатирует, что ей не удалось найти аналогий ни этой технике, ни сюжету борьбы двух хищников. Однако она считает, что общих черт беловежской и корчевской находок с ближневосточной и закавказской керамикой достаточно, чтобы говорить об активных связях Белой Вежи именно с этими странами с развитой древней культурой [8, с.258].

Обратим внимание на стилистику изображений на обломках сосуда, описанных С.А. Плетнёвой. Первое, что бросается в глаза – изображения хищников парные. Они обращены мордами друг к другу, как хищники на крышке из Самосделки. Их изображения разделены дополнительными рисунками, которые на сосуде из Саркела трактуются как «мировое древо», а на самосдельской крышке – как бараньи рога (хотя эти волутообразные завитки также при желании можно распознать в качестве растительного узора). Второе – это очень яркое и характерное изображение раскрытых пастей. И на самосдельской крышке, и на сосуде из Саркела пасти хищников изображены раскрытыми, и нижняя и верхняя челюсти заострены и изгибаются соответственно книзу и вверх в виде раскрывающегося цветочного бутона. В обоих случаях из пасти хищников высовывается длинный и узкий язык, прорисованный черточкой, который мы трактуем как язык змеи, поскольку он торчит вперёд, а не свисает вниз, как у собаки (для кошачьих хищников высовывание языка вообще не характерно). Возможно, змеиный язык указывает на хтонический характер животного. Третий общий признак – это длинные когти, характерные для кошачьих. Таким образом, мы можем констатировать стилистическое единство двух рисунков, а также и композиционное единство, лежащее в их основе. Несомненно, что данный орнамент иллюстрировал какой-то космогонический миф, связанный с единоборством двух чудесных зверей, обладающих чертами волка, кошачьего хищника (барса или гепарда) и змеи. Борьба эта пронизывает всё мироздание – об этом говорит разделение хищников «мировым деревом» или солярными «бараньими рогами». Сближает эти два изображения также вписанность в круг четырёх фигур – в круг, образованный краем крышки или поверхностью сосуда.

Рис. 3. Ковш из коллекции Фонда Марджани (по А.И. Торгоеву)

Ещё одно изображение мы находим на серебряном ковше из коллекции Фонда Марджани, который датируется концом IX – 1-й половиной X в. (рис. 3). На его внешней стороне изображены три фигуры хищников, идущих по кругу против часовой стрелки. Хвосты хищников характерно S-образно загнуты к спине и оканчиваются тремя зубцами, прорисована грива, туловища животных покрыты завитками или пятнами, изображёнными циркульным орнаментом. Обращают на себя внимание лапы животных, снабжённые чётко выраженными когтями. Как пишет А.И. Торгоев, «наиболее показательным в изображении животных является наличие широко раскрытой пасти с приострэнным носом и подбородком, из которых высовывается длинный пламевидный язык. По абрису такая форма пасти, в сущности, ни что иное, как трилистник, в котором язык является центральным лепестком» [10, с.346–247]. Автор публикации связывает данный ковш по стилистике изображения с группами венгерских сосудов, близких к периоду обретения Родины и датирует данный предмет X веком. Можно смело утверждать, что хищники на ковше из коллекции Фонда Марджани также относятся к

отряду кошачьих и могут быть трактованы как гепарды или барсы – об этом свидетельствуют длинные изогнутые хвосты, острые длинные когти, пятна на шкуре, вытянутые «собачьи» морды.

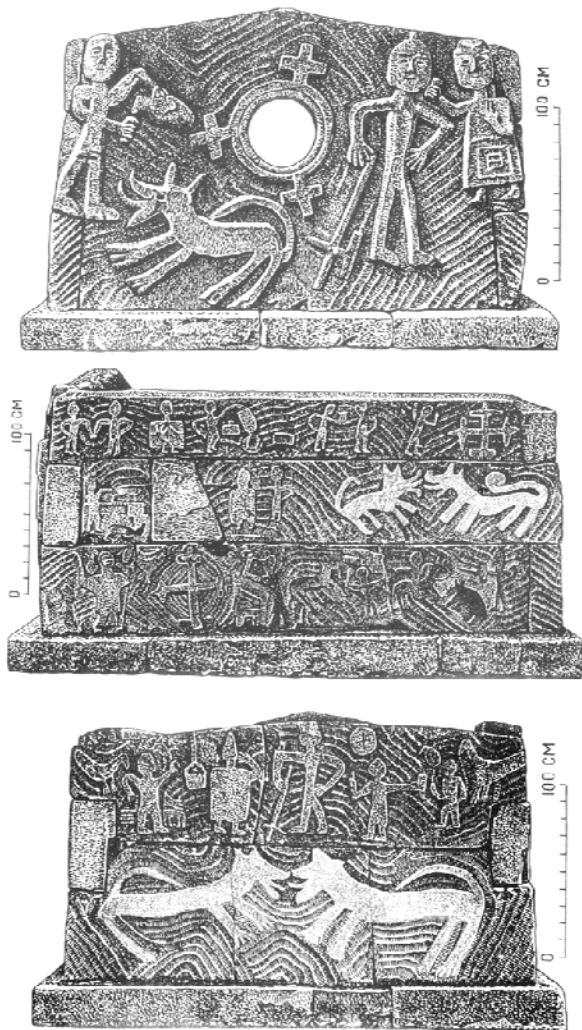

Рис. 4. Хищники на стенах мавзолея в Кяфаре (по Н.А. Охонько)

Полные аналогии изображениям зверей на самосдельской крышке мы встречаем в сопредельном регионе – на Северном Кавказе. Здесь известен так называемый аланский «мавзолей» с городища Кяфар, который переделан из дольмена эпохи бронзы в гробницу аланского правителя в XI–XII вв. В настоящее время этот каменный склеп экспонируется в собранном состоянии в дворике Ставропольского областного краеведческого музея. На западной, северной и восточной стенах гробницы имеются рельефные изображения хищников, причём в двух случаях – парные, в сценах единоборства или противостояния (рис. 4). Эти животные в публикациях обычно трактуются как собаки и связываются с обрядами перехода из мира живых в мир мёртвых [7, с.3–34]. Однако, мы можем выделить в образах этих животных знакомые черты кошачьих хищников – длинные загнутые хвосты, чётко выраженные когти, треугольные торчащие уши. Особо обращают на себя внимание пасти животных – они изображены в раскрытом состоянии, с заострённым носом и нижней челюстью и торчащим вперёд языком. Длинная «собачья» морда и поджарое тело в сочетании с признаками кошачьего хищника позволяют трактовать данных животных как гепардов или барсов. Парность фигур вполне объясняется представлениями осетин о загробном мире. Кроме того, сюжеты борьбы являются неотъемлемой частью нартского эпоса, к которому Н.А. Охонько возводит семантику изображений на каменной гробнице из Кяфара [7, с.30].

Сюжет с четырьмя кошачьими хищниками, вписанными в круг, встречается в Прикаспии и в золотоордынскую эпоху. В ходе раскопок на грунтовом могильнике «Маячный бугор» в 1993 году в погребении №188 было обнаружено бронзовое зеркало с сюжетом, близким по композиции [5, с.295]. Зеркало с небольшим треугольным в сечении валиком по краю имеет плоскую вертикальную петлю в центре (рис. 5). Поверхность зеркала разделена перпендикулярными валиками на 4 сектора. В двух верхних секторах изображены в технике низкого рельефа зеркально симметричные фигуры хищников с вытянутыми собачьими головами и раскрытыми пастьми. Поджарые туловища хищников с поджатыми животами покрыты по спине и боками округлыми завитками, возможно имитирующими пятна на шкуре. У хищников длинные кошачьи хвосты, причём у левого этот хвост у конца s-образно приподнят, а у правого –

плавно опущен вниз. Хищники обращены навстречу друг другу, привстали на мощные задние лапы и взаимно угрожающе приподняли передние лапы, ближние к зрителю. Налицо сцена противостояния двух разделённых хищников.

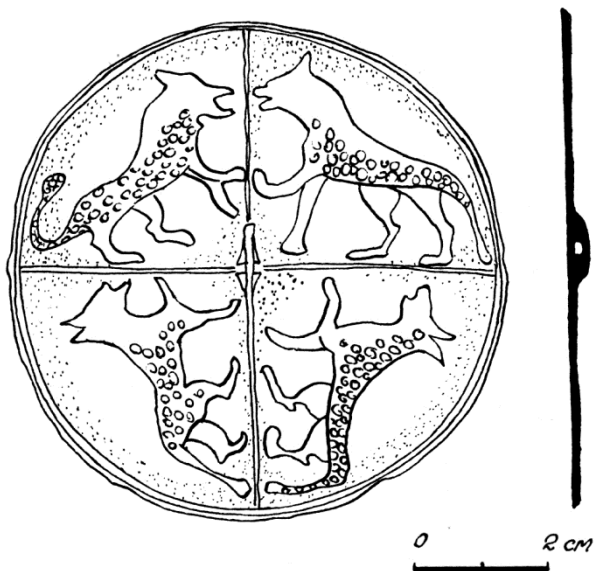

Рис. 5. Сцена с гепардами на рельефе из Кубачи

Рис. 6. Зеркало с Маячного бугра
(по С.А. Котенькову и О.Ю. Котеньковой)

В двух нижних секторах зеркала изображены такие же хищники, в той же позе, только обращённые лапами к центральной вертикальной оси зеркала, а мордами – к изображениям хищников в верхних секторах зеркала. Возможно, они изображают зверей, идущих на помощь своим сражающимся или угрожающим товарищам. Пасти зверей открыты. Задние лапы напряжены, передние ближние к зрителю – приподняты, хвосты плавно опущены. Шкуры хищников так же, как и на верхних изображениях, покрыты округлыми пятнами.

Как видно, изображённые хищные звери сочетают в себе черты собак или волков (собачьи острые морды) и кошек (длинные хвосты, пятна на шкуре). Возможно, что здесь мы имеем дело с изображениями гепардов или барсов, которые имели распространение на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в эпоху Средневековья. Именно гепарды имеют поджарые тела с не вполне кошачьими очертаниями и узкие морды, которые могут изображаться как собачьи.

С вышеописанными изображениями X–XII веков изображение гепардов на зеркале роднит расположение фигур по кругу в сцене противостояния. Видимо, легенда или миф о борьбе хищников дожили до золотоордынского времени с постхазарской эпохи. Что же это за сюжет, который скрывается за данным изображением? На этот вопрос у нас пока нет однозначного ответа.

Решить похожую задачу в своё время пыталась З.В. Доде, которая анализировала панно с сюжетной картиной «Приручение гепардов», обнаруженной среди прочих резных рельефов в селе Кубачи на территории Дагестана [3, с.147–148]. На плите изображена композиция, состоящая из двух частей (рис. 6). Слева – фигура лучника в великолепном костюме дагестанской знати. Он в движении натягивает тетиву лука. У левой ноги его сидит кошачий хищник без гривы, вероятнее всего – гепард. Часть композиции по верхнему. Нижнему и левому краям обрамлена декоративным бордюром с размеренным растительным мотивом, который ритмично повторяется по кайме подола кафтана лучника, орнаментальном убранстве горита, а также в стилизованном изображении хвостов и обозначении частей тел гепардов. В правой части рельефа изображены животные той же породы, что и зверь, сидящий у ног лучника. Это четыре гепарда, движущихся по кругу. Фигуры их стилизованы, декоративный рисунок хвоста одного хищника является одновременно

проработкой частей тела следующего за ним зверя. Движение животных по кругу (по часовой стрелке) вписано в круг, обрамленный растительным бордюром. Головы животных соприкасаются. К сожалению, сами изображения голов животных и человека были сбиты (видимо, по религиозным мотивам). З.В. Доде приводит ряд гипотез о семантике сюжета. Во-первых, это версия о том, что изображение передаёт цирковую сцену. Однако, сомнительно, чтобы в представлении участвовал член высшего сословия общества (лучник в одежде знати). Вторая версия – изображение охоты на диких зверей, находящихся в загоне из плетёных изгородей [3, с.148–149]. Однако сама З.В. Доде склоняется к тому, что на рельефе изображена сцена дрессировки охотничьих гепардов, которые должны научиться выполнять какую-то операцию (например, ловить стрелу с приманкой). Она приводит многочисленные примеры использования гепардов на охоте правителями Ирана и ильханами монгольского периода, приручения их во взрослом состоянии, рассказывает об обычаях и установлениях, связанных с содержанием гепардов при дворе монгольских правителей [3, с.149–163]. Данный рельеф, по мнению З.В. Доде, происходит из дворца монгольских наместников Дагестана и является ярким примером овеществления монгольской имперской культуры XIII века на Северном Кавказе [3, с.163].

В заключение необходимо сказать, что в изобразительном и прикладном искусстве кочевников Евразии в период средневековья одну из доминирующих ролей играли образы животных. Их изображения находятся в достаточно большом количестве на посуде, на поясных наборах, украшениях сбруи, среди орнаментов. Самыми распространенными изображениями являются образы коней, оленей, баранов, волков, мифических созданий (грифонов и драконов), а также кошачьих хищников. Такое внимание к образам животных, разумеется, обусловлено традицией, зародившейся ещё в эпоху раннего железного века. По мнению М.И. Артамонова, источником звериного стиля скифов и сарматов является искусство Передней Азии [9, с.154–165]. По мнению Е.Е. Кузьминой, сюжет противостояния двух животных в искусстве кочевников Евразии уходит корнями именно в искусство скифо-сарматских племён эпохи раннего железного века и связан с культом воды и вызывания дождя [6, с.103–108]. Мы можем предположить, что сцены борьбы связаны не

только с дождём, но и с плодородием вообще, и в частности – с возрождением умирающей природы и возрождением к новой жизни после смерти. Также его можно трактовать как борьбу жизни и смерти. Связующим звеном между культурой сарматов и культурой тюркоязычных кочевников могла стать символика изобразительного искусства алан – наследников сарматских племён.

Таким образом, мы можем констатировать наличие в эпоху средневековья в искусстве степного региона Евразии некоего сюжета о борьбе или противостоянии животных, имеющих черты волка, змеи и барса-гепарда. Дальнейшее изучение этой темы потребует подробного рассмотрения образов этих животных в культуре тюркоязычных народов. Поэтому данная статья является всего лишь небольшим шагом в направлении к дальнейшему изучению и реконструкции сюжетов средневековой тюркской орнаментики и образов различных животных в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-кала IX–XIII вв. (по материалам раскопок 1953–1955 годов) // МИА. №67. М.-Л., 1959.
2. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006. № 4. С. 24–36.
3. Доде З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск X. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2010.
4. Калантарян А.А. Торговля и ремесло // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М., 2003.
5. Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. Элементы язычества в погребальных обрядах грунтовых могильников «Маячный-I-II» – золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской области // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 292–299.
6. Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей. // Ранние кочевники. // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 103–108.

7. Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI века Кяфарского городища // Аланская гробница XI века. Ставрополь: Ставропольский государственный объединённый краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве, 1994. С. 3–34.

8. Плетнёва С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006.

9. Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 154–165.

10. Торгоев А.И. Ковш // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. С. 346–247.

Я.А. Кияшко

ПАМЯТНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Аннотация: В статье дан обзор стационарным памятникам салтово-маяцкой культуры на территории Волго-Донского междуречья. По информации письменных источников, данный регион занимал ключевое место в государственно-территориальном устройстве Хазарского каганата. Изучение археологических памятников, оставленных населением салтово-маяцкой культуры, позволит уточнить место этой территории в истории Хазарского каганата.

Ключевые слова: эпоха раннего средневековья, хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, поселения, гончарно-ремесленный центр.

Ya.A. Kiyashko

THE MONUMENTS OF SALTVOV-MAYAKI ARCHAEOLOGICAL CULTURE ON THE TERRITORY OF VOLGA-DON INTERFLUVE

Annotation: This article gives the review of the sites of Saltovo-Mayaki culture in the area between the Volga and the Don. As it was pointed by written sources, this region had a high position in the state system of Khazar Khanate. The study of archeological sites, which were left by population, will let update the role of this place in the history of Khazar Khanate.

Keywords: The early Middle ages, Khazar Khanate, Saltovo-Mayaki culture, settlements, the pottery center.

Одним из ключевых моментов изучения салтово-маяцкой археологической культуры является определение пространственно-временных границ ее распространения на территории Восточноевропейских степей в эпоху раннего средневековья. Как известно, данная культура отражает этнокультурные и этнополитические процессы, происходившие в рамках такого государственного образования как Хазарский каганат.

Информацию о территориальном расположении Хазарии можно найти в письменных источниках средневековых арабских, византийских, персидских, грузинских, армянских, древнерусских и хазаро-еврейских авторов. Однако, несмотря на столь высокое внимание средневековых писателей к Хазарскому каганату, на сегодняш-

ний день, среди ученых существуют различные взгляды на размеры территорий, которые были подвластные хазарам [1, с.388–403; 5, с.23–29; 15, с.107–133; 18, с.128–150].

Если исходить из общепринятых представлений о границах Хазарии, то следует отметить, что в период расцвета данного государства, власть кагана распространялась на обширные пространства степи и лесостепи от Волги до Приазовья и Крыма, от верховьев Северского Донца и Дона до предгорий Северного Кавказа. На указанной территории сформировалась салтово-маяцкая археологическая культура, которая датируется в рамках 2-й пол. VIII – X в. В процессе выявления ареала распространения памятников и уточнения особенностей материальной культуры, было отмечено некоторое разнообразие среди вещественного материала и деталей погребального обряда. Таким образом, это позволило выделить определенные разновидности салтово-маяцкой культуры, для которых характерны как общие признаки так и региональные отличия [17, с.11–23].

Выделение и последующая локализация различных вариантов салтово-маяцкой культуры является одной из самых актуальных направлений в изучении истории Хазарского каганата. Данная проблема обусловлена тем, что крупные регионы входившие в состав Хазарии определяли неоднородность населения как в этническом так и в культурном плане. Соответственно, процессы взаимодействия между представителями различных этносов приводило к смешению культурных традиций и производственных технологий.

На сегодняшний день существуют различные подходы к вопросу о выделении локальных вариантов салтово-маяцкой культуры. В основном, выделяются две крупные группы: памятники лесостепного варианта, которые распространены в бассейне Северского Донца и Среднего Дона, памятники степного варианта, которые фиксируются на территории Нижнего Дона, Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. Также существуют локальные разновидности в Приазовье, Крыму, предгорьях Северного Кавказа [17, с.12–13]. При этом стоит отметить, что выделение «нижневолжского варианта» салтово-маяцкой культуры в последнее время подвергается серьезной критике [4, с.4–5].

Отсутствие четких представлений о границах распространения территориальных вариантов салтово-маяцкой культуры связано с

недостатком признаков, которые можно было бы отождествить с «этническими» хазарами. Так, например, некоторые исследователи, пытаются связать болгаро-хазарское население с определенной категорией керамики. В качестве маркирующего признака указывается наличие кухонных горшков с гребенчато-волнистым орнаментом, где в формовочной массе присутствует песок [14, с.90–103]. Данный тезис подвержен критике, по причине наличия этой категории керамики среди других этнических групп салтово-маяцкой культуры [3, с.13–25].

Анализ гончарно-ремесленного производства поселения Суворовская I позволяет усомниться в способности этнической интерпретации керамического материала. На памятнике были найдены остатки керамических изделий, которые принадлежали как столовым лощеным кувшинам, так и кухонным сосудам с гребенчато-волнистым орнаментом. Особый интерес представляют найденные экземпляры гончарных котлов с внутренними ручками – ушками. При этом на большинстве крупных фрагментов, выше упомянутых категорий, прослежены следы производственного брака.

Другим характерным признаком «этнических» хазар, считаются погребальные комплексы, которые были осуществлены в подкурганых захоронения типа «Соколовской Балки». Основной особенностью данных объектов является наличие подкурганых ровиков, которые образуют площадку, где совершалось погребение [7, с.3–252]. Однако с накоплением археологического материала, у некоторых исследователей появились сомнения по поводу выделения данного признака в качестве маркера хазарского населения. В частности отмечается, что сооружение поминально-погребальных площадок является частью поминальной, а не погребальной традиции, которая могла быть свойственна и для других групп населения [9, с.82]. К этому следует добавить отсутствие таких комплексов, которые датировались позднее начала IX века.

В связи с вышеперечисленными проблемами все большее значение приобретают исследования направленные на изучение конкретного региона в структуре хазарского государства с целью выявления наиболее характерных черт, которые присущи археологическим памятникам, расположенным в данной области. В связи с этим, определенный интерес вызывает восточный ареал распро-

странения памятников салтово-маяцкой культуры, в частности территория Волго-Донского междуречья. Об особом месте данного региона в X в. мы узнаем из письменных источников, а именно из еврейско-хазарской переписки между хазарским царем Иосифом и евреем Хасдаем Ибн-Шафрутом, который служил сановником при дворе кордовского халифа Абдаррахмана III. В двух редакциях (краткой и пространной) корреспонденции помимо остального содержится информация не только о расположении и границах Хазарского государства, но и о владениях непосредственно хазарского царя Иосифа [8, с.571–612]. Из приведенных в источнике сведений, важно подчеркнуть две вещи, во-первых, восточная граница Хазарского каганата имела неопределенные черты и проходила по территории Заволжья, где кочевали в это время огузы и подчиненные им печенеги, которые не ушли на запад в сторону Днепра. Во-вторых, территория домена включает в себя степи Волго-Донского междуречья [1, с.391; 8, с.575–577, 594–596]. Таким образом, следует отметить, что регион между Волгой и Доном является частью не только владений центральной власти в каганате, но и играет важную геополитическую роль в связи с восточной сферой влияния хазарского государства. Река Волга является удобной торговой артерией и, возможно, естественной границей на пути кочевников с востока. Также стоит отметить, что в данном регионе расположено наиболее узкое место сближения Волги и Дона, что способствовало существованию торговых связей, которые функционировали по Волге и далее в Каспийское море.

Все выше приведенные тезисы говорят о значительной роли степей Волго-Донского междуречья в эпоху второй половины VIII – X вв. Изучение археологических памятников, которые были оставлены населением салтово-маяцкой культуры позволит определить место данного региона в истории Хазарского каганата.

В рамках данной работы не представляется возможным охватить все виды памятников салтово-маяцкой культуры на территории Волго-Донского междуречья, поэтому остановимся на кратком обзоре поселенческих памятников, которые датируются в рамках VIII–X вв. н.э.

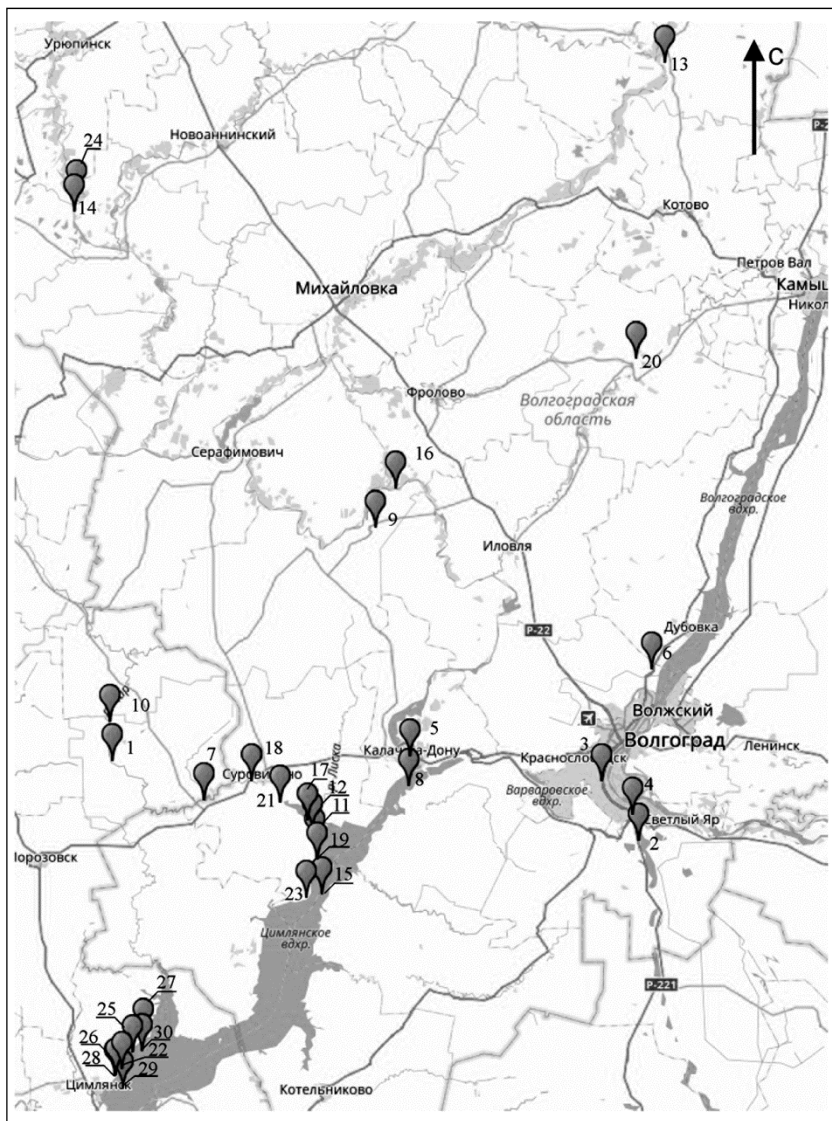

Рис. 1. План-схема расположения памятников салтово-маяцкой археологической культуры на территории Волго-Донского междуречья

Всего известно около 30 объектов, которые можно трактовать как археологический памятник поселенческого типа (рис. 1). В частности 9 объектов, которые составляют условно первую группу, характеризуется только информацией о наличие культурного слоя и подъемного материала, который представлен керамикой салтово-маяцкой культуры или может быть датирован эпохой раннего средневековья (табл. 1).

Таблица 1. Памятники VIII–X вв. на территории Волго-Донского междуречья

	Места обнаружения культурного слоя или подъемного материала VIII–X вв.		Неукрепленные поселения (селища) VIII–X вв.		Укрепленные поселения (городища) VIII–X вв.
1	Артем	11	Ближний Подгорский	26	Камышевское
2	Большие Чапурники	12	Ближняя Мельница	27	Карнауховское
3	Бирючья Балка (Волгоград)	13	Бобровое Озеро	28	Левобережное Цимлянское (Саркел)
4	Волго-Донской канал (Волгоград)	14	Ендовский	29	Правобережное Цимлянское
5	Донская	15	Ильменский (Ильмень-Суворовский)	30	Средний
6	Ерзовка (Волгоград)	16	Кременская		
7	Кололовский	17	Лисенский		
8	Приморская	18	Нижне-Калиновский		
9	Сердцатая Балка I	19	Нижний чир		
10	Синяпкинский	20	Ольховка		
		21	Островский		
		22	Потайновский		
		23	Суворовская		
		24	Тишанская		
		25	Хороший		

Важно отметить, что объекты у хуторов Синяпкинский, Артем (Ростовская область) и Кололовского (Волгоградская область) были открыты С.А. Плетневой в ходе разведок в 50-х гг. XX века. Все они фиксировались по берегам реки Чир недалеко от станицы Обливской. Памятники у Синяпкинского и Артема, исследовательница отнесла к кочевьям I-типа, а у хутора Кололовского выделила как кочевье II-типа и указала на наличие так называемой «обитаемой полосы» длиной 1,5–2 км [16, с.192].

Вопрос выделения стадии кочевания как определенной формы хозяйственного уклада населения Хазарского каганата довольно сложно проследить по археологическому материалу. С.А. Плетнева, выделяя различные стадии кочевания, руководствовалась наличием или отсутствием культурного слоя, различными типами керамической продукции и анализом остеологического материала [16, с.13–19,147]. Однако приведенная аргументация подвержена конструктивной критике [19, с.213–217]. В связи с этим, стоит еще раз обратить внимание на слабоизученность этих памятников. Вполне возможно, так как археологические раскопки на них не проводились, найденные находки могут фиксировать культурный слой неукрепленных поселений. Чтобы избежать излишних теоретических построений, следует говорить о данных объектах как о местах, где был проведен сбор керамического материала салтово-маяцкой культуры.

Вторая группа представляет собой неукрепленные поселки – селища. Критерием для выделения данной группы является отсутствие фортификационных сооружений. Всего известно 15 памятников на территории Волго-Донского междуречья и Нижнего Подонья. Наибольшая часть данных объектов была открыта в процессе работы разведывательного отряда Волго-Донской археологической экспедицией под руководством И.И. Ляпушкина, а именно: Нижне-Калиновский, Островской, Лисенский, Ближний Подгорский, Нижний Чир, Суворовская I, Ильменьский или Ильмень-Суворовская, Хороший, Потайновский [10, с.255–259; 11, с.323–336]. Отдельное место занимает поселение у Ближней Мельницы, в связи с тем, что найденный керамический материал связывает его с древностями, оставленными славяно-боршевским населением [12, с.337–347]. Другие неукрепленные памятники VIII-X вв. были открыты в ходе

работ других экспедиций в разное время. Среди них: Кременская, Ольховка, Ендовский, Тишанская, Бобровое Озеро.

Для данного типа памятников присущи как пойменное расположение, так и надпойменное. Категоричность тезиса о том, что пойменное месторасположение является показателем временности поселения не совсем верен. В качестве примера стоит привести селища у Бобрового Озера в пойме реки Медведица и у озера Ильмень в пойме реки Дон. Для определения времени существования данных объектов необходимы дальнейшие исследования. Но если памятник Ильмень-Суворовский сейчас находится на дне Цимлянского водохранилища, то селище у Бобрового Озера вполне доступно ученым-археологам.

Также внутри второй группы, следует выделить памятники, которые характеризуются узкоспециализированной производственной направленностью. Так памятник у станицы Суворовской, вполне может считаться не селищем, где проживали и вели хозяйственную деятельность представители населения салтово-маяцкой культуры, а производственным центром по созданию высококачественной гончарной продукции для реализации ее на рынке. Аналогичный памятник является поселение у поселка Ольховка, где также были найдены гончарно-ремесленные комплексы [17, с.86]. Насколько данные объекты представляли собой узкоспециализированные производственные центры или же были интегрированы в структуру близлежащий стационарных памятников на данный момент сказать сложно.

Последняя группа представляет собой укрепленные поселения-городища. Всего таких объектов 5 – это известные городище у с. Карнаухово, хутора Среднего, Камышевское городище, а также Правобережное Цимлянское городище и Левобережное цимлянское городище (Саркел).

Основными характерными чертами данной группы является мысовое расположение памятника и возведенные фортификационные сооружения в виде земляных укреплений или каменных стен. В большинстве случаев, использовались как рельефные особенности территории, где располагался памятник так и искусственные укрепления как земляные (валы и рвы), так и каменные. Если земляные укрепления возводились только с напольной стороны, а не-

укрепленная часть примыкала к реке (Карнаухово, Средний), то каменные стены возводились по всему периметру памятника (Левобережное городище – Саркел). Однако, стоит отметить, что строительство каменных стен, по всей видимости, было распространено только после сооружения Левобережного Цимлянского городища – Саркела, т.е. в середине IX [2, с.148–150].

В результате, на территории Волго-Донского междуречья и Нижнего Подонья расположены типологически разные виды поселенческих памятников. Крупные оседлые центры, защищенные фортификационными сооружениями, и с примыкающими селищами, в основном сконцентрированы на территории Нижнего Подонья, что указывает на важное место данного региона в системе государственно-административного управления Хазарского каганата.

На территории же Волго-Донского междуречья неукрепленные стационарные памятники располагаются северо-восточнее крупных центров, по берегам реки Дон и ее притоков. Важно отметить, что на данный момент, нам ничего не известно о памятниках, которые располагались на правом берегу реки Волга. Также практически нет следов крупных поселений южнее Волго-Донского канала.

Если обратиться к письменным источникам, где даются сведения о хазарском владении царя Иосифа, то можно увидеть, что северная граница так называемого домена кагана в пространной редакции ответного письма проходит там, где Волга делает разворот в сторону Каспийского моря, т.е. как раз на уровне современного Волго-Донского судоходного канала. Протяженность владений кагана на север – 20 фарсахов [8, с.596]. Также известно, что подле хазарской столицы нет деревень на расстоянии 20 фарсахов [6, с.384]. Следовательно, можно предположить, что оседлые центры салтово-маяцкой культуры Волго-Донского междуречья могут располагаться по северной границе личной территории хазарского кагана. Однако для проверки данной гипотезы необходимо привлечь материалы погребальных памятников, что и является дальнейшей задачей исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002. 560 с.
2. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
3. Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // Российская археология. 2013. №3. С.13–25.
4. Афанасьев Г.Е. О территории Хазарского каганата и хазарского «домена» в IX веке // Дивногорский сборник. Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 41–72.
5. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: ДИ-ДИК, 1996. 640 с.
6. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Открытие Хазарии. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 281–420.
7. Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 252 с.
8. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка. М.: ДИ-ДИК Танаис, 1996. 640 с.
9. Круглов Е.В. О «курганах с ровиками», погребения типа «Соколовской Балки» и некоторых иных древностях хазарского времени (к постановке проблемы) / Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне // Материалы III международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2013. С. 74–83.
10. Ляпушкин И.И. Археологические памятники в зоне затопления Цимлянского водохранилища // Материалы и исследования по археологии. 1958. № 62. С. 227–262.
11. Ляпушкин И.И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // Материалы и исследования по археологии. 1958. № 62. С. 323–336.
12. Ляпушкин И.И. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница // Материалы и исследования по археологии. 1958. № 62. С. 337–347.
13. Петрухин В.Я., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Флерова В.С. Хазарский проект: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2009. Вып. 1. С. 90–106
14. Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Изд-во Форум-Неолит, 2013. 463 с.

15. Плетнева С.А. От кочевий к городам // Материалы и исследования по археологии. 1967. № 142. 197 с.

16. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим: Мосты культуры – Гершаим, 2000. 241 с.

17. Праслов Н.Д. Археологические разведки на юго-востоке Приволжской возвышенности // Археологические открытия 1969. М., 1970. С. 86–87.

18. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Выпуск XVIII. 1953. С. 128–150.

19. Флеров В.С. Города и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2011. 264 с.

ПАМЯТНИКИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация: В эпоху средневековья в начале II тыс. н.э. Самарское Поволжье частично входило в состав государства Волжская Болгария. Выделяются два района распространения болгарских памятников домонгольского периода: Самарская Лука, расположенная в Правобережье Волги, и бассейн р. Б. Черемшан. Территория Самарской Луки характеризуется плотной компактной локализацией болгарских памятников вокруг крупного городского центра, археологически представленного городищем «Муромский городок», и расположением поселений вдоль береговой линии Волги. Поселения Самарской Луки функционально связаны с обслуживанием Волжского торгового пути, начиная с XI в. Поселения болгар в бассейне р. Б. Черемшан расположены равномерно преимущественно по береговой линии реки, единичные памятники известны на его левобережных притоках. Эти памятники маркируют юго-восточную государственную границу Волжской Болгарии.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Самарское Поволжье, Самарская Лука, Муромский городок, бассейн р. Большой Черемшан, пограничье.

A.F. Kochkina

THE MONUMENTS OF VOLGA BULGARIANS IN THE SAMARA VOLGA REGION

Annotation: In the Middle Ages at the beginning of II millennium AD Samara Volga Region partially included in the Volga Bulgaria state. There are two areas of distribution of the Bulgarian sites of pre-Mongol period: Samarskaya Luka, located on the right bank of the Volga, and the L. Cheremshan basin. The territory of Samarskaya Luka is characterized by a dense compact localization of the Bulgarian archaeological sites around a major urban center, archaeologically represented by fortified settlement «Muromsky town», and the location of the settlements along the coastline of the Volga. The settlements of the Samarskaya Luka have related functionally to maintenance of the Volga trade route, beginning from the 11th century. The Bulgarians' settlements in the L. Cheremshan basin located mainly along the river evenly, some sites have been known in its left-bank tributaries. These archaeological sites mark the southeastern state border of Volga Bulgaria.

Keywords: Volga Bulgaria, Samara Volga Region, Samarskaya Luka, Muromsky town, The L. Cheremshan basin, borderlands.

Географически интересующий нас регион расположен в Среднем Поволжье и приурочен к месту впадения р. Самары в Волгу. Административно Самарское Поволжье в настоящее время соотносится с Самарской областью, которая расположена по обоим берегам р. Волги. По этой территории проходит граница географических зон – лесостепи и степи. Географическое положение в значительной степени определило и культурно-историческое развитие региона, в том числе в эпоху средневековья.

Несмотря на то, что сведения об археологических памятниках волжских болгар на территории Самарского края стали появляться в литературе с конца XVIII – XIX вв., первые систематические исследования болгарских памятников следует относить к началу 1920-х годов. Эти работы связаны с деятельностью В.В. Гольмстен вплоть до ее отъезда из Самары в 1929 г. [4]. В 1965 г. в бассейне р. Б. Черемшан было проведено обследование Татарской археологической экспедицией под руководством Р.Г. Фахрутдинова, в результате которого были выявлены домонгольские археологические памятники волжских болгар в среднем течении реки. [7]. Этап масштабных археологических работ в Самарском крае начинается с 1969–1970 гг. и нашел отражение в работах Г.И. Матвеевой [4, с.5].

Всего к настоящему времени на территории Самарской области известно около 80 болгарских памятников, включая местонахождения. Выделяются два крупных района распространения болгарских памятников домонгольского периода: Самарская Лука, расположенная в Правобережье Волги, и бассейн р. Б. Черемшан [5, с.260–261].

В правобережье Волги на Самарской Луке известно около 40 памятников. Крупнейший из них – городище «Муромский городок». Городище представляет собой остатки одного из крупнейших городов Волжской Болгарии домонгольского периода. Площадь города составляла около 150 га. Он состоял из внутреннего и нескольких частей внешнего города, защищенных земляными валами и рвами, подходившими вплотную к оврагам, являвшимся естественными укреплениями. Важным элементом его пространственной организации являлось наличие пригорода и округа, топографические особенности которых определены ландшафтом местности: многочисленные овраги, балки, лесные массивы. С северо-западной

стороны за укреплениями города керамика распространяется еще примерно на 200–250 м. В пригороде с юго-западной стороны размещался большой некрополь. Другой некрополь выявлен на мысу между оврагами в северо-восточной части городища. С восточной стороны за оврагами простирался пригород, на котором археологически выделены несколько селищ (Муромские селища II, III, IV). Таким образом, общая площадь Муромского городка с пригородами составляет не менее 400 га.

Планировочная структура города аналогична планировке крупных городов Волжской Болгарии (Биляр, Староалейкинское городище, Сувар и др.), которая восходит к традициям трехчастной планировки, характерной для городов Востока.

Вокруг города располагалась сельская округа, в радиусе 5–10 км от него располагается более 10 памятников. Почти столько же памятников находится на удалении от города до 10–15 км, они имеют свои собственные «центры», но находятся под влиянием большого города. Учитывая то обстоятельство, что вся Самарская Лука в поперечнике имеет протяженность около 30 км, то ее западная часть, центром которой является Муромский городок, может рассматриваться как агломерация [2]. Устойчивость ее усиливается связью Муромский городок – Междуреченское городище, возникновение которого относится к XI в. Оно расположено на Волге и наряду с функцией контроля движения и безопасности на Волжском торговом пути являлось практически портовой пристанью Муромского городка.

В связи с особым положением региона в пределах Болгарского государства важное значение имеет вопрос о времени возникновения Муромского городка и других поселений на Самарской Луке. Материалы многолетних исследований городища свидетельствуют о том, что район Самарской Луки был освоен в XI в. Город, настоящее имя которого неизвестно, строился целенаправленно как административный и экономический центр южных земель вошедших в состав Волжской Болгарии после укрепления ее как самостоятельного государства.

Следует отметить, что Самарская Лука была отделена от основных земель Волжской Болгарии в какой-то степени буферной зоной, где поселения довольно редки. Например, в Правобережье от

устья р. Усы вверх до среднего течения р. Свяги известно немногим более 10 болгарских памятников домонгольского периода. В пределах Самарской области следует упомянуть городище у с. Усолье и селище у с. Подвалье. Вероятно, эти поселения располагались в местах переправ через Волгу.

Северо-восточные районы современной Самарской области в географическом отношении входят в провинцию Высокого Заволжья, включающую территорию Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В этом районе берут свое начало реки Б. Черемшан, Шешма, Степной Зай, первая затем течет в широтном направлении и впадает в р. Волгу, две другие текут почти в меридиональном направлении, впадая в р. Каму. Междуречье этих весьма значительных притоков крупнейших рек Восточной Европы занимает южную зону лесостепи, где располагаются большие участки остепненных лугов, перемежающиеся лесными массивами, состоящими преимущественно из широколиственных видов. Впервые сплошное обследование среднего течения р. Б. Черемшан, как уже отмечалось, было проведено в 1965 г. Татарской археологической экспедицией под руководством Р.Г. Фахрутдинова [7]. В результате этих работ были выявлены многочисленные памятники, в том числе волжских болгар в пределах Татарии, Куйбышевской и Ульяновской областей. В то же время следует подчеркнуть, что разведки по р. Б. Черемшан в пределах Куйбышевской (ныне Самарской) области в восточных районах не выявили археологические памятники, которые можно было бы соотнести с культурой Волжской Болгарии. При последующих обследованиях этой территории разведками Средневолжской археологической экспедиции под руководством Г.И. Матвеевой также не было обнаружено болгарских памятников выше среднего течения р. Б. Черемшан.

На территории Самарской области в среднем течении р. Б. Черемшан известно всего около 20 археологических памятников, включая местонахождения. Раскопки проводились только на мусульманском могильнике у д. Пролетарий [3]. Могильник возник уже после освоения этой территории, так как в засыпи могил встречена круговая и лепная керамика, относящаяся к поселенческому слою [3, с.185–188]. Характерно, что в полученном керамическом комплексе присутствуют сосуды, имеющие истоки в керамике ко-

чевнических групп салтово-маяцкой культуры и роменско-боршевской культуры X в. Близкие материалы обнаружены и на селище у с. Каменный Брод, расположенном примерно в 20 км северо-восточнее Пролетарского селища.

На настоящее время, пожалуй, самым восточным памятником, который может быть связан с болгарями, – это находка клада у с. Четырла в 1908 г (хранится в Государственном Эрмитаже). Несмотря на то, что Г.Ф. Полякова датирует клад периодом Золотой Орды, состав клада позволяет предположить его более раннее происхождение, а сокрытие связывать с монгольским нашествием 1236 г.

Разведочные исследования В.В. Гольмстен в 1920-е годы в основном проводились по Б. Черемшану в пределах его приустьевой части и по р. Кондурче. Выявленные памятники, которые можно отнести к Волжской Болгарии домонгольского периода единичны. Позднее на этой территории проводились работы в зоне строительства Куйбышевской ГЭС экспедицией Куйбышевского краеведческого музея. Памятников волжских болгар в Левобережье также было выявлено немного. Таким образом, на территории, примыкающей к Волге (от широты Самары до устья Б. Черемшана), в настоящее время насчитывается не более 10 памятников, причем ни на одном из них исследований не проводилось, поэтому говорить о точной датировке и мощности культурного слоя нет оснований. Наиболее вероятно, что земли южнее р. Б. Черемшан использовались в качестве кочевий различными кочевыми племенами, обитавшими в Заволжье, о чем неоднократно писали различные исследователи (И.Н.Васильева, В.А.Иванов и др.). Возможно, именно такая ситуация и была зафиксирована в «Записках Ибн Фадлана»: «Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом после нее через реку Азхан, потом через Баджа; потом через Самур, потом через Кабал, потом через реку Сух, потом через реку Ка(н)джалу, и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль- Башгирд» [6, с.67]. В новом переводе знаменитой Книги, предпринятом Вяч.С. Кулешовым, этот фрагмент выглядит следующим образом: «14.5. Затем мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха (р. Чеган, приток Урала – комм. переводчика), затем после нее через реку Архыз (р. Иргиз – комм. переводчика), затем через Баджиг (р. Моча – комм. переводчика), потом

через Самур (р. Самара – комм. переводчика), затем через Кинал (р. Кинель – комм. переводчика), затем через реку Сух (р. Сок – комм. переводчика), затем через реку Кюнджюливу (р. Кондурча – комм. переводчика). 14.6. Мы прибыли в страну тюркского народа, называемого уграми.» [2, с.31].

Краткий обзор памятников волжских болгар в Самарском Поволжье позволяет выявить проблемы, которые стоят перед исследователями болгарских древностей. Одна проблема – более четко обозначить территорию распространения болгарских памятников в пограничной зоне на юго-восточной границе Волжской Болгарии. Исследование системы расселения в микрорайоне междуречья р. Б.Черемшан, Шешма, Кичуй, Степной Зай, куда входят памятники северной зоны Самарского Поволжья. Другая проблема – изучение хронологии и историко-культурной специфики региона, решение которой невозможно без крупных стационарных исследований опорных памятников.

Состояние изученности болгарских древностей Самарского Поволжья на настоящий момент позволяет сделать некоторые выводы. Четко можно выделить два района локализации памятников волжских болгар домонгольского периода. Территория Самарской Луки характеризуется плотной компактной локализацией болгарских памятников вокруг крупного городского центра, археологически представленного городищем «Муромский городок», и расположением поселений вдоль береговой линии Волги. Поселения Самарской Луки функционально связаны с обслуживанием Волжского торгового пути, начиная с XI в. Поселения болгар в бассейне р. Б. Черемшан расположены преимущественно вдоль реки, единичные памятники известны на его левобережных притоках. Эти памятники маркируют юго-восточную государственную границу Волжской Болгарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Ахмада ибн-Фадлана. Перевод с арабского и примечания Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с.

2. Кочкина А.Ф. Муромский городок – региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Самарский университет, 1999. Вып.1. С. 165–173.

3. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара: СамВен, 1999. Вып. 1. С. 178–200.

4. Матвеева Г.И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Куйбышев: Куйбышев. книжн. изд-во, 1975. Выпуск III. С. 128–141.

5. Матвеева Г.И. Волжская Болгария (X век – 1236 год) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 247–266.

6. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. 228 с.

7. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Болгарии и ее территория. Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1975. 219 с.

М.А. Манохина

**ПРОДВИЖЕНИЕ ВЫСТАВКИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА:
ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ ОТ БАГДАДА ДО БУЛГАРА»
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ**

Аннотация: *Статья посвящена описанию методов продвижения археологических предметов и коллекций выставки «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» в социальной сети ВКонтакте.*

Ключевые слова: *Центр «Эрмитаж-Казань», социальная сеть ВКонтакте, Путешествие Ибн Фадлана, выставка, музей, археология, популяризация.*

М.А. Manokhina

**PROMOTION OF THE EXHIBITION «IBN FADLAN'S JOURNEY:
VOLGA ROUTE FROM BAGHDAD TO BULGHAR»
IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE**

Annotation: *The article is dedicated description of methods promotion archeological things and collection exhibition « Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar» in social network VKontakte.*

Keywords: *Center «Hermitage-Kazan», social network VKontakte, Ibn Fadlan's journey, exhibition, museum, archeology, popularization.*

Выставка «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара», проходившая в Центре «Эрмитаж-Казань» стала пятнадцатой по счету и самой масштабной по количеству музеев участников и экспонатов. На выставке были представлены 2132 экспоната из семи музеев России. Среди них археологические находки могильников Царев, у поселка Маяк Октября, Рахинка, Шиловский, Змейский, а так же Редикорский и Гнездовский клады. Для музейных сотрудников археологическая тематика выставки предполагает более углубленное изучение истории, этнографии, археологии, а так же особый взгляд на предметы и их переосмысление для пробуждения интереса у тех посетителей, которые археологией не интересуются вовсе. В связи с важностью археологии для конкрет-

ной группы людей формировалось и посещение выставки. Первыми посетителями выставки стали ученые-археологи, студенты Казанского федерального университета, коллекционеры, любители истории, а так же музейные сотрудники. Затем к ним присоединились те, кто увлекается или интересуется археологией. Для большего охвата людей разных категорий и предпочтений сотрудниками Центра «Эрмитаж-Казань» был подготовлен целый ряд мероприятий, программ и конкурсов, которые основывались не только на созерцании красоты и своеобразия предметов выставки, но так же на изучении истории и творческой работе⁹ [4]. Школьники получили возможность играть в археолога и делали это с большим удовольствием, что демонстрировало не угасающий интерес детей к этой профессии. Мальчики совершали путешествие под «Звон сабель и свист стрел». Старшеклассники искали «Дары Ибн Фадлана» и представляли себя в роли царя Алмыша. Помимо интерактивных программ был проведен конкурс по книге Ибн Фадлана, в котором дети со всей республики рисовали и лепили образы чудесной страны Булгарии, ярко описанной путешественником. За художественные работы участников конкурса в официальной группе центра «Эрмитаж-Казань» ВКонтакте и в центре «Эрмитаж-Казань» в течение двух месяцев проголосовало 1014 и 1143 человека соответственно.

Крупнейшая международная конференция по музейному маркетингу «Communicating the Museum» (СТМ), ежегодно проводимая в разных «культурных столицах» мира, в 2011 году в Дюссельдорфе была посвящена теме «Музей и ты»¹⁰. Обосновывая такую тематику, Дэмьен Витмор, почетный президент конференции и директор по внешним связям музея V&A, говорил: «Понятия «аудитория музея» больше не существует. Есть музей и каждый конкретный посетитель. И наша задача – установить эти миллионы диалогов» [1].

Установить эти нити диалогов помогает социальная сеть «ВКонтакте», которая так же является успешным средством продвижения выставки, презентации археологических предметов. В офици-

---

⁹ См. подробнее о культурной сегментации на сайте Маркетингового агентства Morris Hargreaves McIntyre.

¹⁰ «The Museum and You: Creating Multiple Experiences for Each Visitor».

альной группе ВКонтакте центра «Эрмитаж-Казань»¹¹ выставку сопровождали посты о предметах с каталожными пояснениями и фотографиями, которые набирали большое количество лайков, аудиоэкскурсии, а так же был запущен проект-игра «Что да как». В пост включались фото экспоната, вопрос, как правило, «Что это такое?» и три варианта ответа. За время игры с апреля до сентября 2016 года проголосовало 1161 человек и опубликовано 23 экспоната. Из проголосовавших женщин – 724 человека, мужчин – 437; младше 18 лет – 79 голосов; от 18 до 35- 687 голосов; старше 35 лет- 295 голоса. Тройку лидеров по количеству лайков составили: аланские серьги [3, с.287–288], найденные на Нижне-Архызском городище, амулетница «самоварчик» [3, с.261] и иранский светильник X века [3: 81], опубликованные впервые. Так же стоит отметить те предметы, которые ошибочно были атрибутированы голосующими.

Первый экспонат игры фонтан в виде льва [3, с.69] (рис. 1). Больше голосов получил вариант шахматная фигура (41), за ним фонтан (12) и детская игрушка (6). Подставка под курильницу или светильник [3, с. 89], выполненная в Хорасане, второй экспонат игры, так же был расшифрован большинством голосов не верно: ритуальная чаша для омовений (26), курильница (23), сковорода. Аланский конский начальник [3, с.298], предстал в глазах интернет-посетителей центра «Эрмитаж-Казань» в виде крышки графина (26) против конского начальника (14). Еще один экспонат игры – набор литейных форм – изначально являлся спорным, и его назначение до конца не определено [3, с.423–424]. Предположительно, это были заготовки для изготовления сладостей. В социальных сетях такой вариант занял второе место (12), уступив литейным заготовкам для бронзовых украшений (37). Наиболее сложным экспонатом игры стали дирхамы гузов [3, с.530]. Правильный вариант ответа на вопрос, в каком государстве чеканились монеты, поддержали лишь четыре человека. Приоритетным стал неверный ответ Хазарский каганат (17).

---

¹¹ Официальная группа центра «Эрмитаж-Казань» в социальной сети ВКонтакте <https://vk.com/hermitagekazan>.

 Центр Эрмитаж-Казань
23 мар в 11:01

Сегодня мы запускаем новую игру #Что_да_как? Вашему вниманию будут представлены предметы с выставки "Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара" с вариантами ответов - что это такое. Можно будет проголосовать за понравившийся вариант и узнать верный ли он.

И так, первый экспонат! Голосуем.

Что это такое? Открытое голосование

Игрушка для детей
 Шахматная фигура
 Фонтан

Проголосовало **59** человек. Получить код

Рис. 1.

URL: https://vk.com/feed?section=search&q=%23Что_да_как

Таким образом, игра «Что да как» вовлекла в процесс музейного путешествия и обдумывания назначения археологического предмета активное молодое поколение, а так же жителей России старше 35 лет. Удобный поиск всех экспонатов игры по хештегу #Что_да_как дает возможность отслеживать географию и количество проголосовавших. Помимо Казани в голосовании активно участвовали такие города, как Саратов, Самара, Астрахань, Ростов, Москва, Санкт-Петербург. Еще одним средством продвижения музея в

социальных сетях являются репосты. Среди репостов игры следует особо отметить музейных коллег: Астраханский музей-заповедник¹² и Фонд Марджани¹³; так же археологические, исторические и реконструкторские группы, которые так или иначе взаимодействуют между собой: «Археология России и восточных степей»¹⁴ (Саратов), «Новости Археологии»¹⁵, «История Булгар»¹⁶, «Дружина Ратного дела «Рарог»¹⁷ (Ярославль), «Проект Укек» (Саратов)¹⁸, «Хазарский каганат и Волжская Булгария»¹⁹. Самым необычным сообществом, сделавшим репосты, стало сообщество с названием «Микаил ибн джагфар (степь 7–11 века)»²⁰, которое использовало изображение фрагмента чаши [3, с.94].

Социальные сети стали еще одним пространством, где формируется археологическое сообщество. Самой большой по численности подписчиков группой о археологии ВКонтакте является группа «Новости археологии» (61.910 человек). Администраторами группы было запущено интернет голосование с ответами на вопрос: «Кто состоит или просто посещают группу?». Были даны следующие ответы (рис. 2). Наибольшее количество голосов набрала строка тех подписчиков, кто интересуется археологией и историей, но на раскопки не ездит. Хотя процент профессиональных ученых-археологов и начальников археологических экспедиций небольшой (в сумме 6.7%, т.е. 1239 человек), но к общему числу ученых археологов в России количество весомое. Все группы ВКонтакте, созданные для профессионалов, в частности для тех, кто занимается ар-

---

¹² Официальная группа ВКонтакте Астраханский музей-заповедник <https://vk.com/astmuseum>

¹³ Официальная группа ВКонтакте Фонд Марджани <https://vk.com/club52608485>

¹⁴ Группа ВКонтакте Археология России и восточных степей https://vk.com/archaeology_east_european

¹⁵ Новости археологии <https://vk.com/archaeologynews>

¹⁶ История Булгар <https://vk.com/bulgars>

¹⁷ Дружина ратного дела «Рарог» https://vk.com/d_r_d_rarog

¹⁸ Проект Укек. Фестиваль исторической реконструкции «Укек. Один день из жизни средневекового города» https://vk.com/proekt_ukek

¹⁹ Хазарский каганат и Волжская Булгария <https://vk.com/club1123765>

²⁰ Микаил Ибн Джагфар (степь 7–11 века) <https://vk.com/club118160312>

хеологией, создают удобные условия для общения, передачи и скачивания специальной литературы, а так же своевременного знакомства с международными новостями археологии.

Рис. 2

URL: <https://vk.com/archaeologynews>

Музей в этом вопросе становится еще одной частью единого целого. В интернет-пространстве музея формируется новый процесс знакомства с археологическими диковинами средневекового мира, теми предметами, которые мог видеть Ибн Фадлан и оставить словесный образ о них в записках «Рисале». Происходит то, что можно обозначить не только как популяризация музейных предметов, а скорее пробуждения и побуждения интереса к истории, археологии, музеям и частным коллекциям, что является важным этапом в образовательной функции музея.

Образовательная миссия музея имеет широкие перспективы для развития. Самое важное – музей нивелирует оценочные суждения. Переноса познавательную сферу во всемирную сеть, тем самым снимается барьер недоверия. Доверие всегда связано со способами организации надежных интеракций вне конкретных рамок времени и пространства, являясь неотъемлемой частью качественного образования [2, с.64–65]. На какой же ступени стоит образовательная функция музея в рейтинге успешности?

На сегодняшний день среди музеев можно выделить три основных фактора успеха: 1) число и конкурентоспособность крупных выставок, 2) посещаемость и 3) количество «друзей музея». Эти факторы Максвел Андерсон, одна из ключевых фигур музейной жизни США, в своем интервью назвал ложными и предложил иные факторы оценки успешности музеев, не включающие предыдущие три фактора успеха [5]. Образовательную функцию он поставил на второе место после «качество опыта». Вопросы в рамках категории «качество опыта» связаны с тем, как посетитель реагирует на лекцию, насколько хорошо усваивает информацию, а также прогнозируют поведение и последующие действия посетителя музея. В факторе «качество опыта» он отмечает продолжительность посещения сайта музея как одного из показателей успешности. Поэтому сайт должен отвечать тем требованиям и идеям, которые были заложены в концепцию музея. Быть познавательной и интересной платформой для общения «друзей музея», логическим продолжением культурно-образовательной миссии музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белькевич Д. Communicating the Museum 2011: MUSEUM and YOU, 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://www.artukraine.com.ua/articles/523.html>
2. Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения. Сборник научных статей студентов и преподавателей НИУ ВШЭ / Под общей редакцией Ю.О. Папушиной, М.В. Матецкой. СПб.: Изд-во Левша, 2012. 136 с.
3. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с. ил.
4. Morris Hargreaves McIntyre [Электронный ресурс] URL: <http://mhminsight.com/culture-segments>
5. Максвелл Андерсон. Показатели успешной работы. Артгид. 09.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://artguide.com/posts/988>

**ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО ВОЛЖСКИХ БУЛГАР
ДО И ПОСЛЕ ИБН ФАДЛАНА
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

Аннотация: В статье рассматриваются ранние этапы развития ювелирного дела волжских булгар. Они относятся к концу IX и X вв. В это время булгары, жившие на Волге, входили в состав Хазарского государства и были подчинены хазарам. Автор, изучив опубликованные статьи по этой теме, считает, что влиянию ремесла и искусства хазарского государства уделено недостаточно внимания. Ювелирное ремесло волжских булгар до 960 гг. находилось в прямой зависимости от ремесленных и художественных традиций Хазарии. Через него они знакомились с искусством Византии, Ирана и Средней Азии. После посольства Ибн Фадлана в искусстве волжских булгар усиливаются культурные влияния соседних народов: мордвы, мариццев, удмуртов, мадьяр, славян, башкир, гузов. Это придало болгарскому искусству оригинальность. В течение X в. у булгар происходит переработка заимствованных мотивов из искусства хазар и мусульманских стран.

Ключевые слова: Археология, Волжская Булгария, булгары, ювелирные изделия, Ибн Фадлан, хазары, гузы.

K.A. Rudenko

**JEWELLER'S ART OF VOLGA BULGARIANS BEFORE
AND AFTER IBN FADLAN (PROBLEM STATEMENT)**

Annotation: In article early stages of development of jewellery Volga bulgars are considered. They concern the end of IX centuries and X century. At this time bulgars, living on Volga, were a part of the Khazar state and have been subordinated Khazars. The author, having studied published articles on this theme considers that not enough attention is given influence of craft and art of the Khazar state. The jeweller craft Volga bulgar still 960 years was in direct dependence on craft and art traditions of Khazaria. Through it they got acquainted and with art of Byzantium, Iran and Central Asia. After embassy Ibn Fadlan in art Volga bulgars amplifies cultural influences of the next people: Mordvinians, Maris, Udmurts, the Magyar, Slavs, the Bashkir, Ghuzz. It has given to art Volga bulgars originality. Within X centuries at bulgars there is a processing of the borrowed motives from art of Khazars and the Muslim countries.

Keywords: *Archeology, Volga Bulgaria, bulgars, jewels, Ibn Fadlan, Khazars, Ghuzz, Khazar state.*

Изучение истории культуры Волжской Булгарии, средневекового государства, существовавшего в X – начале XIII в. на Средней Волге и Нижней Каме, невозможно без анализа высокотехнологичных производств, отражавших самый высокий уровень мастерства и умений булгарских ремесленников. К числу таких относится ювелирное дело.

Булгарские ювелирные изделия привлекли внимание исследователей еще в XIX в. Однако, в поле зрения ученых и коллекционеров в основном попадали предметы XI–XIV вв., а украшения более раннего периода были единичны. Эту лакуну удалось заполнить только во второй половине XX в., когда началось выявление и активные археологические исследования булгарских памятников VIII–X вв., в первую очередь могильников. Они дали огромное количество новых материалов по данной проблеме. Систематизацию изделий, найденных в захоронениях нескольких крупнейших раннебулгарских некрополях, масштабно изученных в течение 60-х – 80-х гг. XX в. (Больше-Тарханский, Тетюшский, Танкеевский) провел Е.П. Казаков в начале 1990-х гг. [3]. Им было выделены несколько десятков типов украшений, выполненных в основном из меди и бронзы, и в существенно меньшем объеме из серебра, а единичные находки – из золота.

Особое внимание ученый уделил Танкеевскому могильнику, исследованию которого он посвятил несколько десятилетий, поскольку это не только самый крупный по количеству захоронений некрополь IX–X вв. в регионе, но и ключевой объект в исследовании этнокультурной истории Волго-Камья в этот период. Во время прибытия посольства Ибн Фадлана (922 г.) население, оставившее Танкеевский могильник, уже проживало на этой территории в течение как минимум двух поколений. Дополняют данные по этому памятнику материалы небольшого Тетюшского могильника того же периода.

Е.П. Казаков, на основе анализа материалов раннебулгарских могильников и ранних поселений отмечал постепенный рост мусульманской обрядности в погребальной практике волжско-булгар-

ского населения конца IX – первой половины X в., с явным преобладанием в начале этого процесса языческого ритуала погребения отмечая при этом, что ислам принимали танкеевцы в разное время, а не одновременно [3, с.314].

Исследователь подчеркивает усиление роли в жизни волжских булгар второй половины X в. разнообразных политико-экономических связей с мусульманскими государствами Средней Азии, а также существенным расширением этнического взаимодействия с окружающими булгар финскими племенами [3, с.315–318]. Исходя из широкого круга аналогий украшениям из Танкеевского некрополя (особенно в могильниках Марийского Поволжья IX – начала XI в.), Е.П. Казаков утверждал, что практически все они – болгарского изготовления [3, с.315].

Однако тезис о развитом болгарском производстве в IX – начале X в. построенный только на факте находок в составе погребального инвентаря изделий ремесленного производства и который априори был принят в болгаристике, был слабо подтвержден фактами. Не были выявлены следы ремесленных мастерских, как и следы такого рода деятельности в целом, поскольку для всего IX в. и половины X в. стационарных болгарских поселений найти по сей день не удалось. Исключение составляет Малоиерусалимское поселение на Булгарском городище, возникновение которого, несомненно относится ко второй половине – концу IX в. [11, с.249]. Но здесь следов какого-либо производства не зафиксировано.

Убедительные следы изготовления бронзовых накладок зафиксированы на II Билярском селище, где Е.А. Беговатым в 2000-х гг. были открыты следы самого производства, включая ремесленный брак и заготовки таких поделок. Этот комплекс может быть датирован последней третью X – началом XI в.

Конечно булгары и ранее, в IX – начале X в., имели собственное ремесло (в первую очередь кузнечное, ювелирное и гончарное), однако нельзя не учитывать и тот факт, что территория проживания волго-камских булгар была до 60-х гг. X в. частью обширного хазарского государства, которое имело собственную материальную и художественную культуру (археологическое её выражение – салтово-маяцкая культура), изделия мастеров каганата распространялись на его территории. Однако попытки категориально сопоставить ха-

зарские древности и волжско-булгарские в силу разных причин не предпринимались (в основном сравнительный анализ переходил к выявлению аналогий), что в 1990-х гг. породило дискуссию и т.н. «праболгарах» на Самарской луке (памятники новинковского типа). Это касалось и торевтики.

Справедливости ради нужно сказать, что до 1980-х гг. это было просто затруднительно сделать из-за недостатка опубликованных источников, прежде всего, собственно хазарских, поскольку хазарские художественные изделия изучались по мере накопления археологических данных по материальной культуре этого государства. Активное исследование памятников Хазарии началось с конца 1940-х гг. и до конца 1950-х гг. (охранно-спасательные исследования и в дальнейшем), а публикация материалов осуществлялась в течение 1960-х и 1970-х гг. В этих работах ученые, как правило, стремились рассмотреть этнокультурные компоненты, вычленив их из общего массива археологических памятников времени существования Хазарского каганата зафиксированных на его территории.

Изучение искусства хазарского каганата началось и того позже – только в конце XX – начале XXI в., появилась монография В.Е. Флёровой, где рассматривались отдельные элементы искусства собственно хазар и мифологическая основа их творчества [18]. В это же время были опубликованы работы по хазарскому декоративно-прикладному искусству [19]. Причем наметилось несколько подходов к изучению этой части культурного наследия хазарского государства. Первый – уже отмеченный выше искусствоведческий анализ предметов прикладного искусства эпохи хазарского каганата. Второй – археологический, как классификационно-хронологический, конечная цель которого выделение культурно-хронологических горизонтов (А.В. Богачев, И.О. Гавритухин), так и культурно-типологический, основные постулаты которого базируются на парадигме «моды эпохи» [16, с.213–231], что, по мнению сторонников последнего направления особенно было характерно для некоторых категорий украшений, например, серёг, а также в какой-то мере поясной гарнитуры. В отношении последней существуют разнообразные мнения в отношении ее систематизации, датировки и интерпретации, вызывающие полемику среди специалистов [1, с.115–133].

В контексте этих подходов изучались и пояса салтово-маяцкой культуры – культуры на основной территории Хазарского каганата, подробно охарактеризованной С.А. Плетневой [8]. Их специально, наряду с другими изделиями (посуда, украшения и т.п.) исследовала Н.А. Фонякова [19, с.27–33].

Обратим внимание на её выводы. По мнению ученого, прикладное искусство хазар формировалось под сильным влиянием Средней Азии, и изначально было «гибридным». К характерным чертам искусства хазар она относит орнамент с использованием изображений лотоса и пальметты, а на позднем этапе (в X в.) трилистника; позолоту и чернение. Также (это касается, прежде всего поясной гарнитуры) хазарские изделия начиная с IX в. тонкие, чаще всего штампованные, хотя в X в. наблюдается тенденция к увеличению числа достаточно массивных поделок [19, с.98–100].

Подводя итог того, что было написано на эту тему и касается ювелирного искусства в хазарском государстве, можно констатировать, что с одной стороны для него была характерна тенденция к распространению универсальных форм декора на украшения костюма и конского снаряжения (серьги, поясной гарнитур, уздечные и сбруйные наборы), а с другой стороны быстрое складывание и не менее стремительное исчезновение регионально-культурных (локальных) вариантов, отличавшихся в конкретных предметах оригинальными деталями.

К этому можно добавить, что эти инновации, способствовавшие быстрому распространению удобных форм предметов и популярных орнаментальных мотивов, были сами по себе чрезвычайно мобильными и неустойчивыми, что было обусловлено той средой, в которой они рождались и растворялись в своём скором будущем, а именно – условиями кочевания и миграций (например, мадьяры). Все же Хазария по своей сути была кочевой империей.

Кроме того, в X в., по нашему мнению, прослеживается тенденция к созданию канона в хазарском искусстве. Здесь мы подразумеваем искусство каганата в целом, а не только хазар. Н.А. Фонякова предположила, что в этот период это было уже искусство городских торевтов [19, с.100], что вполне вероятно, хотя с её оценками экономической, да и политической сути Хазарии X в., как

«паразитической» вряд ли можно согласиться, исходя хотя бы из приведенных исследователем характеристик этой эпохи.

Вполне вероятно, что хазарский канон распространялся в основном на предметы элитные, в том числе и наборные пояса. При этом существовало и неканоническое искусство, охватывавшее предметы бытового назначения: поясные сумочки с металлическими накладками, серебряные чаши, более простые наборные пояса нередко копировавшие, но более скромно, элитные изделия и т.п. создаваемые ремесленниками Хазарии. Сюда же следует отнести и единичные эксклюзивные изделия, производимые «на заказ» для хазарской знати.

Первые два комплекса изделий объединяло несколько типичных для хазарского ювелирного дела приемов декорирования: золочение и чернение. Не вдаваясь в происхождение этих технологий у хазарских торевтов, отметим, что в X в. это уже достаточно стандартные способы украшения различных изделий: от накладок на ремень и до художественных серебряных сосудов. Это отмечали и исследователи черного дела Древней Руси, отмечая при этом и очевидную связь черного дела Хазарии и древнерусского [4, с.31, 112].

Как все это относится к искусству болгарских ювелиров? Есть ли точки соприкосновения? Исследователи пытались анализировать только одну категорию изделий – художественную металлическую посуду (блюда и чаши) датированную Б.И. Маршаком и Н.В. Федоровой X–XI вв. и отнесённые к продукции болгарских торевтов [15, с.58–66, кат. №№23, 24, 26, 27, 28, 29; 17, с.16–17]. Однако аналогичных или просто похожих на них изделий, хотя бы стилистически, в самой Волжской Булгарии не известно. Впрочем, аргументация Б.И. Маршака, касающаяся болгарской атрибуции достаточно серьезна, хотя и строится исключительно на предположении о том, что кроме болгар никто не мог изготовить стилизованные изделия с чернью и позолотой, с использованием элементов восточного орнамента и арабских надписей.

В качестве сравнения с хазарским искусством традиционно привлекалась ставшая уже «классической» находка – ковш с Коцкого городка в Западной Сибири [15, с.52, кат.№18]. На него обращали внимание практически все, кто занимался изучением хазарского искусства и мифологии [18, с.100–102; 19, с.91–96]. Для аналогий при-

влекались еще несколько находок с хазарской атрибуцией, но менее выразительные. В контексте вышесказанного отметим, что, во-первых, что до XI в. болгарские ремесленники не были знакомы с черневым делом [12, с.97–98], и практически не использовали золочение предметов и украшений²¹. Впрочем, золочение так и не получило широкого распространения у болгарских ювелиров и позднее. Во-вторых, мусульманская культура до второй половины X в., а может быть и позже не была абсолютно господствующей в болгарском обществе и соответственно в художественном творчестве. Более того, сюжетные изображения ни ранее, ни позже не использовались на предметах прикладного болгарского искусства. Все это заставляет задуматься о болгарской атрибуции этой посуды. Недавняя публикация новых предметов, связанных с хазарской торевтикой [9, с.236–273, 338–341] позволяют по-новому взглянуть на эту проблему.

Другая массовая категория изделий – ременные накладки, детально изученные на древнерусских материалах В.В. Мурашевой [5], и вовсе осталась без «хазарского следа». Автор исследования оказался во власти авторитетного мнения Е.П. Казакова (см. выше). Поэтому для IX – первой половины X в. она рассматривает только ранне-болгарский центр производства (и соответственно импорта на Русь), а вторую половину X в. как развито-болгарский [5, с.92–93]. Такое деление вполне объективно и находит своё подтверждение в материалах Танкеевского могильника [3, с.288, рис.95]. Поэтому наблюдения по характеру изменений поясной гарнитуры этих двух хронологических этапов достаточно точны [13, с.69–71, 16] и аргументированы, только связаны они не с волжско-болгарским ремесленным центром, а скорее всего с хазарским.

Изучение болгарского ювелирного дела X в. сталкивается не только с источниковедческими трудностями, но и с вопросами, касающимися формированию культуры будущего государства. Именно в X в. формируется в недрах Хазарии будущее суверенное болгарское государство, основой которого стало не кочевое хозяйство

---

²¹ Золоченые накладки встречены в Больше-Тиганском могильнике IX – начала X в. в пределах расселения болгарских племен на Средней Волге и оставлены не булгарами. Единичные такие находки известны на Измерском селище X – начала XIII вв.

на базе скотоводства, а земледелие с оседлой поселенческой структурой. Новая экономическая сущность Волжской Булгарии безусловно сказалась и на элитных видах ремесла, особенно ювелирном.

Попытаемся исследовать данный вопрос, сравнив ряд категорий ювелирных изделий первой четверти X в. и начала XI в. О ювелирном деле волжских булгар XI в. мы можем судить уже только по поселенческим материалам. Изделия из драгоценных металлов в частности из серебра достаточно подробно опубликованы [12] и нет необходимости детального описания. Основные тенденции развития ювелирного дела Волжской Булгарии домонгольского времени и его особенности в XII в. отражены в отдельном очерке [14] и к этой теме мы обращаться не будем.

Основным видом ювелирной продукции конца IX – начала X в., которую можно на сегодняшний день обозначить как болгарскую исследователи считают поясную гарнитуру: металлические накладки, пряжки и наконечники ремней. Они в целом сопоставимы с аналогичными изделиями встреченных на памятниках салтовомаяцкого круга. Кроме того, такие же изделия встречаются в синхронных могильниках Сурско-Окского междуречья [2] и в могильниках Марийского Поволжья [7]. Отметим, что собственно болгарскими, скорее всего, являются более массивные штампованные или литые украшения (в данном случае поясные накладки, пряжки, наконечники ремней и т.п.) без позолоты и черни. Они, как правило, копируют салтовские оригиналы [3, с.168].

Специфику волжско-булгарским украшениям в некоторых случаях придавало влияние среднеазиатского искусства. С ним на рубеже IX–X вв. булгары познакомились через торговцев-хорезмийцев, о чем свидетельствуют в частности восточноиранские привозные чаши из «белой бронзы» найденные в могильниках Марийского Поволжья X–XI вв. и на болгарском Семеновском селище того же времени [10, с.87–94]. Кроме непосредственных связей булгар со Средней Азией, проникновение мотивов среднеазиатского искусства шло и опосредовано через угров [3, с.169], живших с булгарами на одной территории (Больше-Тиганский и XII Измерский могильники). Мы имеем в виду характерные элементы декора на поясных накладках в виде бордюра из вытянутых узких «листочков», разделенных точками, мотив трилистника; строенные кружочки на «нож-

ке» (явные согдийские реминисценции); использование золочения и т.д. Несомненно иранские или согдийские истоки имеет образ Сенмурва, встреченный на одной из накладок в Больше-Тиганском могильнике. При этом значительная часть этих поделок литая.

О значительном влиянии хазарского искусства на народы Волго-Камья на наш взгляд свидетельствуют и находки из марийских могильников IX–XI вв., где на наборных поясах²² немалая часть накладок и наконечников раменей выполнена штамповкой из очень тонкого листа металла, с использованием золочения [6, с.110, кат.64], что нельзя связать с болгарской ювелирной традицией.

Таким образом, общей тенденцией в развитии ювелирного искусства 30–60-х гг. X в. у волжско-камских булгар было усиление влияния мастеров-торевтов Хазарии. Оно заключалось в использовании мотивов трилистника, крина, упрощенных зооморфных форм, бытовании на поясных накладках архаичных элементов орнамента типа узколепесткового бордюра и т.п. При этом булгары чаще всего заимствовали только форму изделий, мотивы орнамента и т.п. Технологии черни и золочения распространившиеся на парадных изделиях знати хазарского каганата у булгар не привилась. По крайней мере, широкого использования они не получила. Булгарская элита предпочитала не языческую пышность, а стилистическую строгость по мотивам мусульманского Востока, хотя и не лишённую вычурности.

Рубеж, ставший переломным в формировании болгарской торевтики и «родственной» ей торевтике Пермского Прикамья пришелся на 970-е гг. [11, с.260–261]. Хазарские традиции частично закрепились именно в Прикамье, а Волжская Булгария стала искать новые пути развития высокотехнологичных производств, за счет совершенствования собственного опыта, и в немалой степени путем приглашения иноземных мастеров-ювелиров. Таким образом, в течение X в. болгарское ювелирное дело развивалось эволюционно и эклектично, следуя вкусам знати разных болгарских кланов. Контакты с Багдадом при Джаффаридах серьезных изменений в эстетические взгляды болгарской элиты не внесли. Традиционные мотивы

---

²² Е.П. Казаковым этот факт приводится как доказательство болгарского импорта и очевидно болгарского производства этих изделий.

продолжали жить в прикладном искусстве, следуя как общим тенденциям развития искусства каганата, так и включая в себя элементы региональной моды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавритухин О.И. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–II вв. // *Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1996. С.115–133.
2. Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок. Моршанск: Изд-е краеведч. музея, 1952. 232 с.
3. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
4. Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
5. Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
6. Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.
7. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с. (Археология Евразийских степей. Вып. 14).
8. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.
9. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.
10. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: «Репер», 2000. 155 с.
11. Руденко К.А. Волжские булгары в этнокультурном пространстве Волго-Камья в IX – начале XI вв. // *Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе* / отв. ред., сост. А.Е. Загребин. Ижевск: УИИЯЛ, 2013. С. 238–268.
12. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
13. Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992 – 1996 гг. Казань: ЗАО «Издат. дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.
14. Руденко К.А. Культура Волжской Болгарии в отражении памятников ювелирного искусства // *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь*

от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С.388–393.

15. Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-СПб.: Славия, 2003. 96 с.

16. Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С.213–231.

17. Фёдорова Н.В. Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-СПб.: Славия, 2003. С.9–28.

18. Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2001. 160 с.

19. Фонякова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство Хазарии 2 пол. VIII – X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань: ИИ АН РТ, 2010. 168 с.

Д.А. Сташенков

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ НАКАНУНЕ ПРИХОДА ИБН ФАДЛАНА

Аннотация: В статье рассматривается этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье VIII – начала X в. Выделяются различные группы памятников, описываются погребальные комплексы, дается характеристика исследованным поселениям. На основании анализа археологического материала делается вывод об отнесении территории Самарского Поволжья в VIII – начале X в. к политической орбите Хазарского каганата.

Ключевые слова: Самарское Поволжье, Хазарский каганат, археологические исследования, раннее средневековье.

D.A. Stashenkov

ETHNOCULTURAL SITUATION IN THE SAMARA VOLGA REGION ON THE EVE OF IBN FADLAN

Annotation: The article deals with ethnic and cultural situation in the Samara Volga region VIII – beginning of X century. Are allocated different groups of archaeological sites, funerary complexes are described, the characteristic of the settlements studied. The conclusion to classify the territory of the Samara Volga region on the basis of the analysis of archaeological material in the VIII – beginning of X century in the political orbit of the Khazar Khaganate.

Keywords: Samara Volga region, the Khazar Khaganate, archaeological studies, the Early Middle Ages.

Письменные свидетельства о народах, живших в степной и лесостепной зонах Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья, очень немногочисленны. Поэтому так важна для исследователей книга Ахмеда Ибн Фадлана, в которой не только перечислены крупные реки Самарского региона – Сок, Самара, Черемшан, Кондурча и Кинель, но также есть упоминание о том, что эти земли были заняты кочевым населением – аль-Башгирд по А.П. Ковалевскому [15] или уграми по В.С. Кулешову [4].

Письменные источники могут быть дополнены археологическими материалами, но археологические комплексы IX – начала X в. в регионе немногочисленны. Они представлены преимущест-

венно отдельными подкурганными или грунтовыми погребениями в Самарском левобережье Волги, а также кратковременными поселениями, материалы которых в основном введены в научный оборот [1; 2; 7; 8; 14; 19; 20; 21; 22].

На территории Самарской Луки известны хронологически более ранние памятники новинковского типа, которые выделяются из числа синхронных древностей не только Поволжского региона, но и из числа погребальных памятников степи и лесостепи евразийской зоны. Население, оставившее курганно-грунтовыми могильники на Самарской Луке, представляло собой конгломерат различных этнокультурных групп, которые входили в зону непосредственного воздействия Хазарского каганата, а само появление этого военизированного населения в регионе связано с целенаправленной политикой хазарской администрации.

Для понимания места новинковских памятников среди древностей региона важно учитывать материалы исследований расположенного на Самарской Луке Жигулевского грунтового могильника. Судя по составу находок (стеклянные бусы, железные изделия, бронзовые украшения), этот памятник синхронен новинковским комплексам и составляет с ними единую хронологическую группу. Однако этническая принадлежность населения, оставившего захоронения Жигулевского могильника, иная. Важно отметить, что рядом с могильником располагалось синхронное ему поселение, жители которого вели оседлый образ жизни и определенно занимались, помимо прочего, металлургией и металлообработкой [20]. Данное обстоятельство позволяет скорректировать наши представления о характере хозяйственной деятельности населения Самарского Поволжья в хазарскую эпоху, традиционно характеризовавшейся как кочевое скотоводство.

Переходными между древностями новинковского типа и памятниками IX в. являются два комплекса, которые можно датировать втор. пол. VIII – IX в., отличающиеся от остальных деталями погребального обряда и набором инвентаря.

Первый из них – Бобровское погребение (впускное погр.6 кургана 2 курганного могильника Бобровка I). Погребение детское, было ориентировано головой на СЗ. В погребении находились серебряные литые серьги салтовского типа, бронзовый бубенчик, про-

низки, два глиняных сосуда. На продольную северную ступеньку была положена шкура лошади [17]. Погребение может быть отнесено к салтовскому кругу. С некоторыми оговорками, его можно связать с болгарскими группами.

Второй комплекс – хрящевское погребение (впускное погребение 1 кургана 8 Хрящевского курганного могильника). Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. В погребении найдены две подвески колесовидной формы из белого металла, лепной круглодонный сосуд с отогнутым венчиком, орнаментированный круглыми вдавлениями по плечикам и веревочным орнаментом по шейке, биконическое глиняное пряслице, 126 стеклянных и каменных бусин. Н.Я. Мерперт, исследовавший памятник, датировал погребение второй пол. VIII – IX вв. н. э. и связал его с началом истории болгарских племен в Поволжье [12, с.127–129]. Вместе с тем он отметил, что круглодонный горшок, найденный при погребении, по форме, технике производства и характеру орнамента может быть связан с исконными производственными традициями племен среднего Поволжья и Прикамья.

Определение этнической принадлежности хрящевского погребения на настоящий момент преждевременно. Стоит отметить, что подкурганный обряд погребения, наличие в погребении большого числа бус, круглодонный орнаментированный сосуд не характерны для раннеболгарских племен. Вероятно, исходные районы миграции населения, оставившего погребение, следует искать в Прикамье и Приуралье.

Наиболее представителен в Самарском регионе массив памятников, которые можно связать с угорским кругом. Выделение комплексов угорского круга по археологическим материалам стало возможным после масштабных раскопок Танкеевского могильника и исследования Е.А. Халиковой Больше-Тиганского могильника на территории Татарстана [23, с.24] Г.И. Матвеевой были введены в научный оборот материалы первых погребальных комплексов этого круга, обнаруженных в Самарском Поволжье: погребений у с. Немчанка и на 116 км г. Куйбышева [7, с.8]. Нужно отметить, что в своих публикациях Г.И. Матвеева с предельной осторожностью высказывалась по поводу этнической атрибуции новых материалов.

В настоящее время в Самарском Поволжье известно 16 погребений, поселенческих комплексов и мест случайных находок угорского круга, которые датируются в пределах IX в.

Выявленные погребальные комплексы можно разделить на 4 подгруппы:

Подгруппа 1. Отдельные грунтовые захоронения, расположенные на узкой кромке границы степной и лесостепной природно-географических зон в бассейне реки Самара (Палимовское, Немчанские, Ромашкинское, погребение на 116 км г. Куйбышева (Самары), погребения (?) на 23–24 км г. Самары).

Погребения обладают набором общих признаков. В них обязательно присутствуют украшения из серебра: перстни с четырьмя лапками [8, с.38; 7] и серебряные накладки. Мужские погребения объединяются в одну группу по следующим основаниям:

- западная ориентировка погребенных;
- наличие предметов вооружения (сабли «венгерского» типа, наконечники стрел);
- наличие ременного набора;
- наличие предметов конской упряжи и сбруи (удила, стремяна, трензельные кольца, уздечные накладки).

Украшения представлены бронзовыми браслетами и перстнями. Во всех мужских погребениях отсутствует керамика.

В женском погребении (палимовском) имеются поясные накладки, стеклянные бусины, бронзовые браслеты, перстни, серебряные монеты, использовавшиеся в качестве украшения костюма, глиняный сосуд [14].

В двух погребениях найдены монеты, однако на дату чекана для датировки комплексов ориентироваться нельзя, так как в регионе они обращались длительное время. Ромашкинском погребении найдены две аббасидские монеты, одна из которых отчеканена в 155 г.х. (771–772 гг.). В 144 г.х. (761–762 гг. н.э.) чеканен один из двух дирхемов Палимовского погребения.

Географически погребения расположены тремя локальными группами и можно предположить их принадлежность к различным семейным коллективам в целом однокультурного населения.

Подгруппа 2. Отдельные грунтовые захоронения, расположенные в лесостепной природно-географической зоне в бассейне реки

Сок. Пока здесь известен один комплекс – Лебяжинское погребение взрослого мужчины [22]. Набор погребального инвентаря Лебяжинского погребения и юго-восточная ориентировка погребенного отличаются от погребений 1 подгруппы. Стоит отметить, что, по мнению палеоантропологов А.А. Хохлова и И.Р. Газимзянова, по ряду признаков европеоидный череп из Лебяжинского погребения сходен с соответствующими признаками серии из Танкеевского могильника.

Подгруппа 3. Впускные подкурганые захоронения. В этой подгруппе четыре комплекса, которые значительно различаются между собой: впускные погребения № 1 и 2 в одиночном кургане у п/л «Золотая Нива» [2] и впускные погребения в курганном могильнике Просвет I [1]. Погребенные в кургане у п/л «Золотая Нива» лежали вытянуто на спине, головой на 3. Погребения сопровождалась костяным орнаментированным горлышком от бурдюка, наконечниками стрел и костяными лучными обкладками. По определению А.И. Семенова, луки из Золотой Нивы принадлежали к «венгерскому типу» [16, с.76]. Погребения можно датировать IX в.

Погребения в курганном могильнике Просвет I также датируются IX в. Женское погребение наиболее богатое из всех рассмотренных погребальных комплексов. Только в этом погребении присутствуют золотые украшения (поясные накладки, перстень, серьги). Погребенная располагалась в вытянутом на спине положении, головой на запад. В погребении обнаружены кости коня и глиняный подправленный на круге кувшин. Вопрос об этнической принадлежности погребенной сложен: считать ли это погребение угорским, как это было сделано авторами первой публикации [1], или печенежским? С одной стороны, западная ориентировка погребения, стилистически близкое оформление украшений сближают рассматриваемое погребение с памятниками мадьярского круга, с другой – курганный обряд погребения, выбор золота в качестве основного материала для изготовления украшений, наличие специфической керамики дают основание для отнесения его к иному кругу. Данное погребение лишней раз подчеркивает тот факт, что на сегодняшний день не существует четких критериев дифференциации погребальных комплексов эпохи мадьяро-печенежских войн IX в.

Подгруппа 4. Грунтовые погребения на Самарской Луке.

К угорскому кругу с оговорками можно отнести погребение подростка в грунтовой части могильника Ош-Пандо-Нерь и комплексы из Подгорского грунтового могильника [6].

По материалам погребального обряда отчетливо прослеживается смена, как материальной культуры, так и идеологических представлений населения региона на разных отрезках хазарской эпохи. Многочисленные аналогии основным категориям находок в салтовских комплексах Подонья и аланских могильниках Северного Кавказа, отсутствие серийных аналогий в сибирских и центрально-европейских древностях позволяют аргументировать отнесение территории Самарского Поволжья в конце VII – IX в. к политической орбите Хазарского каганата.

Столь же очевидным представляется и то, что территория Самарского Поволжья на протяжении IX – начала X в. входила в зону традиционных кочевых маршрутов угорских групп.

В свое время ряд исследователей (Е.П. Казаков, Р.Г. Кузеев), учитывая немногочисленность известных памятников, предполагали, что с последней четверти I тыс. н.э. на Средней Волге размещались летние кочевья населения, на зиму уходившего в степные районы Приаралья, Предкавказья и Причерноморья.

Уфимский исследователь В.А. Иванов не рассматривал и эту возможность, предположив, что разрозненные погребения региона (у разъезда Немчанка, на 116 км г. Куйбышева, Палимовское и Ромашкинское) очерчивают «мадьярский путь на Запад».

Вместе с тем новые материалы свидетельствует в пользу того, что в Самарское Поволжье регулярно проникали отдельные группы кочевого населения, не только во время крупных миграций и в периоды экстраординарных природно-климатических изменений. В последние годы были выявлены и поселенческие комплексы последней четверти I тыс.

Эти поселения немногочисленны и типология их была представлена автором в отдельной работе [19]. Горизонт с находками хазарского времени обычно тонкий и редкие индивидуальные находки не позволяют дать ему узкую датировку. На всех памятниках в той или иной степени представлена керамика салтово-маяцкого круга,

причем керамический набор на памятниках, расположенных в различных частях Самарского Поволжья, различается между собой.

1) Памятники Самарской Луки. При раскопках на селищах Севрюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII выявлены фрагменты лепных горшков, орнаментированных защипами и вдавлениями по венчику, фрагменты красноглиняных амфор причерноморского типа, глиняные уплощенные пряслица, фрагменты глиняных сковород с бортиками. Насыщенность культурного слоя находками низкая [3; 9; 10; 11]. Остатки жилых построек не выявлены. Предположительная дата памятников – VIII–IX вв. Фрагменты амфор причерноморского типа, которые гипотетически могут конкретизировать дату памятников, имеют широкую датировку [25].

Наиболее раннюю хронологическую позицию среди поселенческих памятников Самарской Луки имеет Жигулевское селище, при исследовании которого найдены предметы, находящие аналогии в погребальных комплексах новинковского круга [21]. Керамический материал представлен фрагментами лепных горшковидных сосудов, с примесью шамота, дресвы и органики в формовочной массе. Отсутствие целых форм и выразительных крупных фрагментов не позволяет провести четкие параллели с материалами конкретных археологических культур. На данном этапе исследования представляется, что по составу формовочной массы и характеру обработки поверхности сосудов собранная керамика имеет определенное сходство с керамикой пеньковской культуры. В то же время присутствие в керамической коллекции венчиков горшковидных сосудов, имеющих специфическую орнаментацию пальцевыми защипами, дает возможность предполагать связь обитателей рассматриваемых поселений с населением, оставившим погребальные комплексы новинковского круга.

На примыкающем с севера к Жигулевскому селищу грунтовом могильнике захоронения совершались по обряду кремации на стороне. Материал из погребений дает возможность уточнить датировку памятника в пределах конца VII – VIII в. Возможно, Жигулевское селище оставлено славянским населением, в функции которого входило обслуживание военизированных новинковских групп. Появление этого населения в Среднем Поволжье в целом можно объ-

яснить целенаправленной политикой хазарской администрации по освоению пограничных территорий каганата.

2) Памятники Самарского левобережья Волги (Пролетарское городище, селище Власть Труда). Памятники удалены друг от друга и расположены в бассейнах разных рек – р. большой Черемшан и р. Сок.

При раскопках Пролетарского городища были найдены фрагменты причерноморских амфор, салтовских подправленных на круге кувшинов вытянутых пропорций, пряслица из стенок салтовских кувшинов, жетоны из стенок амфор. Часть керамического материала находит также параллели в западносибирских материалах IX–X вв.

На селище Власть труда найдены фрагменты амфор причерноморского типа, пряслице из стенки подобной амфоры, ременная накладка, стеклянная полихромная бусина, что позволяет датировать поселение в пределах IX в. Не атрибутированной пока остается лепная горшковидная керамика с примесью шамота и органики в формовочной массе, хорошо представленная на селище.

Вероятно, оба памятника являются сезонными стоянками. Среди оставшегося памятника Самарского левобережья Волги населения уверенно вычлняются группы, родственные населению салтовомаяцкой культуры, и населению, имеющему восточное по отношению к Самарскому региону происхождение, возможно, угорскому.

Кроме того, в бассейне р. Большой Черемшан по разведочным материалам зафиксированы памятники, на которых присутствует керамика роменско-боршевского круга: селища Каменный Брод, Пролетарское [5]. Предварительно памятники, маркирующие завершающую стадию освоения территории Среднего Поволжья выходцами с территории Хазарского каганата, могут быть датированы в пределах конца IX – X в.

К этому времени относятся и первые известные стационарные поселения на территории Татарстана, на которых найдена керамика салтовского круга [18].

Подводя итог проведенной работе, можно сделать следующие выводы:

1) Поселения, на которых представлена керамика салтовомаяцкого круга, появляются в Самарском Поволжье не ранее второй половины VIII – IX вв. Признаком для выделения подобных памят-

ников служит присутствие в керамическом комплексе фрагментов круговых кувшинов с полосчатым вертикальным или перекрестным лощением, и фрагментов амфор причерноморского типа. Лепная горшководная посуда этих памятников изучена недостаточно.

2) Поселения имеют тонкий культурный слой и являются либо сезонными стойбищами подвижного населения, либо недолговременными ремесленными поселками.

3) Поселения хазарского времени в Среднем Поволжье оставлены смешанным в этническом плане населением. Часть этого населения была родственной носителям салтово-маяцкой культуры. Определить исходный район миграции этого населения в рамках общего ареала салтово-маяцкой культуры в настоящий момент не представляется возможным. На основании археологических находок можно также говорить о присутствии на исследованных памятниках славянского и угорского населения.

В X в. количество кочевнических захоронений в регионе резко сокращается. Возможно, это связано с формированием нового государства – Волжской Болгарии, политика которой препятствовала нахождению в непосредственной близости от границ государства кочевых групп иного населения. В это время территория Самарского Поволжья приобретает характер пограничья: здесь проходила северная граница кочевого мира и южная – оседло-земледельческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 400–412.

2. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды. Том 230. Куйбышев: Изд-во КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1979. С. 202–240.

3. Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 128–146.

4. Книга Ахмада ибн-Фадлана. Пер. с арабского и примечания В.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с.

5. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Самара: СамВен, 1999. Вып. I. С. 178–200.

6. Лифанов Н.А., Седова М.С. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 306–314.

7. Матвеева Г.И. Погребение VIII–IX вв. у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 52–56.

8. Матвеева Г.И. Погребение VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. Вып. 1.

9. Матвеева Г.И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 107–117.

10. Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации волжских болгар // Материалы конференции: чтения, посвященные столетию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. М., 2005. С. 294–298.

11. Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Самара, 2005. Выпуск XII. С. 35–58.

12. Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1954. Том I. С. 39–156.

13. Мерперт Н.Я., Смирнов А.П. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 9–64.

14. Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 199–207.

15. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии А.П.Ковалевского / Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. 228 с.

16. Савин А.М., Семенов А.И. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов. Самара, 1995. С. 74–77.

17. Скарбовенко В.А. Погребение кочевника салтовского времени в долине р. Самары // Самарский край в истории России. Материалы

юбилейной научной конференции. Самара: ЗАО «Файн Дизайн», 2001. С. 197–199.

18. Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007. Том II. С. 140–144.

19. Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 118–127.

20. Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара, 2012. 136 с.

21. Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2014. С. 82–124.

22. Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып.1. С. 289–301.

23. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 145–160.

24. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. № 2. С. 158–178.

25. Яacobсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979. 164 с.

М.С. Тихонова

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В МУЗЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ
ПО ВЫСТАВКЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА:
ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ ОТ БАГДАДА ДО БУЛГАРА»**

Аннотация: *Сегодня перед музейным специалистом встает необходимость разработки музейно-образовательных программ, которые будут способствовать пониманию, изучению, запоминанию археологического материала. В статье показаны музейно-образовательные программы с методическими указаниями по выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара».*

Ключевые слова: *Музей, музейно-образовательная программа, интерактивный элемент, школьная аудитория, археология.*

M.S. Tikhonova

**THE PRESENTATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE
IN THE MUSEUM-EDUCATIONAL PROGRAMS
ON THE EXHIBITION «IBN FADLAN'S JORNEY:
VOLGA ROUTE FROM BAGHDAD TO BULGHAR»**

Annotation: *Today, the museum specialist raises the need for a museum and educational programs that will contribute to the understanding, learning and memorization of archaeological material. The article shows the museum and educational programs with the methodological guidelines of the exhibition «Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar».*

Keywords: *Museum, museum education program, interactive element, the school audience, archaeology.*

Археологическое наследие и его презентация в музейной экспозиции способствует повышению интереса к изучению истории, историко-культурного наследия, знакомит нас с культурой, традициями и бытом прошлого. Как показывает практика (на примере выставок Центра «Эрмитаж-Казань») наибольший интерес к археологической выставке проявляет специализирующаяся публика –

научные сотрудники, преподаватели, археологи, посетители, которые интересуются археологией. Одна из существующих проблем по привлечению посетителей на археологическую выставку – это привлечение школьной аудитории. Сотрудники музея понимают сложность археологического материала в его презентации для школьной аудитории. Следовательно, перед музейным специалистом встает творческая задача разработки музейно-образовательных программ с учетом возрастных особенностей и разделов школьных программ, которые будут способствовать пониманию, изучению и запоминанию археологического материала.

В основе музейно-образовательной программы лежит информация о предмете, событии или явлении, которая в результате структурного анализа может превратиться в знание. Развитие музейно-образовательной деятельности на современном этапе связано с переосмыслением содержания традиционных форм работы со зрителем и объединением их в рамках целостного музейно-педагогического процесса. Это делает необходимым создание системы продуктивного взаимодействия музея и учреждений образования для формирования гармоничной личности – эстетически развитой, обогащенной художественным опытом и знаниями, подготовленной к условиям быстрого темпа жизни, смены концепций и ментальности [4, с.41].

Разрабатывая музейно-образовательные программы, важно учитывать возраст школьной детской аудитории, особенно при подаче материала по такой сложной теме как археология. Знание возрастной специфики помогает экскурсоводу правильно построить зрительный ряд, выбрать методику. Например, для младших школьников особое значение имеют такие качества, как наблюдательность, обобщение зрительного впечатления, эмоциональное переживание визуального образа. Аудитории младшего школьного возраста предоставляется возможность не только внимательно все рассмотреть, но и высказать свои впечатления.

Как показывает опыт работы со школьными аудиториями, наиболее востребованными являются музейно-образовательные программы с интерактивными элементами. Понятие «интерактивный» происходит от английского «interact» («inter» – «взаимный», «act» – «действовать»). Это метод, при котором «все обучают каждого и каждый обучает всех» [1]. Использование интерактивного элемента

предусматривает моделирование ситуаций, использование игр, командное решение вопроса и проблемы. Следовательно, интерактивное занятие предполагает взаимодействие. В музейной деятельности такая работа предполагает не только одностороннее получение знаний: «экскурсовод – посетитель», но и их активное взаимодействие с музейным предметом. Для более яркой презентации интерактивного элемента в «портфеле экскурсовода» используются предметы, которые в музее можно «потрогать руками».

В основе музейно-образовательной программы с интерактивным элементом лежит обзорная или тематическая экскурсия по экспозиции. Также интерактивная экскурсия может быть датированной или экспонатной. Темы и подтемы зависят от возрастной категории участников интерактивной экскурсии. Как правило, экскурсии составляются для возрастных категорий 1–4 классы, 5–8 классы, 9–11 классы. Музейные предметы, выбранные для интерактивной программы, должны быть яркими, зрелищными для школьника и обладать основными свойствами музейного предмета: информативностью, экспрессивностью, аттрактивностью, репрезентативностью, ассоциативностью. Музейно-образовательная программа с интерактивными элементами дает возможность участвовать в активной самостоятельной поисково-исследовательской работе.

Разработка музейно-образовательной программы выстраивается по следующему плану:

1. Тема музейно-образовательной программы
2. Цель программы и ее задачи
3. Аудитория
4. Методическая разработка (объекты показа²³, наименование подтем, методические указания)
5. Разработка «интерактивного элемента»²⁴.
6. Портфель экскурсовода

На основе выставки «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» (февраль – сентябрь 2016 г.) мы приве-

---

²³ Один из предметов показа и рассказа связан с интерактивным элементом.

²⁴ Интерактивный элемент – это элемент, при помощи которого происходит взаимодействие между экскурсантами, экскурсоводом и музейным предметом.

дём примеры интерактивных элементов, использованных нами в музейно-образовательных программах.

Выставка знакомит с культурой и искусством древних народов, о которых рассказывал в своем отчете Ибн Фадлан. В экспозиции представлены две тысячи сто тридцать два предмета из золота и серебра, образцы декоративно-прикладного искусства, принадлежности конской упряжи, оружие VIII–XIII вв. – уникальные артефакты археологических раскопок. На выставке разработаны и внедрены музейно-образовательные программы, которые знакомят и помогают осваивать большой и сложный материал: «Путешествие в прошлое», буква-квест «Азбука в музее или археология от А до Я» (для младшей школы); «Путь длиною в 329 дней или путешествие от Багдада до Булгара» (для средней и старшей школы).

Общей целью программ является – расширение знаний об истории, бытовании, культуры и искусства древних народов. Задачи: 1. Познакомить с историей путешествия посольства, направленного аббасидским халифом в 921–922 гг. в Волжскую Булгарию. 2. Актуализировать исторические и географические знания участников. 3. Раскрыть особенности жизни, быта и культуры древних народов, описанных Ибн Фадланом. 4. Содействовать развитию ассоциативного мышления и логики. 5. На основе предметов декоративно-прикладного искусства способствовать эстетическому воспитанию.

Вышеуказанные программы начинаются с интерактивного элемента «Археологические раскопки». Предметы, представленные на выставке, были найдены в ходе археологических раскопок. Мы предлагаем поучаствовать в «подобных» археологических раскопках. В зале расположен большой контейнер, заполненный чистым песком. В песке зарыты «археологические находки». Участники программы знакомятся с профессией археолога, проводят собственные «раскопки» с помощью инструментов (кисточек, лопаток).

Следовательно, они получают возможность сделать собственное «открытие», почувствовать себя в роли археолога. После того как они находят «археологический предмет» в песке, они отправляются в экспозицию, где видят подлинные предметы археологических раскопок. Этот интерактивный элемент способствует повышению внимания к предмету, его материалу, форме и размеру [2, с.29].

В музейно-образовательной программе «Путешествие в прошлое» (для младшей школы) цель участников – это старинная карта, собрав которую, они найдут клад. Фрагменты карты они получают после выполнения задания.

Одним из любимых интерактивных элементов, особенно групп младшей школы – это собирание пазла, мозаики. В основе мозаики (изображение из множества фрагментов рисунка различной формы) лежит музейный предмет, представленный в экспозиции. Задача, стоящая перед экскурсантом, собрать пазл и найти его в экспозиции. В этой программе изображениями для пазлов послужили керамические чаши и тарелки – экспонаты выставки [3, с.97–101]. На магнитном планшете представлено четыре предмета пазлами. Не обращаясь к музейным предметам, не рассматривая их, невозможно было бы собрать все пазлы. Интерактивный элемент «Собери пазл» вовлекает в процесс, способствует концентрации внимания, самостоятельному знакомству с предметами, работой над этикетажом.

Одним из ярких предметов выставки является сосуд IX – первая половина X вв. [3, с.264–269]. В рассказе о шедевре искусства обработки и производства рельефных художественных изделий из металла используется прием объяснения. На сосуде в трех из четырех медальонах показаны изображения воина. Для активизации и развития визуальной памяти использовать элемент «Загадка тысячелетнего сосуда». Задача участников найти отличия и сходство между изображениями на медальонах.

В экспозиции представлены поясные наборы, стремена, украшение ремней крупа коня, ремненные бляхи сбруйного набора, оружие [3, с.207–213; 217–223]. Сконцентрировать внимание экскурсантов на технике изготовления, формах и размерах конского снаряжения и воинских поясов. Перед работой с интерактивным элементом дается историческая справка о предметах, в форме беседы повествуется об их применении. Для закрепления материала используется интерактивный элемент, который заключается в сборке пояса воина, сбруйного набора и других деталей на коня. Реализации этого элемента происходит на магнитном планшете с использованием изображений предметов выставки в виде магнитных фишек.

Подобный интерактивный элемент используется для усвоения темы «Наследие болгарских ювелиров», но с другим информацион-

ным блоком и предметным рядом. Участникам необходимо расставить украшения на макете с изображением девушки: браслеты, гривны, кольца [3, с.396–398; 402; 405–406]. Изображения предметов уменьшены в размерах и закреплены магнитами.

Для аудитории младшего школьного возраста заключение программы играет важную роль. Оно должно быть ярким и запоминающимся. Эту задачу решает интерактивный элемент «Археология на удочке». Экскурсовод ведет рассказ, о том, как археологи находят клады, изучают ценные находки (Гнёздовский клад, находка 2001 г.) [3, с.480–486]. Для участников такой ценной находкой является обнаружение последних частей карты, которые также были помещены в горшочках. С помощью магнитных удочек их необходимо извлечь, проявив аккуратность.

В финале участники собирают карту, на которой указано место нахождения клада.

Буква-квест «Азбука в музее или археология от А до Я» – программа по выставке для младшей школы. Участникам предстоит найти в экспозиции 33 буквы и составить в конце программы алфавит. Первую букву «А» они находят с помощью интерактивного элемента «Археологические раскопки». Другие буквы предстоит найти в экспозиции. Они «спрятались» в предметах. Участники рассматривают серебряные и золотые монеты, собирают узорные чаши, как настоящие археологи, разгадывают загадки. Они называют букву, которая является первой буквой синонима предмета представленного в экспозиции (тарелка-блюдо, светильник-лампа, монеты-деньги и т.д.).

В музейно-образовательной программе «Путь длиною в 329 дней или путешествие от Багдада до Булгара» информационный блок шире, поскольку участники этой программы ученики средней и старшей школы. Они получают больше самостоятельной работы. В программе описание предметов дополняется географической локализацией места.

Целью участников является сбор частей карты пути Ибн Фадлана. Получив часть карты, они следуют далее по экспозиции.

Для актуализации внимания на чашах и блюдах с каллиграфическими надписями используется интерактивный элемент «Расшифруй древние чаши». Предметы представлены в виде пазлов [3,

с.104–110]. Каллиграфические надписи на чашах расшифрованы исследователями. Только на одной чаше надпись не читается. Перевод участники узнают, собрав пазлы. На обратной стороне пазла написан их перевод. Также участники определяют ту чашу, на которой надпись не читается. По завершению элемента участники получают часть карты.

В этой программе также используется интерактивный элемент «Загадка тысячелетнего сосуда» [3, с.264–269]. Повествование сюжетов в медальонах сосуда не раскрыто до конца. Существуют предполагаемые версии. Для вовлечения в экскурсионный процесс участники должны придумать историю, которая связывает все медальоны.

В экспозиции представлены амулеты [3, с.197–200]. Экскурсовод использует прием объяснения, рассказывает о них. Участникам предстоит сделать амулеты. С помощью маркера на круглом основании, к которому прикреплено шесть нитей. Группа из такого же числа участников рисует амулет, поддерживая маркер за эти нити. После чего каждая группа рассказывает о своем амулете.

Конечная остановка экскурсионного пути тема «Волжская Булгария». Здесь используется интерактивный элемент «Закрытые глаза». Экскурсанты получают очки, которые полностью закрывают глаза. Они с закрытыми глазами на слух воспринимают историческую справку о руссах, их традициях и обрядах, предметном мире [3, с.475–511]. После окончания описания участники снимают очки и находят, сравнивают воображаемые ими предметы по описанию, с предметами, представленными в экспозиции. Этот элемент способствует наиболее яркой презентации археологического материала, повышению внимания, развитию воображения и запоминанию.

Таким образом, музейно-образовательные программы с интерактивными элементами соединяют в себе игровой момент и самостоятельный путь познания. Они усиливают понимания музейного предмета, повышают интерес к выставке и рассказу экскурсовода. Опыт Центра «Эрмитаж-Казань» показывает, что музейно-образовательные программы имеют интенсивный спрос и успех у публики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяченко В.К. Сотрудничество в обучении: О коллективном способе учебной работы: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 192 с.
2. Королькова Е.Ф. Проект «Прошлое на кончиках пальцев»: учиться видеть... // Ощущая пространство и время. Музейные программы для слепых и слабовидящих. Материалы круглого стола. СПб.: Изд-во «Скифия-принт», 2016. С. 27–31.
3. Книга Ахмада ибн-Фадлана. Перевод с арабского и примечания В.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с.
4. Столяров Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 216 с.

Р.Ш. Шарипова

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ
НА ВЫСТАВКЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА:
ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ ОТ БАГДАДА ДО БУЛГАРА»
В МУЗЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ**

Аннотация: В статье описываются интерактивные элементы, которые применяются в интерактивной обзорной экскурсии «Загадочные дары Ахмада ибн Фадлана» по выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» с целью привлечения внимания посетителей к музейным предметам.

Ключевые слова: Интерактивная экскурсия, дары Ибн Фадлана, интерактивные элементы.

R.Sh. Sharipova

**THE POPULARIZATION OF MUSEUM OBJECTS
IN THE MUSEUM-EDUCATIONAL PROGRAMS
AT THE EXHIBITION «IBN FADLAN'S JOURNEY:
VOLGA ROUTE FROM BAGHDAD TO BULGHAR»**

Annotation: The article contains a description of the interactive elements that are used in the interactive review excursion «Ibn Fadlan's mysterious gifts» of the exhibition «Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar» to attract the attention of visitors to the museum objects.

Keywords: The interactive excursion, Ibn Fadlan's gifts, the interactive elements.

Выставка «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» знакомит посетителей с далеким миром эпохи Ахмада ибн Фадлана. Интерактивная обзорная экскурсия «Загадочные дары Ахмада ибн Фадлана» призвана сделать доступным и понятным материал выставки для массового зрителя и прежде всего учеников младших и средних классов, что, несомненно, способствует популяризации выставки.

Общедоступность материала выставки обеспечивает оригинальность идеи экскурсии, реализованной с помощью интерактивных элементов. Посетители отправляются в странствие вслед за Ахмадом ибн Фадланом, который в 921–922 годах совершил путешествие из Багдада в страну булгар в составе посольства, направленного аббасидским халифом ал-Муктадиром. На пути экскурсанты находят потерянные дары Ибн Фадлана, предназначенные для правителя булгар Алмыша. Каждый дар имеет загадку, и только, разгадав ее, ребята могут взять с собой дар Ибн Фадлана, чтобы вручить его царю булгар. Именно с решением загадок даров и связаны все интерактивные элементы экскурсии.

Так первый интерактивный элемент «Чтение древних афоризмов на чашах» помогает найти ответ на загадку двух пиал, где в зеркальном отражении даны надписи, содержащие перевод арабских изречений с чаши, сделанной в Ираке в X веке [1, с.63–64]. Лишь прочитав их, участники экскурсии могут узнать, что написано на древней чаше. Таким образом, они проявляют не только быстроту мышления, смекалку, но и интерес к музейному экспонату.

Второй интерактивный элемент «Решение шахматной задачи» предполагает сравнение современных шахматных фигур и найденного в Ташкенте шахматного набора IX–X веков [1, с.126–127], что способствует не только концентрации внимания на экспонатах, но и подчеркивает их большое значение для истории шахмат и раннего исламского искусства. Современные шахматные фигуры даются в композиции, задающей условия поставить мат черному королю одним ходом. Экскурсантам необходимо решить эту шахматную задачу, чтобы получить второй дар Ибн Фадлана – миниатюрные шахматы.

Еще один интерактивный элемент называется «Расшифровка изображений на сосуде». С помощью ключевых слов ребята находят определенные сюжетные изображения на хазарском сосуде IX века [1, с.264–269] и расшифровывают их. Справившись с заданием, они уносят с собой следующий дар Ибн Фадлана – изящную металлическую вазу. Таким образом, увлекательно проходит самостоятельное изучение одного из шедевров выставки, драгоценного памятника торевтики Хазарского каганата.

Дары поддерживают интерес и направляют внимание на музейные предметы на протяжении всей экскурсии. Ее кульминацией и завершением является интерактивный элемент «Подношение даров». Среди участников экскурсии выбирается один на роль царя Алмышы, остальные поочередно вручают ему дары Ибн Фадлана. Такая активная работа помогает участникам закрепить в памяти пройденный материал выставки и проявить творческие способности. Именно этот интерактивный элемент вызывает наибольшее оживление и отклик в душах и детей и взрослых, что делает экскурсию не только познавательной, увлекательной, но и трогательной человеческие сердца. Это дает повод надеяться, что наиболее яркие музейные предметы останутся в памяти, появится желание о них рассказать друзьям, а через социальные сети и по всему миру, что, несомненно, увеличит популярность экспонатов и выставки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Ахмада ибн-Фадлана. Перевод с арабского и примечания В.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. 560 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахундова Наргиз Фаик гызы – доктор исторических наук (Ph.D. (History)), ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан).

Ахмедов Илья Рафаэльевич – старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург).

Зеленцова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (г. Москва).

Бурханов Альберт Ахметжанович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Истории татаро-булгарской цивилизации Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, заслуженный деятель науки РТ, председатель Совета Общества краеведов РТ и член Бюро президиума Всетатарского Общества краеведов при Исполкоме Всемирного конгресса татар, академик РНАН, АВИН РФ и МГА «Европа-Азия», руководитель Среднеамударьинской историко-археологической экспедиции АН Туркменистана и Золотоордынской комплексной историко-археологической экспедиции Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).

Валеев Рафаэль Миргасимович – доктор исторических наук, проректор Казанского государственного института культуры, Руководитель Кафедры ЮНЕСКО, Вице-президент Российского национального комитета ИКОМОС (Международный Совет по охране памятников и достопримечательных мест) (г. Казань).

Васильев Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией Астраханского государственного университета (г. Астрахань).

Княшко Яков Алексеевич – аспирант Волгоградского государственного университета (г. Волгоград).

Кочкина Анна Федоровна – заведующая отделом археологии Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (г. Самара).

Манохина Мария Александровна – ведущий специалист Центра «Эрмитаж-Казань» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» (г. Казань).

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (г. Казань).

Сташенков Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (г. Самара).

Тихонова Маргарита Сергеевна – ведущий специалист Центра «Эрмитаж-Казань» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» (г. Казань).

Шарипова Роза Шамилевна – ведущий сотрудник Центра «Эрмитаж-Казань» Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль» (г. Казань).

**Материалы круглого стола,
посвященного книге Ибн Фадлана,
его эпохе и археологическим коллекциям**

Сборник статей

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 18.11.2016 г. Формат 60×84¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,0 Тираж 100 экз.

978-5-94981-237-2

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф